ПИОНЕР 12

1984

Наташа КЛЯКОВКИНА — восьмиклассница из Уфы.

Споры

С вечерней темнотою,
Зимней снежной мглой,
В окно стучится Вьюга
Белою метлой.
Стучит и воет страшно:
«Я замету весь свет!»
А Тепло Домашнее
Спорит с Вьюгой: «Нет!»
«Заморожу печку!» —
Вьюга всем грозит.
«Попробуй-ка, сумей-ка,
Во мне огонь горит!»
Вьюге белой вторит
Ветрище-чародей:
«Под снежной пеленою
Я спрячу всех людей!»
Тепло в ответ:
«Вас мало,
А нас же всех не счесть,
И кроме рук умелых,
Большая Дружба есть:
Машины для уборки
Заносов снеговых...»
Сразу Вьюга скрылась,
И Ветер вмиг утих.

Светлане МАТЬЯШЕК 14 лет, живет она на Украине, в городе Луцке.

Мороз

Ночь. Темно. Кругом затишье.
Утомленный город спит.
Только где-то еле слышно
На ветвях Мороз трещит.

Бродит с палицей хрустальной,
Реки сковывает в лед,
И трубит в рожок стеклянный —
Ветер и Пургу зовет.

Вот на зов примчался Ветер:
«Что прикажешь?» — «Вам с Пургой
Колыбельные петь детям,
Сон навеять расписной».

Сам он тихо, осторожно
Нам является во сне.
И узоры, как художник,
Он рисует на окне.

Саша АЗИМОВ — ленинградец, учится в 470-й школе, в 7-м классе.

Снежинка

Говорят, что снежинка — кристалл,
Но кристалл — он тяжел, как металл,
А снежинка — она как пушинка,
Как былинка и как паутинка.

Краше кружева звездочка эта,
Чудо-звездочка белого цвета.

Жил игрушечник Бартрам...

В этой комнате было так много всего необычного, что кружилась голова и разбегались глаза. Определить, чем занимается хозяин ее, казалось, невозможно.

В углу комнаты стояла такая большая клетка с птицами, что в дверь ее могла войти маленькая девочка. В стеклянной банке на окне жил мышонок Пип. Из угла в угол суетливо бегал еж Ермолай. На резной висячей полке стояла банка с разноцветными павлиньими перьями. Рядом — шкаф с игрушками немецкими, японскими, французскими, богородскими, вятскими, городецкими.

А жил здесь человек, который придумывал, мастерил и изучал игрушки,— Николай Дмитриевич Бартрам. Он был фантазером, сказочником, чудаком и еще, как ни странно, известным ученым. Многие взрослые, конечно, улыбнутся: «Ну и наука — в игрушки играть!» Но ты-то понимаешь, что игрушки — дело серьезное.

Что же происходит с человеком, когда он взрослеет? Почему он перестает верить в то, что кукла Варя может превратиться в прекрасную принцессу или стать злой феей? Что оловянный солдатик был доблестным воином? А плюшевый медвежонок когда-то бродил по лесным неведомым дорожкам?

Я не могла ответить на эти вопросы, пока не узнала о Бартраме, человеке, который всю жизнь играл и не только верил в разные истории об игрушках, но сам их сочинял.

С рюкзаком за спиной он бродил по стране, лазил по чердакам и подворотням. Собирал часто безногих и безруких кукол, чинил, шил им новые платья, подбадривал и утешал.

А они рассказывали ему о себе необычные и неожиданные вещи, которые ни за что не сообщили бы другим взрослым.

Бартрама давно нет на свете. Он умер почти пятьдесят лет назад. Но уже при жизни своей мог без труда отгадать, во что ты будешь играть. Бартрам говорил, что игра и игрушка — «зеркало мира», потому что в них отражается знакомая нам жизнь. А изучая игрушку, можно узнать историю человечества.

Взрослые при этом в недоумении пожимали плечами и отвечали: «Если хочешь изучать историю, читай книги. Зачем же лазить по чердакам и подворотням?» Но Бартраму язык игрушек казался интересней. А узнать он мог от них не меньше, чем из учебника истории.

Правда, сделать это не так легко. Игрушки никто не считает исторической ценностью, их, как правило, не берегут. Сломанные часто выбрасывают. А когда дети вырастают, куклы уходят куда-то из наших домов.

Были целые эпохи, которые не сохранили игрушек. И это очень обидно. Потому что, как ты уже понял, они могли бы рассказать много интересного о жизни и увлечениях людей.

И если ты когда-нибудь попадешь в Загорске в музей игрушки, созданный Бартрамом, ты еще раз убедишься, что прав был ученый. Если долго и внимательно слушать игрушку, она расскажет о себе и о людях, которые играли в нее.

Вот знакомый всем мяч. Очень-очень давно, так давно, что тебе и представить трудно, в Древней Греции, он считался самым прекрасным и совершенным предметом.

По форме он напоминал грекам огненный шар солнца. А людям казалось, что солнце управляет жизнью. От него зависело, будет ли год урожайным и счастливым или голодным и безрадостным. Мяч похож на солнце, значит, обладает его волшебной силой.

Форма мяча правильная, завершенная. А это греки считали главным признаком красоты. «Прекрасно все, что вписывается в круг, что хотя бы отчасти приближено к солнцу»,— говорили они. Игры в мяч были не только увлекательными, но

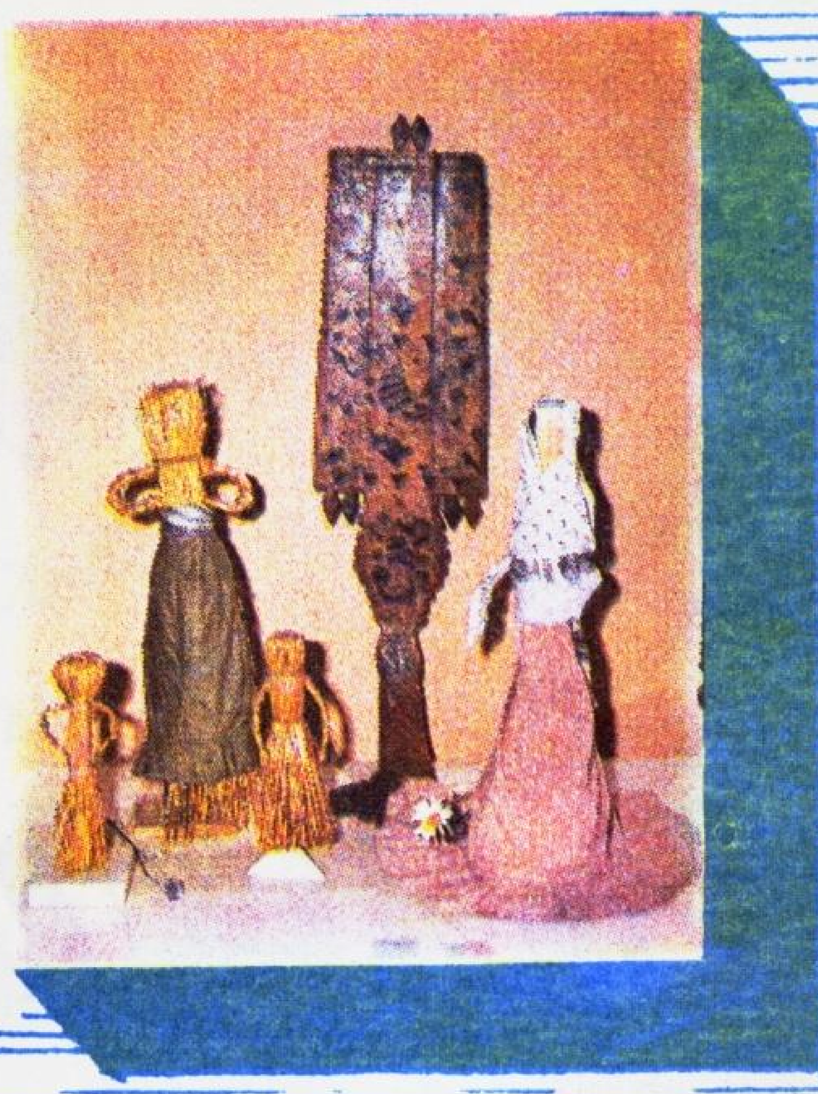
Выходит с 15 марта 1924 г.

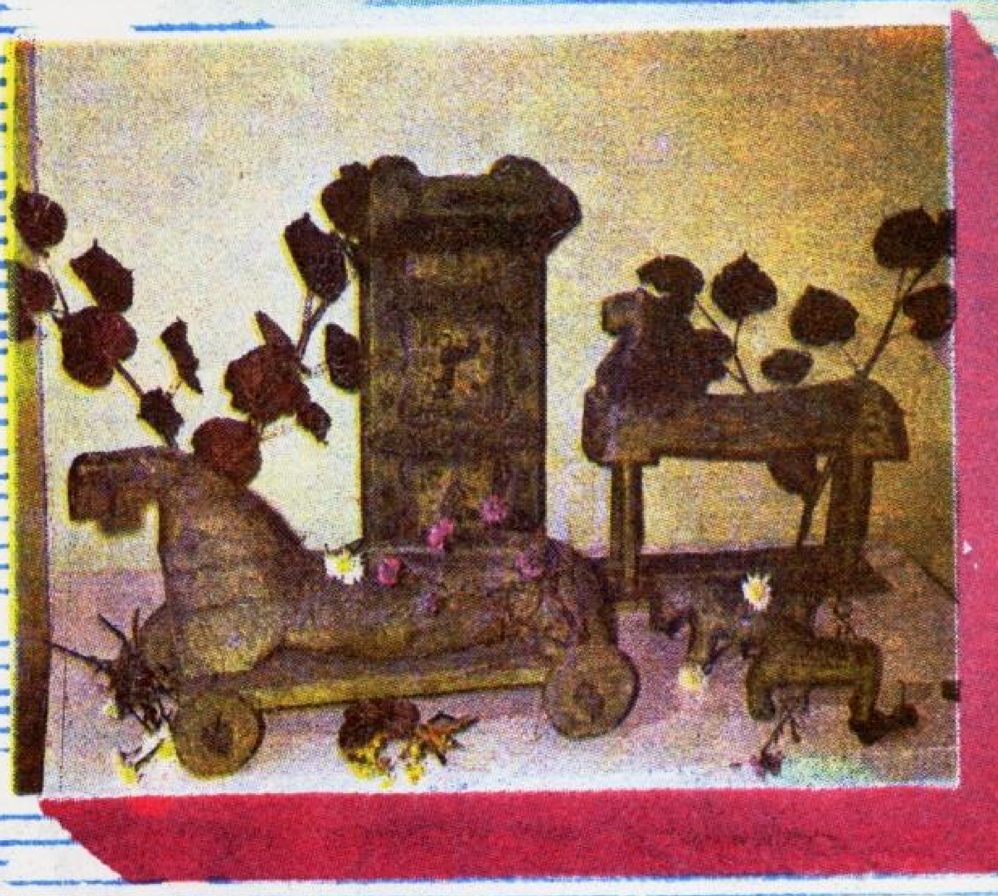
ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

ДЕКАБРЬ 12

Москва 1984 г.
Издательство «Правда»





почетными и уважаемыми. Делали мячи из кожи, туго набивали упругим материалом, чтобы они отскакивали от пола или от стенки.

Ты, конечно, любишь мяч. Но уже не испытываешь к нему того уважения, с которым брал его древнегреческий мальчик.

А еще в древности любили играть в куклы. Правда, они мало походили на современных. Это были грубые чурбанчики, к которым иногда приделывали руки и ноги из тонких палочек. Ты, наверно, и не понял бы, что это за странное существо.

Ну, а теперь попробуй представить себе Францию XVII века. Больше всего здесь ценятся богатство, роскошь, умение красиво одеваться. Во Франции жили лучшие в мире портные, а французские платья считались самыми модными.

Игрушка, как ты уже догадался, рассказывала о богатстве своего хозяина и его умении выбирать костюм. Французских кукол делали из дорогого материала, одевали с головы до ног и причесывали по последней моде. Их выписывали в разные страны мира, и по ним изучали знаменитую парижскую моду.

Рассказывают, что во время войны между Англией и Францией английские модницы потребовали, чтобы французским куклам вместе с их многочисленными платьями разрешили переезжать границу. И кукле пришлось выдать свободный пропуск.

В то время, когда французские игрушечники мастерили куклу, немецкие мастера прославились дорогой игрушкой под названием «Кукольный дом». Потому что в жизни Германии главным считалось устройство собственного дома, очага.

Особенно искусно игрушечные дома строили старые мастера из Нюрнберга — в несколько этажей, все комнаты обставлены мебелью, в маленьких шкафчиках стояла посуда из тонкого фарфора. Петр I заказал такой дом у немецких мастеров, но стоил он так дорого, что даже русскому царю пришлось отказаться от него.

Игрушки были очень хороши, но детям играть в такие ценные вещи не давали. Их хранили в шкафу и разрешали любоваться ими только через стекло. Поэтому больше всего игрушек нам оставил XVII век.

Окажись те прекрасные игрушки в бедной крестьянской семье, дети не знали бы, как играть в них.

Жизнь крестьян почти во всех странах была похожа. Бедность, нищета, с утра до вечера тяжелый труд в поле. Читать крестьяне не умели, книги в деревню не доходили. Как объяснить многие вещи и явления, они не знали и придумывали объяснения им сами. Поэтому и игрушка их отличалась от городской.

Кукол делали здесь быстро и просто из пучка соломы, иногда повязывали платком обычное полено, и начиналась веселая игра. Только очень долго куклы эти были без лица. Потому что через лицо в куклу может вселиться бес, нечистая сила, думали люди, и тогда в дом придут разные несчастья.

Любимой игрушкой крестьянских детей были, конечно, кони.

Вспомни, как относились к мячу древние греки. Вот и конь вызывал у людей такое же уважение. И этот образ для них был связан с солнцем. Известно, что в старину солнце на Руси называли «колесо».

От него и произошли слова «колесница» и «кони». Люди считали, что солнце передвигается по небу на огненной колеснице, в которую запряжены крылатые золотогривые кони. А лучи солнца казались им вожжами или поводьями, накинутыми на чудесных коней. Тебе известно, конечно, что в народных сказках часто появляется сивка-бурка. Называется так сказочный конь потому, что слово «бурый» по звучанию и смыслу похоже на бурю, буран. С конем у людей связано представление о чем-то быстром, летящем. Небесные солнечные кони и были невидимы, неуловимы, легки.

На крышах изб в деревне и сейчас можно увидеть деревянного конька, который смотрит непременно на восток, откуда появляется солнце. Он как бы встречает, приветствует его. И это означает, что все жители дома ждут его, рады ему.

А деревенские мальчишки и девчонки скакали верхом на конях-качалках или просто на палке, на которую была надета вырезанная из дерева лошадиная голова. И громко радовались этой солнечной игрушке.

Когда пришел 1812 год, конь стал главной игрушкой и у городских ребят. Шла война с Наполеоном. Кони мчали воинов на суровые битвы. Дети скакали на своих игрушечных сивках-бурках, яростно размахивая шашками. Оловянные, деревянные, бумажные солдаты, целые армии игрушечных солдатиков сражались на столах и стульях. А под столом неизменно оказывалась кукла Наполеон.

Среди твоих игрушек конь, думаю, уже не занимает такого почетного места. Ты понимаешь, что к солнцу он не имеет никакого отношения, передвигаться же гораздо удобнее на машине, поезде или самолете.

Вот и куклы твои разъезжают друг к другу в гости на заводных машинах. А может быть, даже по игрушечной железной дороге, на которой работаешь ты стрелочником или машинистом. Потому что живешь ты во времена техники и окружают тебя механические машины, луноходы и космические ракеты.

А если сохранишь ты свои игрушки, они когда-нибудь расскажут о тебе и твоем времени мальчишкам и девчонкам, которые будут играть в электронных роботов и межпланетные корабли.

Так считал Бартрам и доказывал это. Конечно, не всех удалось убедить в том, что изучение игрушки — дело важное и необходимое.

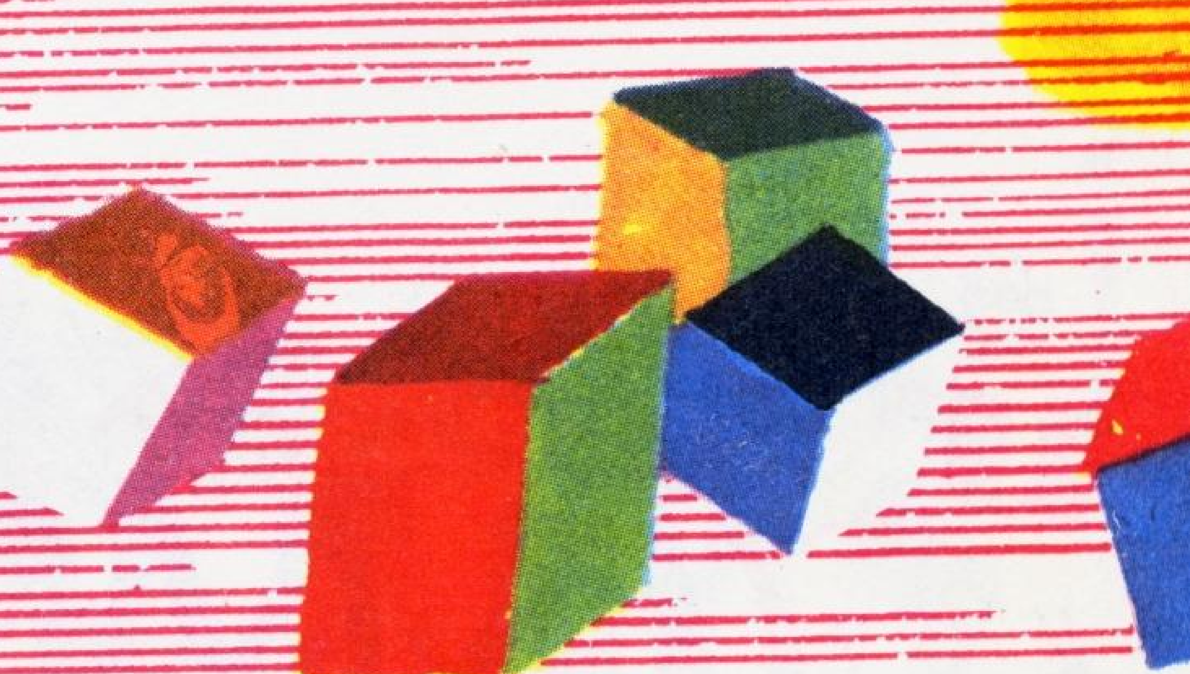
Удивительно, что из многих гобеленов, сделанных по его рисункам, дольше других сохранился один. На нем изображен был осенний лес. По узкой тропинке к нему медленно бредет старенький царь в белой одежде с золотой короной на голове. Грустно было смотреть на одинокого царя, без свиты, войска, бредущего неведомо куда. Чем-то напоминал он самого Бартрама, который, конечно, был царем своего игрушечного царства, но куда и зачем бредет этот чудак, понимали не все.

Многие взрослые снисходительно улыбались, глядя ему вслед, считали дело его несерьезным, игрушки — временным увлечением человека. Но ты-то, надеюсь, не согласишься с ними, даже когда станешь совсем большим.

Н. ДАВЫДОВА

Рисунки Л. ХАЧАТРЯНА.

Фотографии С. ГУРАРИЯ и С. СТАРШИНОВА.



Государству нужны знающие и умелые люди. Специалисты.

ДЕЛО, КОТОРЫМ МОЖНО ГОРДИТЬСЯ

Пятую трудовую четверть мы решили провести в совхозе имени Благоева. Совхоз-миллионер назван так в честь болгарского революционера. Село же Куликово названо в честь Маршала Советского Союза Виктора Георгиевича Куликова. Совхоз поддерживает дружеские отношения с кооперативными хозяйствами Болгарии. Хозяйства обмениваются опытом, рабочие приезжают друг к другу в гости.

В Куликове расположен крупнейший дендропарк. В нем 10 тысяч пород растений. Два озера с белыми лебедями, как две жемчужинки. И в центре села два больших памятника. Димитру Благоеву и второй — болгарским коммунарам и жителям Куликова, погибшим в годы Великой Отечественной войны.

Вставали мы по сигналу горна, в 6.30 утра. Зарядка, линейка — и на поле. Работали на капусте. Часть ребят пропалывала сорняки, часть ухаживала за рассадой, часть поливала посадки. И для всех их дело главное. Кочан как завязывается? Сначала один лист, потом другой, третий. Так же и наша работа на поле. Каждый делает свое дело, а получается большой урожай. Если у кого-то работа не клеилась, ему помогали. Придумали даже игру. Кто первым до конца ряда дойдет, бежит проверять поле: все ли чисто прополото, не повреждены ли посадки? И уж если замечен брак, возвращается вся бригада. Мы поняли: плохая работа одного человека подводит всех, и, главное, урожай будет плохой. А хорошая работа радует всех, и на линейке мы отмечали лучшую бригаду.

После работы мы отдыхали. Устраивали встречи с ветеранами, спортивные состязания, КВНы. Как хорошо отдыхать, работая! После торжественной линейки закрытия мы пошли получать заработанные деньги. Мы испытывали чувство радости и гордости. И думали: мы за это лето повзрослели.

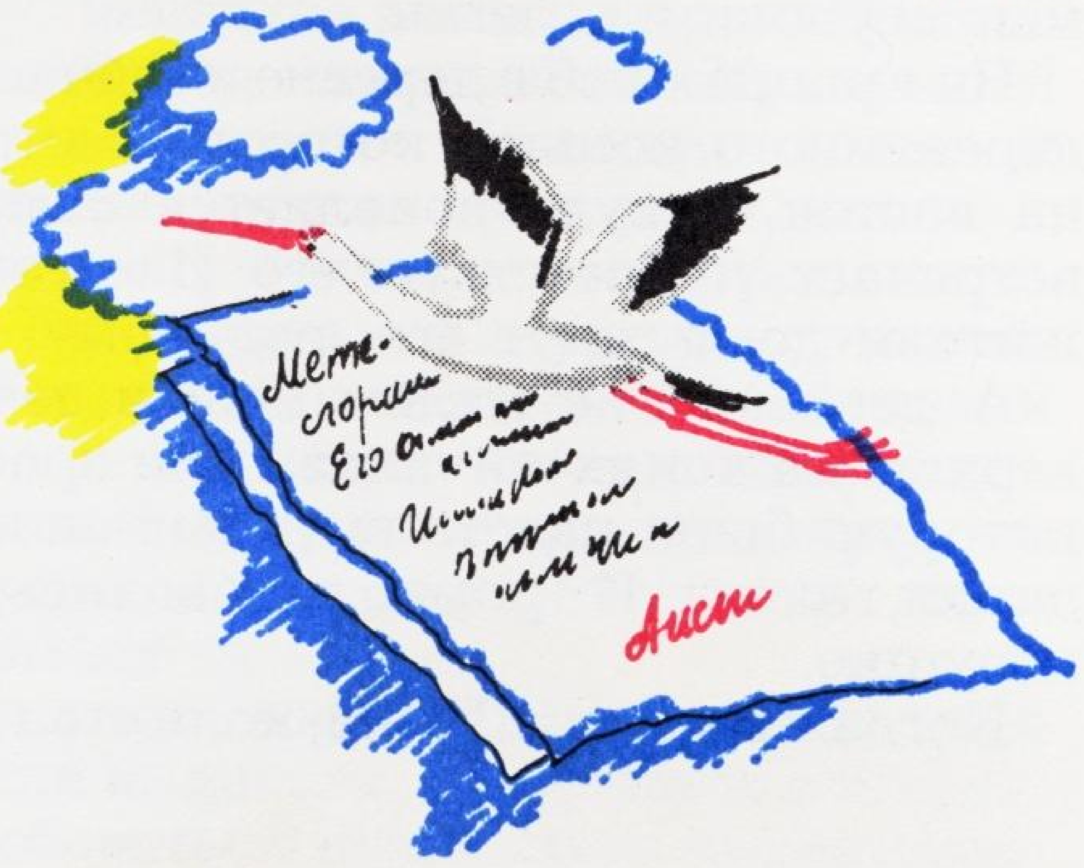
Татьяна ЩЕРБАНЬ,
г. Полтава.

ПОХОД БЕРЕЖЛИВЫХ

У нас в школе созданы Посты бережливых. Не так уж трудно понять, что нельзя рисовать на учебниках, писать на партах, царапать стены. На все это потрачены большие государственные деньги. И лучше расходовать их на новые постройки, чем на ремонт старых. Но иногда приходится все же останавливать тех, кто не понял этого до конца. Вот вышли из столовой мальчишки, в руках у них хлеб, а у некоторых даже с повидлом. Покусали и бросили. Как можно? Мы их догнали, и вернули, и хорошо поговорили. Все они поняли, и стало им стыдно. Хлеб — это труд. Это благополучие. И разве так сложно усвоить простую истину: не покупайте и не берите хлеба больше, чем сможете съесть.

Татьяна СОЛОГУБ,
с. Жабокрич,
Винницкая область.

ИМЯ ОТРЯДА — ЧЕСТЬ ОТРЯДА



Жизнь, подвиг, творчество человека, чье имя теперь присвоено нашему отряду, волнуют меня до глубины души. Этот человек — Александр Стовба. Саша родился в 1954 году, окончил 20-ю среднюю школу в Днепродзержинске. Потом закончил Киевское высшее командное училище с отличием. Погиб Саша, выполняя свой интернациональный долг, в Афганистане.

Аист — так подписывал Саша свои стихи. Инициалы и первые буквы фамилии — Александр Иванович Стовба — АИСТ. А вот стихи:

Метеорит живет мгновенье,
сгорая в дымной синеве,
Его отвесное паденье,
сквозь смерть к земле,
И я хочу, летя сквозь годы,
метеоритом в синей мгле
Сгореть, сжигая все невзгоды,
во имя жизни на земле.

Мы рады были узнать, что в издательстве «Молодая гвардия» вышел сборник стихов Александра Ивановича Стовбы «За тебя — в атаку!». За стихи этого сборника любимый герой нашего отряда награжден литературной премией имени Николая Островского, а за свой подвиг — высокой наградой Родины орденом Ленина посмертно.

Сейчас нашему отряду присвоено имя героя. Мы переписываемся и подружились с его матерью. В письмах она называет нас аистятами.

Леся КУЗЬМЕНКО,
г. Киев.

СТРАНИЧКА ДЛЯ РАЗМЫШЛЕНИЙ

Хлеб — это труд. Это благополучие.

В пятом номере «Пионера» мы рассказали о девочках-подружках, которые поссорились, и каждая стала жить только для себя. Так написала в журнал Марина Богорадова из города Фрунзе. Ссора подействовала на атмосферу всего класса, а вышла она из-за пустяков.

На письмо Марины откликнулось много ребят, и получился разговор в письмах — о человеческих отношениях, о позиции, которую необходимо отстаивать, и о пустяках, на которые нет смысла обращать внимание. О настоящей дружбе и мелком себялюбии.

Ты, если захочешь, тоже можешь присоединиться к этому разговору-размышлению.

НАТАША ИЗОТОВА, г. Оренбург. Нужно ценить своих друзей. И перед тем, как поступить, хорошо подумать, не принесешь ли ты кому-нибудь вреда, не обидишь ли. Но если уж ты ошибся, надо постараться исправить свою ошибку. Не увеличивать ссору, а сберечь дружбу. Ну, а если ты считаешь свой поступок правильным, надо убедить в своей правоте товарищей. И себя спросить: «Так ли уж я права?» И не стыдиться признать свою ошибку. Настоящая дружба будет лишь тогда, когда люди постараются понять друг друга и в любой момент прийти на помощь.

ТАНЯ БЕЛОВА, г. Калинин. У каждого человека свой характер и своя цель в жизни. Если вы друзья, надо постараться это понять. Я думаю, Марина, что ты и твои подруги очень не правы. Из-за пустячной ссоры потерять лучших друзей? И даже коллектив в классе? Надо погасить свое самолюбие во имя настоящей дружбы.

ЛАРИСА МЯСНИКОВА, г. Чкаловск, Горьковская область. Марина! Разве так можно? Из-за мелочей ссориться с друзьями, портить отношения в классе? Ну, в общем, ссоры у всех бывают, но нужно же взять себя в руки и поговорить по душам. И не затягивать ссору. А сами не сможете разобраться, поговорите на совете отряда, но лучше сами. Не терять же дружбу из-за ерунды. Обязательно помиритесь!

ЗОЯ ЛОСЕВА, г. Москва. Как можно из-за своих личных обид разрушать дружбу в отряде?

КАРИНА КУСТАЧКОВА, г. Чебоксары, ЧАССР. Конечно, бывают минуты, когда люди друг друга не понимают. Но мне кажется, в нашем возрасте это не ссоры, а раздоры. Если не раздувать пожар, то все угаснет постепенно. Дружба — это хорошо. Без подруги плохо, а людей без недостатков не бывает. Значит, нужно уметь быть великодушным в дружбе. Нужно в себе воспитать хорошего друга для других. И себя судить строже, чем других. Потерять друга легче, чем найти. Дружбу надо беречь.

В разговоре, который состоялся, нас волнует и то, что мальчики не приняли в нем участия. Почему? Мальчики! Это вопрос и к вам!

БЫТЬ ГРАЖДАНИНОМ СОВЕТСКОЙ СТРАНЫ

Как мы это понимаем? Если ты живешь только тем, что берешь, то ты глубоко ошибаешься, думая, что стал гражданином своей страны. По-настоящему любить свою Родину ты будешь только тогда, когда научишься отдавать ей все, что можешь. А что мы можем? Мы же еще не работаем. И нам восемь — десять лет. А в войну ребята в восемь лет делали очень многое. Значит, и мы можем. Мы должны беречь школьную мебель и учебники. Нам по силам собрать тонны металлолома и макулатуры. Помогать старшим во всем — это тоже нам по плечу. И беречь то, что делают для нас старшие.

Нам сказали, что на учение одного ученика государство тратит много денег. А если мы плохо учимся? Так государство может и разориться. Государству же нужны знающие и умелые люди. Специалисты.

Точно ответить на вопрос, что значит быть гражданином Советской страны, мы, наверное, не сумели. Но одно мы знаем твердо: надо защищать достоинство Родины. И саму Родину.

4-й класс, школа № 65, г. Омск.

ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ!

Друзья — читатели рубрики «Отряд говорит с отрядом»! Напишите нам, о чем хотите вы вести разговор на страницах «Отряд говорит с отрядом» в будущем году. Что вас волнует, тревожит? Что интересует вас в жизни других отрядов на Всесоюзном Марше? Чем хотели бы вы поделиться с другими? Какие вопросы станем мы обсуждать на страничках для размышлений? Ждем ваших писем. От вас зависит, как сложатся выпуски будущего года!

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.

ДИСКУССИОННЫЙ ПИОНЕРСКИЙ КЛУБ «ЗА И ПРОТИВ»

ПОДНИМАЙТЕ ДОБРО В АТАКУ!

Анатолий МАРКУША

Рисунки Е. ШАБЕЛЬНИКА.

«МЫ и ОНИ» назывался материал, напечатанный в нашем дискуссионном клубе «ЗА и ПРОТИВ» в № 11 за 1983 год. И вот прошло время, откликов собралось порядочно, в спор включаются все новые читатели, и пирамидка писем поднимается выше, выше, выше...

Читаю письмо за письмом, и первое, над чем задумываюсь: как рассортировать этот «урожай», по каким признакам разделить письма?

Пока ясно одно: с какого бока ни подходи к корреспонденции, определенного, что называется, однозначного ответа на вопрос не найти. Дружба — дело непростое, понимают мальчишки и девчонки друг друга не сразу — словом, проблема из числа «вечных».

Но вот что можно сказать определенно: число писем, полученных от девочек, в три раза превосходит число мальчишеских писем. А значит?.. И на этот раз девочки оказались активнее мальчиков. Арифметика — наука точная, и тут нам, мальчишки, никуда не деться: проигрываем мы подругам!

Многие девочки считают, что наш разговор в журнале был начат совершенно напрасно. «А все почему? — пишет Лена из города Шуи.— Потому что мальчишки у нас глупые. Иногда смотришь на них и думаешь: смеяться над ними или плакать? Ничего они не понимают и не хотят понимать...»

И Таня Рогачева из Актюбинской области высказывается не слишком весело: «Мы не понимаем друг друга и не стараемся понять. Показываем гордость — обойдемся, мол, без вас, а мальчишки привыкают к такому положению: все делается без них... и ничего не желают принимать на себя...»

К сожалению, писем такого толка: безвыходных, наполненных лишь примерами несогласий, ссор и скандалов — много.

«Однажды, да и не однажды, а много раз, мы договаривались называть друг друга по именам, отказаться от прозвищ, а толку чуть. Не получается...— меланхолически сообщает Света Тихонова из города Коврова. А чуть дальше, хоть и неохотно, признает: — Правда, здесь не только мальчишки виноваты, здесь и мы, девчонки, хороши. Если нам не угодил мальчик, мы его обязательно обзовем.— И, как бы спохватившись, Света продолжает: — Но главное, у нас много хулиганов, они верховодят всеми мальчишками. Что тут сделаешь?»

Письма, письма, письма... Из Челябинска, Владивостока, Читы, Оренбуржья, из Кандалакши, Херсона — со всех концов нашей огромной страны. И всюду, если верить нашим корреспондентам, картина примерно одинакова: раздоры, ссоры, клички вместо имен, неуважение...

Как-то даже не по себе делается от скулежа, беспомощности, полной растерянности, столь отчетливо звучащих в этих посланиях.

И вдруг, как просвет в облаках:

«Мы, то есть девочки, никак не могли сойтись мыслями и делами с мальчишками. Они мешали нам, дразнили нас, обижали. Мы чуть было не опустили руки, но однажды на нашем девчачьем «ночном совете» (дело происходило в лагере.— **А. М.**) решили сделать последнюю попытку: посвятить мальчишек в рыцари или в джентльмены. Утром предложили им. Они сначала заартачились, а потом поставили условие — сначала они посвятят нас в «леди».

Всю процедуру мы подготовили без помощи вожатых, тайно. Чтобы мальчишка получил звание «рыцаря», он должен был пройти сквозь весь корпус «Бригантина», не попав на глаза ни одному вожатому. А ведь ночью на каждом этаже обязательно дежурили вожатые... Девочки же должны были в одиночку пересечь темный подвал...

Может быть, все это совершенная глупость, но потому что мы придумали такое испытание сами и сами сумели его провести, отношения в отряде улучшились...» — Из письма Брониславы Плясовой, Приморский край.

И вот что мне показалось самым лучшим в этом письме — не заимствованные из чужой жизни знания, не наивные ночные испытания на смелость и изворотливость, а *полная самостоятельность* в принятии и исполнении решения.

Молодцы девочки: от слов сумели перейти к делу! А жизнь давно подсказывает — лучше маленький поступок, чем самый большой поток правильных слов.

Вот еще письмо, от Светы из Нижневартовска:

«В нашем классе все уважают друг друга. Есть и плохие ученики. Но мы не даем им покоя, втягиваем в жизнь класса. Нужно искать интересные дела, чтобы всем хотелось в них участвовать. Можно устроить «Голубой огонек» к празднику; можно организовать просто чай с пирогами, но чтобы стол готовили все — и сами! Можно на классном часе провести соревнование по занимательной математике. Словом, больше надо выдумывать, фантазировать и стараться, чтобы всем было интересно».

Кстати, о чае и пирогах рассказывает Игорь из Балакова: «Каждый месяц бывает классный чай — в честь тех, кто в этом месяце родился. И подарки, конечно. Делаем все самостоятельно».

Забегу чуть вперед. Перебрав множество писем, я точно установил: нет для сближения и налаживания хороших отношений в классе надежнее способа, чем совместные походы. Пусть не всегда с первого раза все получается, но костер, картошка из котелка, берег прохладного озера или тенистая поляна под елями, преодоленные километры — вернейшее лекарство от разобщенности!

И еще: надо, чтобы у каждого похода была цель, например, познавательная (посетить исторический памятник, музей, заповедник) или практически деловая (оказать помощь подшефному детскому саду или колхозу), пусть развлекательно-спортивная. Тогда надо хорошенько подумать, какое провести в походе соревнование, как сделать, чтобы тренировки проходили весело, радостно.

Сережа Костров из Куйбышевской области интересно рассказывает в своем письме о беге в... ведрах, который доставляет ребятам массу удовольствия. «Тут дело не в быстроте, а в том, чтобы не завалиться. И когда две команды проводят эстафету, надев на ноги ведра да еще передавая эти ведра в конце дистанции очередному бегуну, от нашего смеха деревья качаются...» Сережины товарищи, видно, мастера на выдумки: они сооружают самые причудливые полосы препятствий, где и на четвереньках приходится проползать сквозь низенькие воротца, и проскакивать под веревкой с тремя мячами в руках, и показывать свое искусство на ходулях... Команды бывают у них смешанные — скажем, трое мальчишек и две девчонки против трех мальчишек и двух девчонок.

Вообще, как показывает почта, занятных соревнований можно придумать сколько угодно. Надо только постараться.

В одной из пензенских школ шло соревнование между фотографами. Каждый, получив пленку, должен был отснять тридцать шесть кадров, проявить, напечатать, надписать на снимках свой девиз и представить в жюри.

Побеждал тот, кто, во-первых, добивался самого полного использования пленки, во-вторых, показывал высокое техническое качество снимков, в-третьих, находил веселые сюжеты.

Команд было две — мужская и женская. Жюри смешанное. Между прочим, победила в этом соревновании женская команда.

И еще о соревнованиях: Тамара Осипова, Лена Калиньшева, Майя Чембур и многие другие девочки критикуют меня за тот пример, что был приведен в статье, напечатанной в № 11 «Пионера». Напомню, о чем шла речь: «Давайте, чем орать, устроим соревнование: мы, мальчишки, должны будем выполнить девчоночью работу — что-то выстирать, что-то сварить, помыть полы. А девочки пусть выполнят нашу работу... Найдут неисправность в электропроводке и починят... Пусть залатают велосипедную камеру... И определят, почему не работает радиоприемник...»

Так вот, многие читательницы с таким распределением заданий категорически не согласны и говорят: если нам искать неисправность в электропроводке, тогда пусть мальчишки свяжут что-нибудь крючком или на спицах! Если нам латать велосипедную камеру, пусть они попробуют скроить юбку или кофточку... А иначе несправедливо!

Сдаюсь! Вы правы, девочки. Пример в моей статье оказался не самым удачным. Единственное, что утешает,— пример не порочит идеи такого со-

ревнования. А какие назначить условия состязающимся сторонам, так это же ваша забота!

Между прочим, во многих письмах ребята жалуются на вмешательство взрослых в их пионерские дела. И вот что странно: одни считают — дела идут плохо, потому что взрослые слишком много «помогают», а другие, как раз наоборот, видят все беды в том, что взрослые мало обращают внимания на их пионерские заботы...

Странно, правда? И что тут сказать?

Я сторонник золотой середины. Помогать ребятам, конечно, и наш долг, и наша обязанность, но опекать каждый ребячий шаг, мне кажется, большая ошибка.

Возвращаюсь к письмам.

«У нас в отряде мальчишки просто мировые!!! Сначала у нас были склоки, были курильщики, сквернословы. Мальчишек приходилось чуть не силой тащить на сборы. Но мы брали самые острые проблемы для обсуждения: о дружбе, что такое общительность, как понимать такт... Мы ходили вместе на каток, в кино, на лыжные тренировки. Вместе помогали октябрятам, ветеранам, собирали сообща макулатуру и металлолом. Теперь мы просто не можем ничего делать без мальчишек!

Если у вас не ладятся дела вместе с мальчишками, нужно их увлечь!

Если надо пойти на компромисс — идите. Надо уступить — уступите, от этого вам хуже не будет.

Сразу ничего не получается, но через некоторое время ваш отряд станет самым дружным, если вы не отступитесь». Такое письмо пришло из далекого Тобольска.

И знаете, на что в первую очередь я обратил внимание? На замечательный тон этого послания — наступательный, атакующий! Думаю, очень это важно — тон. А как часто случается еще в жизни: зло, лень, хамство и другие пороки атакуют нас, а доброта, чуткость, внимательность вяло обороняются, с трудом защищая свои слабо укрепленные позиции, вместо того чтобы решительно переходить в атаку.

Поднимайте добро в атаку, подумал я, читая письмо из Тобольска, и, словно услышав мою мысль, Марина Снегопадова из Москвы решительно поддержала меня:

«Однажды я, моя подруга Наташа и друг Павел шли из кино. За нами увязались большие парни. Начали приставать. Но Павел заступился за нас.

Если кто-то чего-то не понимает у нас в отряде,— писала дальше Наташа,— растолкуем! Если в спорте не может — научим! Вообще у нас класс очень дружный...»

Письма, письма, письма...

И вот что прорисовывается в конечном счете: плохо обстоят дела там, где все видят недостатки, все говорят о них, жалуются, но... никакой серьезной активности не проявляют.

Лучше или даже хорошо там, где ищут полезные и увлекающие всех занятия, где проявляют смекалку, настойчивость, изобретательность.

Давно уже один старый пионерский вожатый высказал такую мысль: найти интересное и, конечно, полезное дело — половина работы. Надо еще правильно это дело, как он выразился, подсолить.

— Подсолить? — не понял и удивился я.

— Вот именно! Вспомните хоть Тимура. Как здорово Гайдар придумал игру, сочинил пароли, навел таинственность... А хотите, расскажу из своего опыта? Нам надо было к празднику делать отрядные стенгазеты. Как водится, никому не охота — то, се... времени нет... Тогда я говорю: а не попробовать ли, ребята, — собственноручные пожелания самых известных людей? Интересно, кто кого сумеет раздобыть? Видели бы вы, какие в тот год в наших отрядах газеты вышли! И Маршал Советского Союза Баграмян, и народная артистка СССР Уланова, и Герой Советского Союза Кренкель приняли в них участие... И, заметьте, ребята делали все сами: адреса находили, уславливались о встречах, объясняли, что и для чего нужно... Конечно, детей у нас любят, однако и то учтите — не у каждого есть время и желание заниматься с незнакомыми пацанами. Прямо скажу — добыть приветствие было не всегда легко. Но зато сколько радости... Вот это я и называю подсолить! Придать хорошему делу еще и занятную форму.

Все собирают макулатуру. Так? А многим ли приходило в голову собирать ее прицельно?

Архангельские пионеры добыли сверх плана 800 тонн макулатуры и не просто доставили эти тонны на базу, они договорились с бумажным комбинатом, и комбинат выпустил 20 миллионов тетрадей, указав на каждой, что усилиями пионеров сохранены многие гектары прекрасной северной тайги.

«Операция «Тетрадь» — внушительно оповещает скромный медальончик на двадцати миллионах сиреневых обложек. Неужели кто-нибудь, взяв в руки тетрадь с таким знаком, сможет сказать: «А-а, ерунда эта макулатура, надоело...»

Наверное, надо, чтобы каждое пионерское дело было доведено до конца и о результате его рассказано всем. Тогда пассивных ребят у нас поуменьшится, активных прибавится.

Согласны?

Но, кажется, пора подводить итоги.

Девочки и мальчики, леди и джентльмены! Хотите вы того или нет, вам жить вместе, сосуществовать, идти в будущее бок о бок. Чем скорее вы найдете самые необременительные формы взаимодействия и понимания, тем лучше.

Наша дискуссия показывает: успех приносят не слова, а поступки.

Побеждает добро атакующее, решительное и настойчивое.

P. S. Из всего потока я вычленил особо ручеек писем без подписей. Анонимных. Хочу, воспользовавшись случаем, заметить: только трусливые, только сомнительных качеств люди не ставят свои имена под своими мыслями. Порядочный человек анонимщиком никогда не бывает. Ни «Красный мак», ни «Справедливый», ни «Стрела Домбая», ребята, ваших писем не украшают. Пожалуйста, не подписывайтесь так.

Честное имя под честным письмом.

Малая Пионерская Энциклопедия

Юные книголюбы

На Львовщине есть небольшое село Подберезцы. Слава о нем идет по всей стране. Чем знаменито это небольшое украинское село? Клубом юных книголюбов, который носит гордое имя — «Звезда Гайдара». Ребята долго думали над тем, как назвать свой клуб. Кто-то вспомнил, что Аркадий Петрович Гайдар, когда начинал писать новую повесть или рассказ, всегда рисовал в правом углу первой страницы красную пятиконечную звезду. И это не случайно. Гайдар, когда работал, всегда вспоминал огненные военные дороги гражданской войны, яростные схватки с бандитами, думал о тех, кто придет на смену старшим. Так родилась «Звезда Гайдара». Каждый, кто вступал в клуб книголюбов, давал торжественное слово:

— быть честным, скромным, дисциплинированным, хорошо учиться, упорно и много работать, быть похожим на героев книг Гайдара;

— быть сильным, смелым, ловким, заниматься спортом, изучать военное дело;

— помогать старшим и младшим в труде, учебе, участвовать в тимуровской работе;

— любить книгу, много читать, активно участвовать в работе клуба, в литературоведческих поисках, в пропаганде книги;

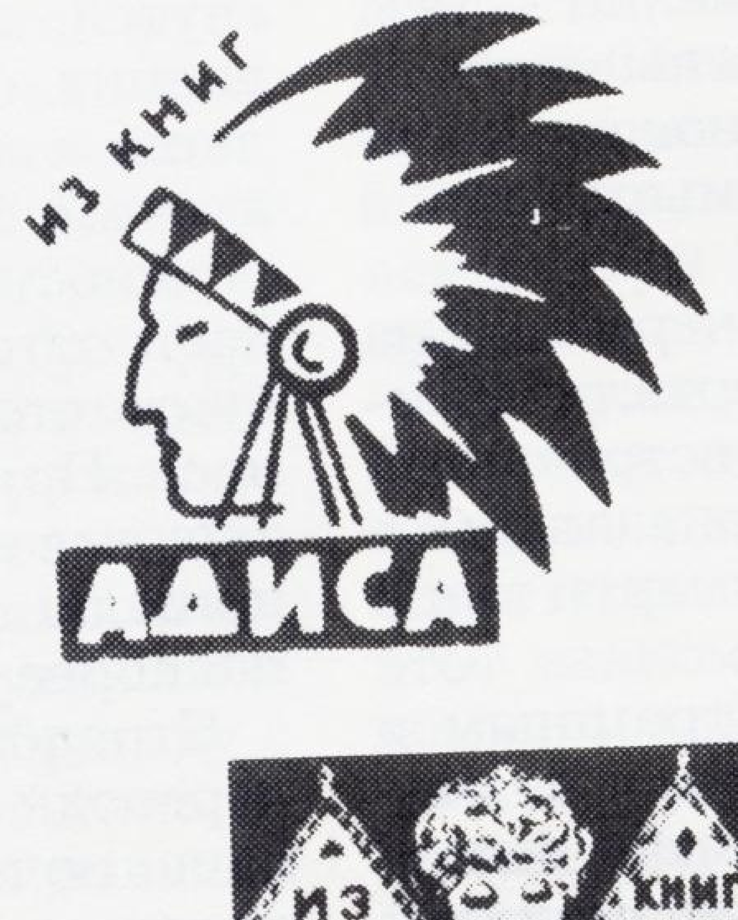
— умножать традиции клуба, всегда оставаться гайдаровцем — быть во всем впереди;

— любить свою Родину и защищать ее от врагов, как Гайдар.

Много интересных, увлекательных дел у книголюбов этого села. Они собрали большую библиотеку книг Гайдара и о Гайдаре, вели и ведут переписку с теми, кто знал писателя, с его боевыми друзьями. Ребята провели Всесоюзный поиск и составили картотеку пионерских дружин, школ, Домов и Дворцов пионеров, библиотек, предприятий, колхозов, носящих имя Гайдара. Ребята своими руками создали кабинет-музей, где более тысячи литературных экспонатов. Они совершают путешествия по литературным местам страны, проводят литературные вечера, встречи с писателями, организовали устную литературную газету «Молодые голоса». Всем очень нравятся «литературные огоньки». Ребята дружат с клубами юных книголюбов многих городов нашей страны.

Таких клубов, как «Звезда Гайдара», у нас немало. Они создаются при школах, Дворцах и Домах пионеров, библиотеках. Клубы юных книголюбов — пропагандисты книги, родного языка. Во многих из них работают тематические секции: политической, военно-патриотической, естественнонаучной, художественной литературы, юных лекторов, реставрации книг и другие. Клубы книголюбов, как правило, имеют свою эмблему, свой девиз, торжественно проводят прием в члены клуба. На своих заседаниях книголюбы знакомятся с историей создания книги, искусством ее оформления, узнают, какой путь проходит книга от издательства до читателя. Литературные викторины, конкурсы чтецов, фольклорные экспедиции, тематические вечера, встречи с авторами и героями книг — все это увлекательные дела юных книголюбов. Если вас, ребята, заинтересует работа юных книголюбов и возникнут вопросы, как лучше это дело организовать, вы можете обратиться во Всесоюзное общество книголюбов. Вот адрес: Москва, 103031, Пушечная улица, 7/5, Всесоюзное общество книголюбов.

«Пионер» ждет ваших рассказов о работе юных книголюбов.



ВОК

Лия СИМОНОВА,
лауреат премии
Союза журналистов СССР

СТРЕЛА

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ

Окончание. Начало в №№ 10,11.

Зимняя дорога к отцу, хоть и знакомая до мелочей, теперь пугала Нину. Быдлевская пуща казалась таинственной, чужой, и Василева пуня, куда перетаскивали они с Лидой Соловьевой револьверы, заваленная снегом, выглядела наводящим ужас снежным склепом.

Снег в лесу лежал густым, толстым покровом. Нина подумала: если провалишься, утонешь по шею, не выберешься. И взяла чуть левее, к Воробьевой горке. Дул свирепый северный ветер. Поднимал с земли и разрывал в клочья снежные тучки. Снег забивал глаза, рот, налипал на щеки. Вихрь гнал, подталкивал в спину. Добежишь до кустов, передохнешь, и снова ветер мчит тебя своею скоростью, не желая знать твоих собственных сил.

Борясь с начинающейся пургой, Нина проглатывала соленые слезинки, часть которых, не успев скатиться ко рту, застывала ледышками на щеках. А щеки, несмотря на все это, так горели, словно их прижигали раскаленным утюгом.

Нине хотелось остудить щеки обледеневшими варежками, но она боялась потерять равновесие и, уже не ощущая себя, гонимая пургою, неслась вперед, все дальше и дальше.

Почти всякий день теперь приносил несчастья и смерть. Но даже в минуты самой отчаянной опасности Нине почему-то верилось, что именно с ней, Ниной, ничего не случится. Как-нибудь вывернется она из беды, уйдет от врага. Естественное стремление молодости жить спасало ее от размышлений о возможной гибели.

Теперь же, когда эти черные гады с черепами на рукавах своих черных мундиров растерзали Василису Селезневу, в доме которой Нина встречалась как-то с Тамарой, и сама Тамара оказалась в опасности, Нина впервые подумала о смерти как о чем-то совершенно реальном.

Пожалуй, не смерти она боялась. Страшным и обидным представлялось ей умереть, ничего значительного в жизни не совершив, не сказав своего веского слова. Она так мечтала стать знаменитой актрисой. Видела себя среди цветов и аплодисментов, в лучах прожекторов и сияния глаз благодарных зрителей. Всякий человек по-своему талантлив, и кто же в юности сомневается в том, что сумеет раскрыть свой талант для других?

Но что значит для этих гадов жизнь какой-то Василисы, или Тамары, или Нины? А Василиса во всей округе была самой знаменитой свинаркой. И, кто знает, если бы не эта проклятая война, сколько славных дел совершила бы она на своей ферме, в своем колхозе. Недаром же получила она орден в то время, когда еще никто почти не имел орденов. А Тамара? Тамара, такая умная, такая образованная, такая волевая, могла бы Тамара стать Большим человеком. Нине, хотя она никогда и никому не признавалась в этом, всегда хотелось подражать Тамаре Дубовко. Хотя, думала Нина, и не бывает людей похожих, но что-то самое ценное, самое важное в другом человеке стоит, наверное, перенимать, впитывать и растворять в себе.

Как же обойтись теперь в этой жизни без одной-единственной и уже неповторимой Василисы? Как продолжать жить, пить, и есть, и нестись на лыжах без такой близкой и уж совсем незаменимой Тамары? И что станется с миром, если однажды не будет больше девчонки Нины Можейко?

Так, размышляя о жизни и смерти, доехала Нина до Воробьевой горки. Незаметно для себя ринулась крутым спуском вниз, не удержалась и с размаху влетела в кусты. Больно поцарапалась, неудобно повернула ногу, потеряла холщовый мешочек, который всегда болтался за плечом. Счастьем оказалось, что попала она в кусты, есть хоть за что ухватиться.

Попробовала подняться: лыжи тяжелые, ноги не гнутся, лицо саднит. А за спиной кто-то тяжело дышит, сопит. Господи, неужели попалась прямо в лапы к врагу? Или только почудилось, что рядом кто-то? Не решаясь повернуть головы, гонимая опасностью, Нина как-то сразу вскочила, отряхнулась от снега и снова услышала чье-то дыхание, будто стон: «Ох-х, х-х-рю. Хр-рю». Резко оглянулась. Прямо за ее спиной храпел дикий кабан. Снег завалил его, превратил в сугроб. Но если проснется, пощады не жди, и надо, сколько хватит духу, поскорее уносить ноги.

Стрелой метнулась она вперед. Казалось, не переводя дыхания, влетела в отцов двор, свалилась почти замертво. И больше ничего уже не помнила.

Когда очнулась, отец сидел у ее постели, прямой и немигающий, словно прирос к табурету. Попив из его рук теплого молока, погладив отца по руке, Нина, как только умела ласково, стала потихоньку выведывать, не слыхать ли чего про Велешковичи. Тут и узнала она, что Тамару и двух парней — Колю Бессмертного и Колю Горушкина — десять часов били и допрашивали, и, ничего не добившись,

отпустили. Под поручительство всей деревни. Теперь никому из арестованных не велено из деревни никуда носа показывать. Иначе, грозятся фрицы, перестреляют всех родственников. Хоть и невеселая была эта весть, но все же Тамара и ребята остались живы. Живы! И Нина снова впала в забытье, словно силы ей отпустили только для того, чтобы узнать о Тамаре.

ЧАСТЬ III

Что ни говори, как ни раскидывай мысли, все же жизнь и судьба человека зависят от жизни, действия и поступков многих других людей и событий, в которых они принимают, а порою даже и не принимают участия.

После широких наступательных боев в феврале сорок второго года 4-я ударная армия под командованием генерал-полковника Еременко прорвала фронт и готова была вот-вот ворваться в треугольник Витебск — Орша — Смоленск. Во время этого зимнего наступления партизаны действовали решительнее, смелее. Удалось даже объединить их действия с армейскими частями и соединениями. И фашисты не на шутку обеспокоились. В треугольнике Витебск — Орша — Смоленск размещались гитлеровские штабы, склады, снабжающие фашистскую армию, важные, стратегического значения, железные и шоссейные дороги. Гитлеровское командование перебросило в этот район несколько отборных дивизий. Наступление наших войск им удалось временно остановить. Но разорвать партизанскую группировку с армейской у немцев сил не хватило. Между Велижем и Усвятами фронт оказался разорванным, и образовались своеобразные ворота в сорок километров шириной. Эти ворота вовсю охранялись и оборонялись партизанами знаменитого по всей Белоруссии Батьки Миная, Миная Филипповича Шмырева.

Удивительные эти ворота заслуживают самостоятельного рассказа и, как бы далеко ни убегало время вперед, будут не раз еще упомянуты и воспеты. Через них на восток шли обозы с зерном, картофелем, сеном. Лошадей и скот перегоняли через них на Большую землю. Ворота позволили уйти в Красную Армию двадцати тысячам мужчин. Спасали больных, раненых и тех, на чьи деревни обрушивали свой особый гнев фашисты. На землю же Белоруссии через спасительные эти ворота шли уполномоченные и связные Центрального Комитета партии, организаторы и руководители подполья и партизанского движения, специальные инструкторы, профессиональные разведчики, подрывники, связисты. Оружие, боеприпасы, средства связи, медикаменты тоже через ворота получал с востока сражающийся белорусский народ.

Объединившись в первую Белорусскую бригаду, партизаны Батьки Миная до осени сорок второго года удерживали с помощью ворот Суражскую партизанскую зону, восстановив в ней Советскую власть, работу райкомов партии и райисполкомов.

Геройские действия бригады Шмырева, уважение к ней в народе были столь велики, что в бригаду с каждым днем приходило все больше и больше людей. И это помогло создать и укрепить новые и немалые партизанские соединения. В мае сорок второго отдельные отряды Лиозненщины объединились с партизанами Алексея Федоровича Донукалова, действовавшими на стыке Суражского, Понизовского и Лиозненского районов. Образовалась новая — в тысячу человек — бригада. В июле она была официально утверждена и получила название бригады «Алексея». Алексея Федоровича Донукалова назначили ее командиром. Комиссаром стал секретарь подпольного райкома партии Афанасий Тимофеевич Щербаков, а его заместителем по комсомолу — секретарь подпольного райкома комсомола Тамара Александровна Дубовко.

В таком составе бригада, почувствовав свою немалую силу, смогла вступать в открытый бой с гитлеровскими частями. Проводила в разных местах одновременно боевые операции, засады и диверсии. И становилась постепенно все более опасным противником для гитлеровских и полицейских гарнизонов в районах своего действия.

Нина Можейко ничего не знала и даже не слышала о генерал-полковнике Андрее Ивановиче Еременко, о планах зимних наступательных боев 4-й ударной армии.

Никогда не видела Нина и Батьку Миная, который собрал целое партизанское войско у Суража. И теперь одно только имя его, напоминавшее о том, что Советская власть есть и будет всегда, вселяло в людей уверенность, давало силу пережить лихую пору.

Только однажды мелькнул перед Ниной комбриг Донукалов, тоже очень похожий на Чапаева человек, даже еще больше, чем Михаил Петрович Ахмедчик. Да и самого Ахмедчика, и Тамару Дубовко Нина встречала не часто.

Но все же все, что происходило вокруг, пусть даже и не с нею, имело самое прямое отношение к каждому дню жизни Нины Можейко, в чем-то изменяя ее жизнь и усложняя ее работу. Задания Ахмедчика и поручения Тамары становились теперь для Нины еще более ответственными и требовали все большего опыта, умения и мужества.

Как-то начальник, а может, вовсе и не начальник разведки отряда имени Чапаева, которого Нина про себя окрестила Рыжим, сказал, что командир хочет ее видеть. Нина заволновалась. После первого своего не очень удачного разговора с Михаилом Петровичем она в душе его побаивалась и старалась на глаза не попадаться. Но по тем словам и приветам, которые передавал ей от командира Рыжий, Нина понимала, что Ахмедчик относится к ней неплохо, даже более того, одобряет ее действия. Но все же, когда она шла на встречу с командиром, все внутри у нее вздрагивало и никак не хотело пристраиваться на свои места.

Был уже совсем по-летнему теплый день. Михаил Петрович сидел возле дома, который служил ему штабом, и покуривал цигарку. И на какое-то время Нине показалось, что войны и вовсе нет. И вот сидит этот знакомый человек на завалинке возле своего дома, и отдыхает после работы в поле.

— Ну, как дела, Стрела, летаешь? — совсем по-домашнему спросил Ахмедчик. — Хорошо летаешь. И лететь теперь тебе далеко. И путь опасный.

Он помолчал, попыхтел цигаркой, повернулся к Нине всем корпусом и посмотрел прямо в глаза:

— Не забоишься, дочка?

Нина от неожиданного обращения даже вздрогнула, встрепенулась. Но промолчала, насупилась: что за странный вопрос? Разве не доказала она уже, что не трусиха?

— Понимаешь, дочка,— снова повторил свое об-

ращение Ахмедчик,— придется тебе идти в Витебск. Пробраться к аэродрому. Подойти к часовому, прикинуться дурехой, нищенкой. Я слышал, у тебя это хорошо получается, ты же актриса. Надо бы мне окрестить тебя Актрисой, да уж назвал Стрелой. Стрела тоже хорошо, правда?

И, не дожидаясь ответа, неторопливо он стал объяснять, что ей надо увидеть. Можно ли подойти с той стороны, где часовой, если его снять? Стоит ли и где еще какая охрана? Как меняется караул? Сколько шагов до самолетов, до бензосклада? Какой стороной в случае чего отступать?

— От тебя, Стрела,— сказал на прощание Ахмедчик,— будет зависеть жизнь наших людей. Ты это помни. И еще... еще помни всегда, что нельзя рассчитывать на то, что враг глупее. Если ты видишь врага, знай, и он тебя в этот же самый момент разглядеть может. Ты думай, что враг сильный и хитрый, и тогда тебе легче будет его одолеть. Поняла, почему? Потому, что ты хорошо подготовишься к схватке с ним.

Он снова помолчал. Потом быстро поднялся, увлекая за собой и Нину. Крепко потряс ее руку, похлопал по плечу:

— Ну, лети, Стрела, лети. И возвращайся. Я буду ждать.

Все подходы к Витебску, Нина хорошо это знала, гитлеровцы давно перекрыли. Не совсем все, конечно. Но со стороны их шоссе, из Лиозно, и из Богушевска, где жила Дусина мама, и из Суража, куда доходили партизаны их бригады, подобраться к городу стало невозможно.

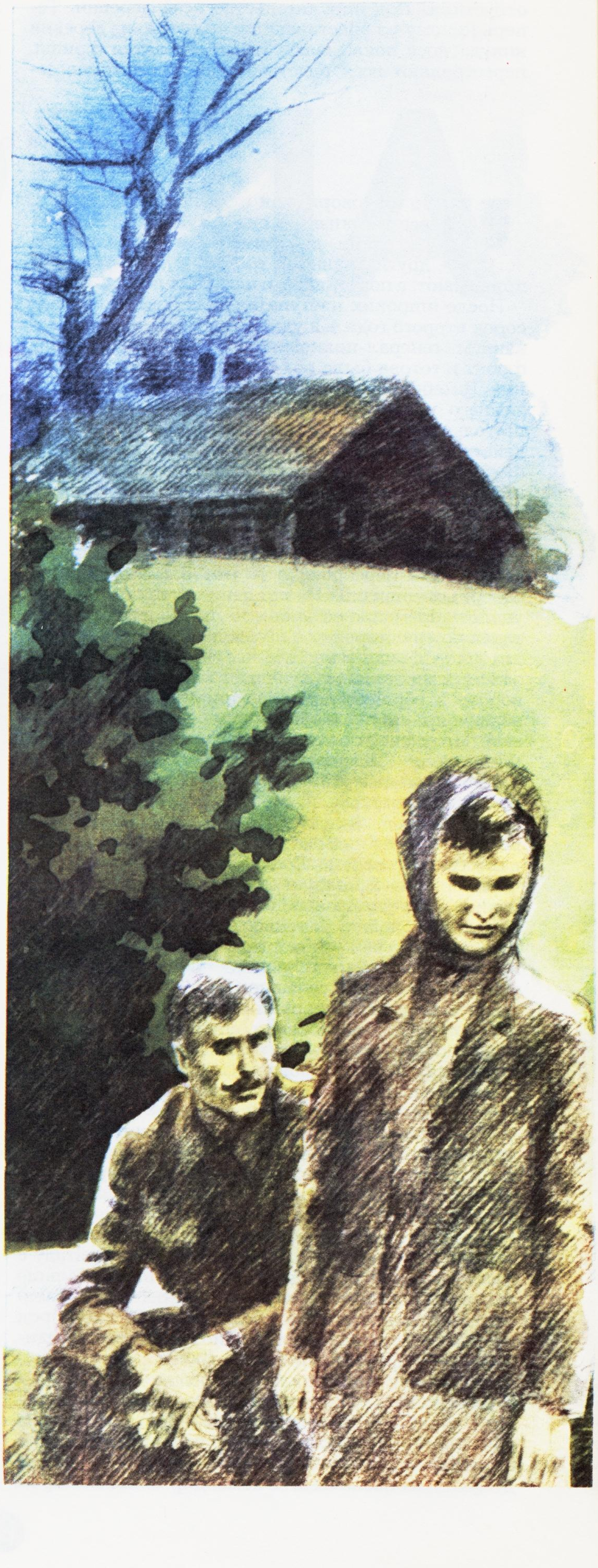
Дуся успела предупредить Нину еще в апреле, что фрицы запретили городским покидать свои дома без разрешения. И в город позволяли войти только по специальным пропускам. А вот теперь, с начала лета, придумали еще и цветные вкладыши в пропуска и часто цвет этих вкладышей меняли. Но Нина и не собиралась идти через посты. У нее были свои, только ей одной знакомые воротца. Хотя и приходилось тащиться к ним более далеким, кружным путем.

Снова светило солнце. Пахли травы. И запах речной мяты, особенно любимый Ниной, обманывал, будто возвращал в далекое довоенное время.

Лида Соловьева помогла ей соорудить наряд для новой роли. В старую линялую бабушкину юбку продели они шнур, сложенный из множества толстых и перекрученных ниток. Завязали шнур на груди, получился широкий сарафан. Под него удобно оказалось спрятать косы. Сверху надела Нина широкую, тоже вылинявшую кофточку с длинными, нескладными рукавами. На голову повязала ситцевый выгоревший на солнце платочек в горошек. Ноги босые. За спиной неизменная холщовая сума, в ней, как всегда, пара луковиц, пара картофелин, щепотка соли.

Если остановят: «Стой, русиш партизан!» — скривит Нина испачканное землей лицо, опустит голову к грязным босым ногам, поплачет под нос: «Какой я партизан? Хлеба детям прошу». И поднимет от земли полные слез глаза. У нее это получалось. В таком обличье ей давали лет двадцать пять, а то и все тридцать и, случалось уже, дав пинка под зад или подзатыльник, отпускали. Брезгливо крича вслед: «Шнель, русиш швайн! Шнель!»

Нина вышла из дома на рассвете. Нужно было успеть хоть часть пути пройти до того, как начнется большое движение на дороге. Фашистские мотоциклы, машины с черными тараканами и их ору-



жием пока еще редко проносились мимо. Но было все-таки очень страшно. Уйти же на обочину, передвигаться хмызняком стало теперь еще опаснее. Каждый, кто выходил из кустов, неминуемо оказывался для фашистов партизаном. Они успели уже напугаться партизан и во многих местах приказывали вырубать лес и кустарник вдоль дорог и шоссе.

Нина старалась идти незамеченной, слиться с дорогой, врасти в нее, стать вроде бы неприметной, привычной частью пейзажа. Ей попался уже на глаза гитлеровский приказ: «Ни одного русского на дорогах». Видела она как-то на дороге и иное слово. На дощечке, прикрепленной к телефонному столбу, было написано: «Фашисты, знайте, для вас дорога на Москву — дорога смерти». Мотоцикл с двумя гитлеровцами на ее глазах остановился у столба. Один фриц соскочил, попытался сорвать дощечку, но тут же взлетел в воздух, подорвался на мине. И второму досталось — ранило.

Даже в Витебске, где ввели столько строгостей, на приказах, которые подписывал гитлеровский генерал Фриц Гольвитцер, чья-то рука ухитрялась ставить штамп: «Явная немецкая ложь».

Одолевая один за одним тридцать километров пути, Нина думала о дороге. И об этой странной по сути своей дорожной переписке. И о том противоборстве с врагом, в котором они, советские люди, не отступали. И, как уже повелось, на ходу проигрывала в уме всю сцену своего появления у аэродрома и короткий разговор с часовым.

Уже не раз Нина замечала: если идешь спокойно, напрямик, к человеку, который представляет для тебя опасность, эта опасность вроде бы уменьшается. Человек, на которого ты надвигаешься, сам

— Придется тебе идти в Витебск. Пробраться к аэродрому... Не забоишься, дочка?

теряется, вероятно, прикидывает: почему его не испугались? Этот момент замешательства, который может промелькнуть в одну-две секунды, надо поймать, не упустить.

Молоденький часовой, безусый и долговязый, оторопело посмотрел на Нину, когда она нежданно-негаданно выросла перед ним. И, казалось, глазам своим не поверил. Оглянулся по сторонам, подумал, наверное, не спустилась ли Нина на парашюте. Закричал, схватившись за автомат: «Прочь, русиш швайн! Шнель! Шнель!» И снова поглядел вокруг. Не засмеют ли его потом, что криком поднял гарнизон из-за какой-то полуголодной, оборванной бабы, а она и на ногах-то едва держится. И он с силой пихнул Нину кулаком в грудь.

Нина упала на колени и тут же решила остаться в этой неловкой позе. Такое положение позволило ей выиграть еще несколько секунд для наблюдения. С земли она пролепетала что-то бессвязное о хлебе, который просит для голодных детей, прослезилась. Сделала вид, что не в силах подняться.

Блуждая дальними опасными дорогами, вечно под прицелом вражеских автоматов и вражьих глаз, она научилась схватывать на лету любое мимолетное движение, улавливать тень мысли на лицах. И теперь она видела, что молодой фрицек замешкался: не поднимать же ему галантно эту оборванку, русиш швайн, с земли, а шум устраивать из-за нее тоже смешно.

И Нина все, что ей было поручено, хорошо рассмотрела и запомнила. С одной стороны сплошная стена, с другой, если убрать часового, пройти вполне можно. Наступать удобнее со стороны бензоскладов, отступать в сторону Витебска. До бензосклада столько-то шагов, до самолетов добираться такое-то время. Все более или менее ясно.

Уверившись, что часовой не станет поднимать шума, Нина нагло ухватилась за его сапог и быстро поднялась на ноги. Размазывая по щекам слезы, она неторопливо побрела прочь, бормоча всякую чушь о своих голодных детях. Обернулась невзначай: убедилась, что часовой, избавившись наконец от нее, как ни в чем не бывало стоит на своем посту с автоматом. Ему, как, впрочем, и другим фашистам, и в голову не приходило, что на этой гордой, непокоренной земле и босоногая голодная девчонка тоже воин.

Нина же, переправившись через свои воротца, поняла, что ей необходимо перевести дыхание. Предательская дрожь после опасного дела всегда колотила ее изнутри, швыряла сердце тяжелым камнем в ноги. Язык снова усох и прирос к небу. Нина наклонилась, хлебнула коричневой водицы прямо из канавы и скатилась кубарем в неглубокий овражек.

Лежала долго, может быть, даже спала. Проснулась от резкой боли в животе. Очнулась. Вокруг вроде никого. Можно привести себя в порядок и поспешить до комендантского часа.

На первых же километрах пути Нина поняла, что с животом у нее неладно и если ничего не предпринять, то надо будет все время сворачивать в кусты. И тогда уж лучше найти место поглуше и полежать в хмызняке, схорониться до утра.

С детства Нина знала, что корова, когда у нее болят глаза или зубы, ищет на поле соль. Слышала она, как матери, утешая больных животом детей, дают им попить соленой водицы. И Нина вынула из сумки и разом проглотила всю щепотку соли. Перетерпела легкое жжение, принялась шептать под нос: «Все пройдет. Соль поможет. Соль вылечит. Все пройдет». Так ее учила когда-то бабуня,

которая всерьез верила, что человек может убедить себя во всем.

К утру то ли от соли, то ли от уговоров, то ли еще как-то, но недомогание оставило ее. И Нина выглянула из хмызняка. Посмотрела по сторонам и обмерла. Пережитое ею вчера нервное напряжение и недомогание словно одурманило ее, притупило внимание. И свалилась она прямо против караульного поста страшного гитлеровского гарнизона в Воронах.

Как ни старалась не шуметь Нина, все же шелохнулся хмызняк, а всякий человек в кустах вызывал у фашистов подозрение и ненависть. Часовой, не решаясь уйти с поста, позвал кого-то на помощь. Появился здоровенный толстый верзила. Схватил Нину красноватым кулачищем, покрытым рыжей шерстью, за шиворот и приподнял над землей, как подстреленную птицу: «Партизан?»

Нина начала хныкать, исторгла из глаз слезы, пропела старую свою песню: «Дяденька, не партизанка я. Ищу хлеба детям».

Смотрясь в осколок зеркала, Нина научилась создавать на такой вот случай скорбное и незначительное лицо. И теперь в какой уж раз она играла свой спектакль для одного-единственного проклятого зрителя.

Здоровяк опустил ее на землю, хорошенько тряхнув в воздухе. Убедился, что у этой худющей пигалицы нет ничего при себе, кроме уже пустой холщовой сумки, и поддал ей коленкой пониже спины: «Шнель! Марш... киндер... дом».

Только отойдя от страшных Ворон на несколько километров, Нина вспомнила, что вплела в косу крошечный, меньше спичечной этикетки клочочек бумажки, случайно оказавшийся в ее сумке. Нарисовала на нем еще в овражке у Витебска понятные только ей одной закорючки, чтобы потом легче восстановить в памяти все, что сфотографировала она на аэродроме только глазами. Жаркая волна захлестнула Нину изнутри, метнулась в сердце: «Что если б выскочила бумажка из кос? Какая непростительная, дурацкая ошибка! Больше такое не должно повториться: в первый и последний раз». Не в силах унять возбуждение, Нина выхватила из-под сарафана косу, бросила в рот и сжевала бумажку.

Время встречи со связным из-за своей неожиданной болезни и стычки с постовыми на шоссе Нина пропустила. И теперь решила идти в условленное место пусть на другой день, но в тот же самый час. Рыжий ждал ее как ни в чем не бывало. Но даже на его невозмутимом лице мелькнула едва заметная тень волнения.

— Стрелка, жива! Вот молодчага.— Он уже не скрывал волнения и радости.— Молодец ты все же, девчоночка, умница.

Не теряя времени, все, что, торопясь, объяснила Нина, записал в своей памяти и крепко, по-мужски пожал руку:

— Толковый ты человек, храбрый.

Не помня себя от радости, Нина помчалась домой. Все внутри нее пело и кувыркалось. И сердце хотя и вздрагивало, но не бухалось в ноги, удерживалось на своем месте. Ей хотелось с кем-то разделить свою радость. Но бабуня встретила ее каменным, помертвевшим лицом. Оно было даже не белым, а черным. И голос, певучий бабунин голос, сделался хриплым, незнакомым. «Господи, господи, где же ты ходишь? — причитала бабушка, словно молитву произносила.— Я уж думала, немцы тебя забили». И плакала тихо и горько, всхлипывая в Нининых объятиях.

А несколько дней спустя в деревне заговорили о большом пожаре на аэродроме. Шептались, что сгорели бензосклад и несколько самолетов. И немцы в Витебске теперь даже по ночам врываются в дома, устраивают облавы на улицах, базарах, повсюду.

Отлеживаясь на сеновале, Нина обдумывала свой последний разговор с Тамарой.

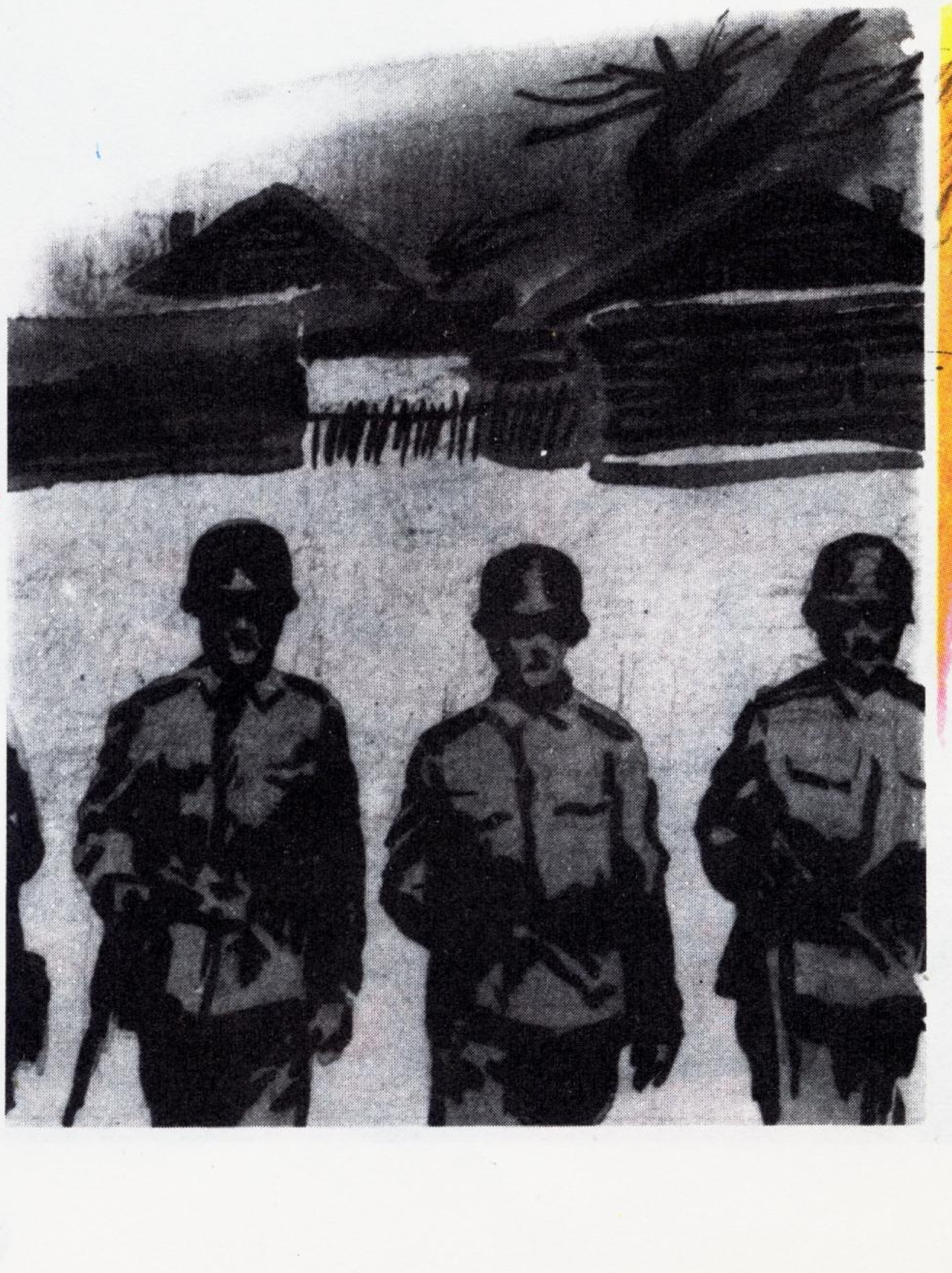
После ареста пришлось Тамаре исчезнуть из деревни. Гитлеровцы схватили было ее отца, мать, сестру, но потом отпустили. Удалось, возможно, убедить, что Тамара ушла на прежнее место своего довоенного жительства, что война задержала ее в гостях у родителей. Обошлось как-то.

Еще весной Тамара сказала ей, что теперь собираются все отряды в большую бригаду и подполье комсомольское уже не то, что раньше, тоже выросло. И объяснила, что безопаснее, если все разделятся на небольшие группки, станут работать втроем, впятером, не зная других. В случае чего, вдруг кто-то не выдержит пыток, так не потянется за ним беда.

— Ты, Стрела,— заключила Тамара тогда, опуская на Нинино плечо тяжелую неженскую руку,— пособображай трохи, каких надежных ребят тебе взять в свою команду. Ты, Можейчиха, пока вроде бы воин-одиночка. Хороший воин. Но можешь вполне стать командиром.

И вот теперь на сеновале, так и сяк раскручивая мысли, Нина снова пыталась выстроить их стрелой.

Лида Соловьева, по сути дела, давно уже ей помогала. Хоть и не отпускала ее далеко от дома тетка Агриппина, но все, что ни поручала ей Нина, Лида всегда выполняла. И делала все с душой, без



В сарае, на чердаке, удобно устроившись на сене, девчонки принялись петь вечные и любимые народные песни.

лишних слов. Лида была надежным и умным человеком.

Часто на дороге в Михалово, где-нибудь в Свирбах попадалась на глаза Нине Катя Виноградова. Виноградовых, как мы уже знаем, немало жило в этих краях. Нина с детства водилась с Катей и знала, что она училась с девчонками из Свирб. Но постепенно Нина поняла, что Катя, как и она сама, в Свирбах не задерживается, торопится в Куряки, а там тоже партизаны.

Замечала Нина на своем пути и молодую фельдшерицу Марию Коваленко. То поспешала она к тетке в Шустово, то торопилась в сторону Канашковa, в деревню Красиньшено, будто бы к родственникам. Но Нина не верила в путешествия к родственникам и все больше и больше убеждалась, что фельдшерица Мария тоже связана с партизанами.

Старшая сестра Марии Ульяна жила уже своим домом, и дом этот соседствовал с Виноградовыми. Нине случалось наблюдать, как Катя с Марией шепчутся о чем-то. Дружила с Марией и Лида. Дома их стояли неподалеку. И матери Лиды, Марии и Кати тоже были подругами. Собрав все эти размышления в один узел, Нина подумала, что он может стать первым в сети, которую теперь начнет плести уже не Тамара, а она, Нина.

Май в том давнем, счастливом, довоенном времени славился в их краях песнями да маевками. Май всегда был для Нины временем бурь и перемен. И, будто стараясь вернуть хоть кусочек прежней, беззаботной и радостной жизни, Нина еще в мае предложила Лиде собрать на сеновале девчонок, попеть песни.

Лида обрадовалась. Ясно было, что сойтись у Нины нельзя. В Нинином доме постоянно квартировали фашистские начальники. В той же стороне деревни, где жили Соловьевы, далеко от шоссейной дороги, немцы не стояли. Нина опасалась, правда, что тетка Агриппина воспротивится их вечерке, но Лида уверила ее, что мать, навидавшись настоящего лиха, поумерила свой строптивый нрав.

Лида сама пригласила Марию и Катю, которые ей нравились и для тетки Агриппины не были чужими. Агриппина Яковлевна гостей встречала приветливо, угощала бульбяными блинами, такими вкусными по этим временам.

В сарае, на чердаке, удобно устроившись на сене, девчонки пошушукались и принялись петь вечные и любимые народные песни. Но как-то само собой получилось, затянулась у них сначала «Марсельеза», а потом и «Интернационал», знакомый еще со школьных времен.

В песенном общем порыве, объединив и слив воедино свои чувства, поняли девчонки, что могут, ничего не объясняя и ни о чем не договариваясь, верить друг другу, как самим себе. И этой верой склеить накрепко свои усилия и свои действия. Так и родилась подпольная комсомольская группа деревни Стасево, в которой Нину Можейко избрали командиром. Теперь же ей предстояло еще раз обдумать и понять, как стать командиром на деле.

Никакого опыта или даже небольшого умения руководить людьми у Нины не было. Если не считать ее работы в пионерском отряде. Но и в далекой пионерской жизни Нина успела понять, что ко всякому человеку нужно искать и находить свой особый подход. И стараться разглядеть, на что человек горазд и спор,

а что ему удается хуже. Поручение, которое совпадет не только с надобностью, но и с желанием, с возможностями того, кто его выполняет, ведет к успеху. Человек же, почувствовав свою силу, обязательно увеличит ее на общую пользу. Ну, а слабости, если никто не станет их подчеркивать, могут сами собою отступить и раствориться в желанном и оттого успешном действии. Такая вот нехитрая командирская мудрость и руководила Ниной поначалу.

Катя Виноградова, крупная и дородная девушка, слыла среди подруг бойкой и веселой, а в делах была неторопливой и обстоятельной. После отгремевших боев, натыкаясь в лесах на оружие или пакеты с бинтами и сумки с лекарствами, Катя, не зная еще для чего, запасливо собирала и прихватывала их с собой. Прятала в овраге за домом. Дом расположился крайним на дороге к Клевцам, а за Клевцами недалеко образовалась партизанская зона. И вот как-то у колодца остановил ее знакомый их семьи Владимир Антонович Галдыцкий. Осторожно поинтересовался: есть ли в Стасеве немцы?

Катя сказала, что с их края фашистов нет, а в той стороне деревни, что ближе к шоссе, стоит гитлеровская часть. Галдыцкий попросил узнать поточнее: велика ли часть? Какая у фрицев оборона? Много ли оружия? Назначил Кате встречу через пару дней в кустах у оврага. Чуть позже попросил Катю прийти в деревню Куряки, где размещался штаб Донукалова. Так началась Катина партизанская разведка.

На связь к ней выходила молодая девушка Надежда Буровцева. В поле у деревни Грусевичи облюбовали Катя с Надеждой большущий дуб и, если не удавалось повидаться, переговаривались, оставляя в дупле информацию друг для друга.

Пока еще не сложилась группа, Катя, как и Нина, действовала самостоятельно. Разбрасывала и расклеивала полученные от Надежды листовки. Как и Нина, бродила по деревням и по шоссе, наблюдала и фотографировала глазами все, что ей поручали. Случалось, ходила Катя не только в соседние деревни, но и в Лиозно, встречалась там с учительницей Ольгой Александровной Стефанович, связной отряда «Смерть врагам», которым командовал Клименков. Пробиралась Катя и в Витебск. С паролем относила пакет на кладбище. Как и Нина, научилась Катя жить среди врагов и опасности. И сложился у нее уже свой способ наблюдения и своя, только ей, Кате, присущая манера двигаться, действовать и даже дурачить гитлеровцев.

Нине нравилось, как работает Катя, и казалось, что в чем-то Катя ее сильнее. Когда Тамара поручала распространять не только листовки, но и подпольную литературу, Нина всегда обращалась к Кате. Катя умела говорить с людьми, объяснять им события, сложившуюся обстановку, а главное, чувствовать, с кем и какие можно вести разговоры.

Острыми, отточенными в противоборстве с врагом глазами девчонки заметили, что Нинин сосед Петр Селиверстович Лобзов давно уже прячет сына своего Фильку. Филька с детства плохо слышал, и в армию его в первые дни войны не призвали. Но и в партизаны Филька не пошел. Вернее, отец его не пустил, запер в четырех стенах. Девчонки, научившиеся быть разведчицами, выследили, что Лобзов соорудил внутри дома второй потолок, пониже настоящего. И теперь днями отсиживается там Филька, а ночью спускается в хату. Теперь же, летом, Филька выползает на воздух, зарывается в сено. Этот момент и надумали девчонки ухватить, чтобы поговорить с Филькой. Здоровенный парень, сколько может принести пользы в партизанском отряде, а он задыхается под потолком! Как будет потом смотреть в глаза людям?

Не враг же Филька своим! Хороший он парень. Просто запутался, не сумел пойти против отца, который бережет его жизнь.

В разговоре с Филиппом, казалось девочкам, не обойтись без посредника-мужчины. Лида Соловьева предложила привлечь к этому делу Яшу Гладченко.

Лида Соловьева не то чтобы слыла красавицей, просто обаятельная и милая девчонка. Глаза яркие, голубые, а волосы светлые, льняные. И все в ее облике вроде бы от полей, от лесов, от земли, дышит здоровьем и добротою. Трудно было представить себе, чтобы у кого-то не могли сложиться с Лидой добрые отношения. Нравились людям ее сдержанность и природное достоинство, быстрота в движениях и мыслях и умное доброжелательство. Лида сумела уговорить Яшу Гладченко, настроила его на волну их группы. И Яша, который давно уже партизанил, сколько мог, помогал девчонкам. Яша и пошел к Фильке.

Незаметно для отца переманили ребята Филиппа в лес. Спрятали в стог сена. Благо, что лето. Нина бегала к Фильке, таскала ему еду. До тех пор, пока Яша не убедился, что можно Фильку отправлять в отряд.

Тамара в том давнем разговоре сказала Нине:

— Запомни, Можейчиха, комсомольская подпольная группа должна вести политическую работу.

— Как это, политическую? — удивилась Нина.

— А так,— откликнулась Тамара, сверкнув своими ироническими искорками в темных глазах.— Воспитывать душу и сознание людей. Кто-то, скажем, заблудился мыслью в трудностях — вывести его на прямую дорогу. Кто-то растерялся — ободрить. Кто-то правду с неправдой перепутал — расставить все по местам, защитить нашу советскую правду.

Как умели, девчонки старались выполнять и это задание.

Филька стал их первой победой в этом совсем непростом деле.

Спустя какое-то время Филька пришел к Нине связным из партизанского отряда, и девчонки радовались, как в детстве, когда получали пятерку. А в тот день, когда пришла весть, что Филька геройски погиб в бою, им показалось, что казнили их душу. Но гордость за Фильку и добрая память о нем навсегда остались с ними.

Мария Коваленко была старше Нины, Лиды и Кати. До войны она работала уже фельдшером в Крупском районе Минской области. Вместе с военною бедою вернулась Мария в родное Стасево и хотела сразу же уйти медсестрой в партизаны. Но двоюродный брат Михаил Семенов, который в отряде Клименкова был комиссаром, сказал ей: «У нас, Мария, медсестра уже есть, а тут, в Стасеве, ты нам принесешь больше пользы». Так стала партизанской разведчицей и Мария.

В деревне Затурье на отшибе стоял заброшенный сарай. Немцев в той стороне не было, и Мария ходила через лес к сараю на встречу с партизаном, который называл себя Мишей. Если Миша задерживался, Мария оставляла для него записку, зажав ее между двумя камнями в условленном месте, в

хмызняке. Ходила она и через шоссе, в сторону Канашкова. Там у деревни Красиньшено в дупле векового дуба забирала Мария листовки и подпольную литературу. А сама оставляла в дупле все, что удалось ей собрать для партизан: кое-какие продукты, оружие и снаряды, если находила в лесу, бинты и лекарства, которые приспособилась выменивать на яйца и масло у гитлеровцев.

Мария, очень застенчивая и тихая, не казалась девчонкам старшей. Только начав работать вместе, по-настоящему поняли они Маринин характер, решительный, сильный. За скромностью и стеснительностью разглядели они недюжинный ум острый глаз и необыкновенную смелость. Хрупкая, маленькая Мария умела действовать спокойно и храбро, очень точно оценивая обстановку и свои возможности.

Именно Мария Коваленко привела Нину к мысли получать столь необходимые для партизан медикаменты через гитлеровскую аптеку.

Аптека фашистской части, стоявшей в Стасеве, находилась недалеко от дома деда Павло. И аптекарь, молоденький вежливый немец, приспособился отдавать тетке Лиде стирать свое белье. Немец казался вежливым и даже деликатным. Платил за работу хлебом.

Как-то Нина, которую тетка Лида вечно ругала за безделье в домашних делах, вызвалась отнести выстиранное белье. Аптекарь, как всегда, вынул заранее приготовленный хлеб. Нина покачала головой.

— Што? — удивился аптекарь.— Што такое? Девошка не кушает хлеб? — Он плохо, но все же говорил по-русски.— Што надо девошка?

Поняв, что молоденький аптекарь не очень рассердился, Нина ласково улыбнулась, попросила вежливо:

— Нужен йод и бинт.

Аптекарь сдвинул брови, но Нина увидела, что это больше для порядка:

— Зачем девошка бинт? Что такое девошка употребит йод?

Не моргнув глазом, никак не выдав себя ни голосом, ни возможным волнением, Нина быстро ответила:

— У бабушки — гросс-мутер — больная нога.— Нина показала на ногу.

Немец, не глядя и ни о чем больше не спрашивая, достал из аптечки небольшой пузырек с йодом и один бинт. И пристально посмотрел Нине прямо в глаза.

Нина старалась держаться спокойно. Поблагодарила и тут же ушла. Спустилась к ручейку у колодца, спрятала все, что выпросила у аптекаря, в ольховнике.

Дома крикливая и скандальная Лида задала ей взбучку: «Как это фриц хлеба не дал? Всегда давал, а беспутная Нинка и этого не сумела». Пошумела и утихла. Зато знакомство с аптекарем состоялось, и теперь Нина могла зайти к нему под каким-нибудь иным предлогом.

Молодой немец, светловолосый и безусый, был с ней неизменно вежлив и даже деликатен. И после двух-трех посещений Нина почувствовала, что может больше не искать объяснений, для чего ей на этот раз понадобились лекарства и бинты. Аптекарь при ее появлении сразу же направлялся к аптечке и без лишних слов исполнял уже немую Нинину просьбу. Только теперь он передавал ей не один пузырек йода или риванола, а целую коробочку. И бинты в большой упаковке. Нина сносила все к ручью, в ольховник, а Мария забирала оттуда и переправляла в отряд.

Когда немец-аптекарь попросил однажды Нину передать тетке Лиде белье и завернул в него целый коробок мыла, Нина крепко задумалась: что же все-таки все это значит? На провокатора этот человек не похож. Его безусое открытое лицо не таило зла и ненависти. Напротив, оно выглядело доброжелательным и в чем-то беззащитным. «Хорошее лицо,— подумала Нина,— на своего похож». Хотелось даже поговорить с ним, но Нина остерегалась: все-таки гитлеровский солдат. Однажды ей показалось, что и немец не может на что-то решиться. Но вызвать его на разговор все-таки было рискованно.

Как-то с Лидой пошли они к реке. Увидели: фрицы купаются, барахтаются в воде, тузят друг друга. Винтовки костром составлены на берегу. Лида говорит: «Утащим, Нинка, хоть по ружью, что нам — впервой?» За оружие фашисты строго наказывали. Могли и деревню спалить, если б застали на месте преступления. Но две винтовки, изловчившись, можно вытащить из большого костра и незаметно. И они попытались.

Выхватили и бросили на мель. Потом, словно тоже возятся и играют, побрели босыми ногами по мелкой воде. Нагнутся, поднимут водяное облачко навстречу друг другу, а сами волоком тащат винтовки вдоль реки, подальше от места купания. У магазина остановились, заложили винтовки камнями — дальше идти опасно. Яша Гладченко появится и заберет. Хоть и две винтовки, но из них можно стрелять по врагам.

Вернулась Нина поздно, тетка Лида, уже не ропща, с тревогой сообщила: «Искал тебя аптекарь. Принес вот белье постирать, а спрашивал тебя. Говорит: «Девошка нужна. Шнель».

Нина, не показывая тетке виду, что сердце покатилось опять камнем в ноги, почти бегом направилась к аптекарю. Он обрадовался, заулыбался, закрыл плотно дверь. Недобрая мысль мелькнула у Нины. Молоденький аптекарь заметил, вспыхнул, принялся говорить быстро-быстро, прямо в самое ухо:

— Ап нах, ап нах,— махнул рукой, вспомнив, что Нина может не понять его по-немецки.— Облава, понимаешь? — Он выставил руки кругом.— Шнель киндер. Девошка. Мальшик. Лес. Партизан.

— Какой партизан?! — возмутилась Нина.

Но немец остановил ее жестом:

— Нужно шнель. Понимаешь? Ап нах облава. Девошка, мальшик идет Германия.

— Германия — великая страна, — попыталась Нина играть спектакль, но на этот раз у нее не получалось.

Аптекарь горестно покачал головой.

— Германия — великая страна, — повторил он.— Маркс. Энгельс. Тельман — хорошо. Гитлер — плохо.— Он совсем понизил голос, еле передвигая губами, быстро отвернул лацкан мундира, на мгновение мелькнул маленький круглый значок с изображением Ленина.

— Рот-фронт, понимаешь? — спросил он.— Тельман, понимаешь? Я есть спартаковский боец.— Он поднял руку, сжав пальцы в кулак, снова сказал: — Рот-фронт».— Тихонько пропел:— «На зов Коминтерна стальными рядами, под знамя Советов, под Красное знамя...»

Нина растерялась. Может быть, впервые за все время своей трудной и опасной военной работы.

Она научилась уже вести себя с врагами. Но не ожидала встретить среди врагов друга. Да, она знала, Германия — родина научного коммунизма. Им об этом говорили в школе. Она слышала о Тельмане и о его борьбе. Рассказывали учителя и о Коминтерне и о Рот-фронте. Но ей никогда не приходило в голову, что среди фашистской части, которая сейчас стоит в их Стасеве, может оказаться спартаковский боец. И она, Нина, как и он, подняв руку с пальцами, сжатыми в кулак в гневе и решимости к победе, ответит ему: «Рот-фронт. Рот-фронт».

— Шнель, девошка,— сказал молодой представитель иной, не фашистской, тельмановской Германии и улыбнулся ей светло и дружески.— Мальшик, девошка, лес. Партизан. Облава. Ап нах.

Нина поблагодарила аптекаря. Они попрощались глазами, взглядом объединив себя в общей борьбе. И Нина поспешила к девчонкам, по цепочке сообщив им тревожную весть. Нужно было немедленно, каждой по своему каналу, связаться с партизанами.

То ли после неудачной облавы, то ли по другим каким-то причинам часть, квартировавшую в Стасеве, перевели в другое место. Аптекаря Нина никогда больше не видела. Но часто и с благодарностью думала о нем.

Беда пришла нежданно. Осенью. Фашисты выследили и арестовали Катю Виноградову.

К осени в бригаде «Алексея» действовало уже двенадцать партизанских отрядов. Почти каждый боец имел винтовку или пистолет. Было в бригаде восемнадцать ручных пулеметов, двадцать шесть автоматов, два миномета, две пушки, трактор Харьковского завода. Ни одного дня почти не проходило, чтобы партизаны Алексея Федоровича Донукалова не потревожили боем фашистский гарнизон, не напали из засады на гитлеровский обоз или машину, не взорвали участок дороги.

От тетки Марины и от Сони Богдановой Нина узнала, что в ноябрьские праздники партизаны установили одну гаубицу совсем близко от фашистского гарнизона в Лиозно, другую выдвинули к Лиозненской железнодорожной станции и устроили пальбу.

Гитлеровцы и полицаи смертельно перепугались.

Зеленая ракета командира в мгновение объединила все пулеметы и автоматы отряда. Почти весь гитлеровский гарнизон был уничтожен в этом бою.

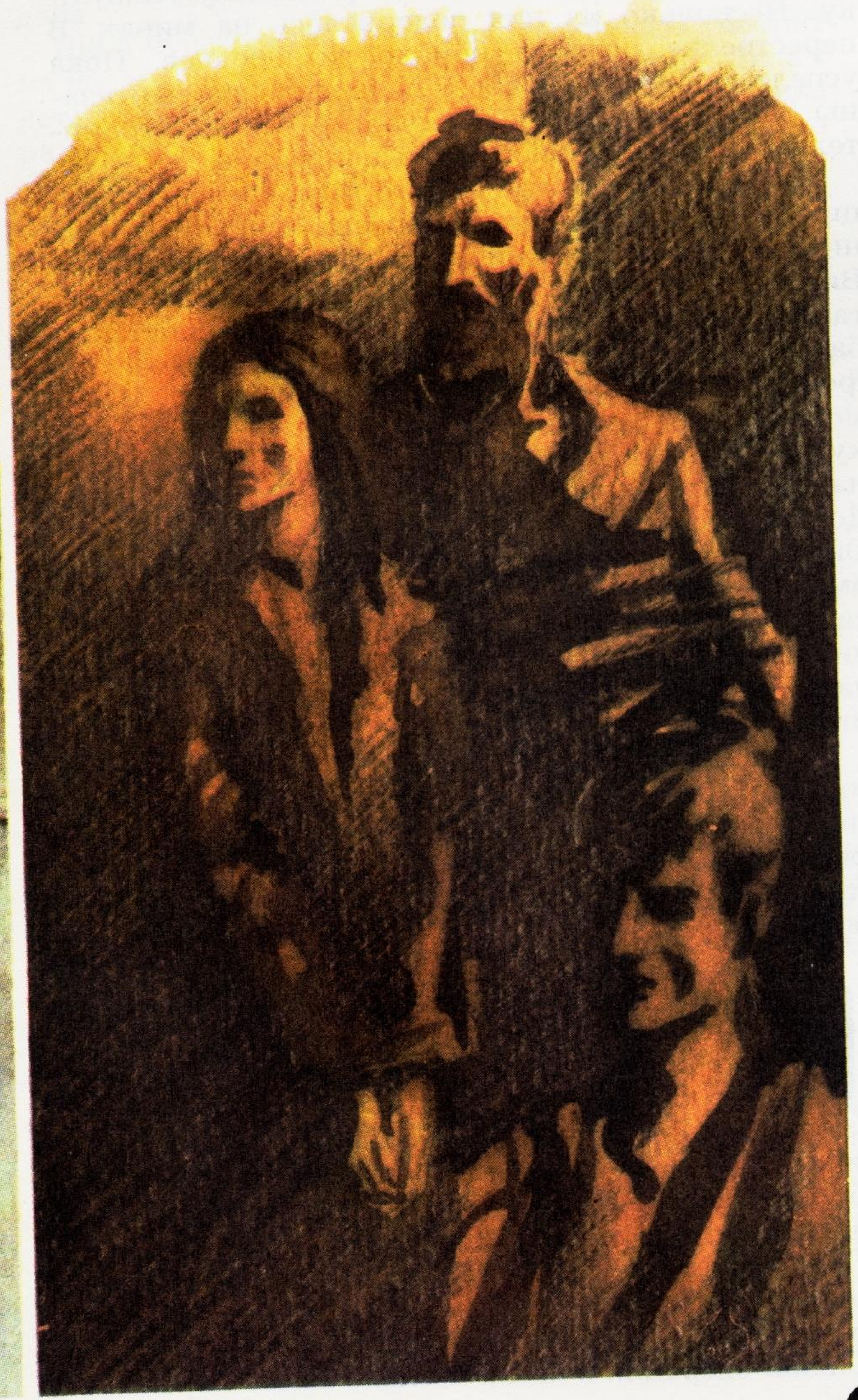
Рисунки В. ДУДКИНА.

Они подумали, что к городу приближаются части Красной Армии. Партизанские артиллеристы под прикрытием нескольких партизанских рот спокойно отошли к лесам.

В отряде Михаила Петровича Ахмедчика 7 ноября одна подпольная группа устраивала концерт для партизан. И Тамара сказала Нине, которая случайно оказалась в этот день в отряде, что праздник удался на славу. В деревне Яново видела Тамара красный флаг и большой транспарант. На одной его стороне написано: «Да здравствует XXVIII годовщина Великой Октябрьской социалистической революции!» А на другой: «Смерть немецким оккупантам!» Деревня Малово тоже вся во флагах, словно и нет войны.

— Тамара,— сказала Нина,— мы к празднику приняли в комсомол нашу девчонку, Катю Виноградову. Ты запомни: Виноградова Катя. После войны придет к тебе за билетом.

— Ой, и хитрая ты девчонка, Можейчиха,— отозвалась Тамара.— Ой, хитрая. Но я и сама такая, потому и люблю я тебя, Стрела.— И тихо добавила: — У нас, Можейчиха, знаешь, сколько теперь, после этих праздников, комсомольцев? Больше четырехсот. Ай да мы! — И веселые иронические искорки замелькали в ее красивых глазах.



Все лето и осень фашисты, как тараканы, ошпаренные кипятком, суетились, метались, совсем озверели. Они жгли деревни, устраивали облавы, хватали людей по малейшему подозрению. Партизанские разведчики поняли, что фашисты собираются с силами, пополняют свои гарнизоны, стягивают на Лиозненщину большие карательные отряды.

Печальная весть пришла и из Суража. Летом каратели осаждали Суражскую партизанскую зону, пытались сбить заставы у Велижа и Усвят. Гитлеровское командование подбросило на этот участок фронта танки, вызвало самолеты. В конце сентября фашистам удалось, наконец, закрыть ворота Батьки Миная.

Девчонкам из подпольной комсомольской группы Нины Можейко, как, впрочем, и другим таким же девчонкам и мальчишкам — партизанским связным и разведчикам,— в эти трудные лето и осень приходилось работать без устали.

Катя Виноградова шла, в общем, в свой обычный рейс — выяснилось, как изменилась обстановка в соседних со Стасевом деревнях и в тех, что ближе к Хотемлянской пуще.

Но задание дали срочное, и Катя поспешила. Поспешность же в делах разведки неминуемо оборачивается ошибками, ведет к неверному, а порою даже непоправимому шагу. Катя должна была бы разделить свой путь на короткие этапы: сначала в одну деревню, потом некоторое время спустя, уже из дома, в другую. Но так хотелось сократить время, и Катя, не заходя домой, после прогулки вдоль Стасева заглянула в Смородино, метнулась через шоссе в Канашково и тут же напрямик двинулась к Крынкам, от которых до Хотемлянской пущи рукой подать. Тут, на перекрестке шоссе и дороги на Крынки, и схватили ее фашисты. Били плеткой и сапогами прямо на дороге. Допытывались, где теперь в Хотемлянской пуще партизанская стоянка. Катя попробовала подурачить немцев, но поняла, что фашисты давно за нею следят и знают даже, что она из Стасева. Катя замолчала.

Полуживую, в наручниках, приволокли ее в родную деревню и бросили в дом к Матрене Коваленко, который фашисты превратили в тюрьму.

Нина увидела Катю в цепях из окна. Почувствовала, будто молния обожгла голову изнутри, и глаза затуманились, перестали видеть. Нина изо всей силы принялась тереть глаза руками, освобождая их от пелены. Свет мелькнул белым облачком, но тут же оно превратилось в красный, раскаленный шар, и этот шар, все уменьшаясь, понесся куда-то вдаль, опять в темноту.

Неслышно, со спины, подошел дед Павло. Положил старую, мозолистую руку на плечо, сказал почти неслышно:

— Ниночка, тебе надо спуститься в подвал, пора бы нам перебрать картошку.— И, не дожидаясь ответа, ласково, но властно повел ее за собою.

Дедуня никогда не читал ей нотаций, не надоедал нравоучениями. И сейчас свою стариковскую мудрость спрятал он в простой, как будто бы ничего не значащей житейской фразе. Картошку уже собрали, и все, что нужно сделать на зиму, дедушка уже сделал. Теперь же он хотел схоронить от беды Нину. Видно, он давно уже приметил, что все последнее время Нина и Катя Виноградова частенько встречаются.

Спускаясь в подвал, Нина, успев немного прийти в себя, попросила:

— Дедунечка, ты у меня умница, сделай одолжение, разузнай, что там с Катей?

Дед Павло не ответил, только глаза прикрыл, показал, что все понял и все исполнит. И торопливо опустил крышку подвала.

Через час-другой крышка снова скрипнула, дед осторожно спустился к Нине, доложил:

— Катя под стражей. В доме Матрены, то бишь в тюрьме, сидят еще человек двенадцать — пятнадцать. Там и Захаренко, младший Леонидов брат. Кому надо, тот обо всем знает.

Дед поднялся наверх. Нина еще раз убедилась в недюжинном его уме и мудрости. Она побоялась, не решилась просить его предупредить девчонок. Он сам все понял и все сделал, как надо. Теперь не оставалось сомнений, что дедушка видит и одобряет ее работу, хотя никогда ни о чем у нее не спрашивает. Не ставит ее в неловкое положение, проявляет деликатность.

Нина, сидя в подвале, не могла увидеть и узнала уже позже, что на самом заходе солнца над Стасевом взлетела зеленая ракета. Ракета, словно звезда, всегда указывала партизанам путь: время и направление боя.

На полях уже лежали снега. Партизаны подползали к деревне в маскхалатах. Одна группа, которую вел комиссар отряда «Прогресс» Иван Исаакович Старовойтов, окопалась в снегу в овражке у самого гарнизона. Другая, под началом командира Григория Гавриловича Огиенко, зашла с иной стороны, с тыла. Хорошо продуманные и заранее подготовленные засады прикрывали шоссе вдоль всего участка Лиозно — Витебск. Фашисты не могли и предположить, что окружены партизанами.

Часовые у пулемета распивали самогон и не заметили, как два бойца, петляя по неглубокому снегу, подползли к ним вплотную. Короткая стычка с подвыпившими гитлеровцами, и вот уже пулемет повернут и нацелен на гарнизон.

Зеленая ракета командира в мгновение объединила все пулеметы и автоматы отряда. Началась пальба, какой стасевские жители еще не слыхали.

Фашисты, кто одетый, а кто и в нижнем белье, кинулись в овраг к своим огневым позициям. Партизаны подпустили их поближе и расстреливали на близком расстоянии без промаха. Пришлось гитлеровцам отступать к казармам, но и там их подстерегали партизанские пули. Почти весь гарнизон был уничтожен в этом бою, а те фрицы, что остались живы, как черные тараканы, расползлись по щелям, попрятались по оврагам и сараям.

Старовойтов с бойцами бросились к дому, где держали арестованных. Катя Виноградова, как и все остальные, оказалась на свободе. Оставаться в деревне ей, конечно же, было опасно. Она ушла с партизанами, сопровождая раненых, которых увозили в деревню Свирбы. В этом бою партизаны захватили немало оружия, боеприпасов, три-четыре пулемета, продовольствие, медикаменты.

Когда бой отгремел и Нина поднялась наверх, то увидела, что печка в их доме, который стоял близко от фашистских казарм, насквозь прострелена и почти разрушена. А дедушка Павло не может никак поднять и привести в сознание бабушку Эпистимью, свалившуюся у печи без памяти.

Теперь Нина, Лида и Мария, оставшись втроем, договорились быть еще осторожнее и осмотрительнее. Им больше нельзя было сделать ни одного неверного шага. Любая, самая маленькая оплошность могла привести всю группу к провалу.

Весь ноябрь и декабрь карательные экспедиции действовали против партизан и деревенских, и бригаде «Алексея» пришлось даже отойти на правый берег Западной Двины.

Гитлеровцы тут же воспользовались этим и нарочно распускали слухи, будто партизанам пришел конец и больше они уже не осмелятся появляться в этих краях. Партизанские разведчики, среди которых по-прежнему бродила по деревням, городам и дорогам Нина Можейко, улавливали эти недобрые слухи и по невидимым проводам передавали их партизанским командирам. Командование бригады приняло решение напомнить фашистам, что алексеевцы живы и будут биться до тех пор, пока не освободят свою землю от врагов.

Под самый Новый год среди бушевавшей метели на лыжах и санях в десяти километрах от Витебска в деревне Обухово появился отряд «Смерть врагам» во главе с Клименковым. Выставив надежные заслоны, партизаны разместились в домах на ночлег. За ужином, не таясь, говорили, что они из бригады «Алексея», что бригада действует и сейчас в полном своем составе. Ненароком рассказывали деревенским о положении на фронтах, о разгроме гитлеровских войск под Сталинградом.

На рассвете партизаны выставили засады на дороге из Витебска. Через Обухово фашисты перебрасывали на фронт войска, направляли обозы с оружием, боеприпасами, обмундированием, продовольствием. Случай не заставил себя ждать: больше двадцати подвод попало в партизанскую ловушку. Несколько из них подорвалось на минах. В перестрелке погибло немало гитлеровцев. Пока успели подбросить к обозу подкрепление, партизаны быстро собрались и умчались так же стремительно и неожиданно, как и появились.

Уже в январе, после Нового года, боевую операцию провел отряд «Имени Чапаева» под командованием Михаила Петровича Ахмедчика. Недалеко от Витебска, в деревне Билево, где до войны располагался совхоз, устроил себе имение фашистский барон. Восстановил большую животноводческую ферму, создал машинно-тракторный парк. Мясо, молоко, овощи хозяйство барона поставляло на кухню фашистского начальства. Охраняли Билево наряды витебских полицаев. По заданию комбрига Донукалова в этой охране оказались двое партизан. Они изучили порядок смены караула, подступы к имению, сложившуюся в Билеве обстановку. Через связного передали все сведения партизанам. Операция началась в ту ночь, когда на посту стояли те два партизана, которые сумели уже стать своими людьми в охране.

Отряд Ахмедчика спокойно, без всякого шума вошел в имение, разгромил гитлеровский гарнизон, уничтожил всю сельскохозяйственную технику, сжег скотные дворы. Нагрузив подводы продовольствием и другими богатыми трофеями, партизаны скрылись.

Катя вернулась в деревню в конце зимы, когда в Стасеве снова сменилась гитлеровская часть. Группа смогла наконец собраться в полном составе, отметить Катино благополучное возвращение. Тетка Агриппина, словно ее подменили, притихла. Но гостям обрадовалась. Отыскала где-то, должно быть, последние запасы меда, поила чаем из трав.

Оставшись одни, девчонки принялись было петь, но прежних песен не получалось. Настроение было не очень веселое. В январе, после большой карательной операции в лесах погибло много партизан.

Были среди них и хорошо знакомые люди, и друзья. Очень жалели девочки Надежду Захаровну Буровцеву. Катя вспоминала, как Надежда всегда говорила ей: «Нас не станет, но победа все равно придет. И нас вспомнят добрым словом. И детям не стыдно будет за нас». Всплакнули, вспомнив Фильку Лобзова, который в бою не отступил, погиб геройски. И уж совсем не смогли сдержать себя и рыдали в голос, когда помянули младшего брата Лени Захаренко, которого фашисты снова схватили и теперь уже расстреляли. Они выведали, что Леонид — партизан.

Но долго плакать и терзаться Нина не позволила. Партизанам в новых трудных условиях зимы и блокады нужны были продукты, теплая одежда, бинты и лекарства. И Нина заставила девчонок настроить чувства и мысли свои на деловую волну.

Только под вечер, возвращаясь от Соловьевых домой, Нина вдруг поняла, что нет больше у нее самой никаких сил жить в этом фашистском аду. И хочется ей броситься в снег прямо посреди дороги и завыть волком. За домом, у оврага, кинулась Нина лицом в сугроб, рванулась с обрыва. Ей хотелось расшибиться, удариться больно. Она надеялась, что физическая боль вышибет из сердца или по крайней мере заглушит хоть на время боль душевную.

Утром в паре с Лидой Соловьевой она отправилась по деревням выпрашивать одежду и продукты. Своею дорогой поблизости от Нины и Лиды тоже парой бродили Мария Коваленко и Катя Виноградова.

Нина чувствовала, что Лида во все глаза смотрит на нее и дивится ее небольшому спектаклю. Лида с детства была для Нины дорогим человеком, и Нина радовалась, что хоть так могла развеселить этого благодарного зрителя.

— Ой, тетенька,— причитая и моля, обращалась Нина к хозяевам. Но входила только в те дома, в людях которых была уверена.— Вы, может, не слышали, беда какая стряслась?

Тетка откладывала дела, усаживалась вместе с гостями на скамью, вытирала фартуком руки. До новостей в деревнях люди охочи.

— Фашисты хотели детей из детского дома украсть,— затягивала рассказ Нина.— Хотели тянуть из них кровь для раненых фрицев. Люди детей отбили, спасли. Надо их кормить, одевать. И тех людей тоже. Может, найдется какой старый платок или носки, варежки? Или пальтушка? Может, и яичек пяток дадите, картошечек несколько штук не осталось ли?..

Нина где-то на дорогах краем уха услышала историю про детский дом, не знала только, так ли это. Стрела знала, что в родных ее белорусских селах никто не откажет в куске детям, даже если кусок последний. И людям, которые спасли детей, не посмеют отказать. Тем более что в каждой почти белорусской семье среди этих людей обязательно есть кто-то, кого Нина в таких разговорах на всякий случай никогда не называла партизанами.

— Кончится война, ты, Нина, пойдешь в актерки? — выходя из очередного дома, спросила у Нины Лида.

Нина улыбнулась. Ей приятна была откровенная и искренняя оценка ее спектакля Лидой. «Увидела бы она меня у Витебского аэродрома!» — подумала про себя Нина, а вслух сказала:

— Ой, Лидонка, подружка моя дорогая, пусть только война поскорее кончится. Так хочется увидеть победу. Интересно же, правда?

— Правда,— откликнулась Лида.— Мне так учиться охота. Раньше, бывало, от уроков отлынивали. Помнишь? А теперь так хочется учиться. Так хочется...

Весна сорок третьего года была ранней. Как-то сразу растаяли снега, побежали ручьи. Малышня, которая не могла еще воевать, пускала по воде бумажные кораблики и сражалась на деревянных шпагах. В апреле малышовый народец вовсю бегал уже босиком и даже, случалось, радуясь теплу, забавлялся лаптою.

Для тех же, кто сражался с настоящим оружием в партизанских отрядах, эта полная поэзии ранняя весна оказалась самой тяжелой. Карательные отряды уничтожали партизанские зоны, сжигали деревни, где прежде размещались партизанские штабы, окружали и с собаками прочесывали леса, искали партизанские стоянки. Отозванные с передовой отборные эсэсовские и другие воинские части, сборища полицаев и всякого сброда под прикрытием самолетов стена за стеною шли на партизан. В начале мая бригада Алексея Федоровича Донукалова оказалась в полном окружении. С боями отряды прорывались на новые места, отступая в тыл врага в двух направлениях.

В лесах же у Михалова и соседних с ним деревень оставалась по решению подпольного обкома партии Тамара Дубовко с маленькой группой в двенадцать человек. Небольшой отряд партизан хоронился в Хотемлянской пуще под началом второго секретаря подпольного обкома партии Я. Г. Букаина. С Букаиным оставался и Леня Захаренко, который был, Нина теперь это знала, членом бюро подпольного райкома комсомола.

Две эти незначительные партизанские группы должны были прикрывать отход бригады «Алексея», создавать видимость, что вся бригада попрежнему рядом.

Никто не знал, что после прощания с Донукаловым Тамара Дубовко записала в своем дневнике: «Мне очень хотелось уйти с Алексеем. Было очень страшно. Страшно оставаться с группой в двенадцать человек после такой бригады. Но приказ есть приказ. Несмотря на уверенность в своих силах, Алексей не решился взять меня с собой вопреки указанию обкома. Распрощались мы очень тепло. Обменялись подарками».

Своим ребятам Тамара чувств не открывала. И всем казалось, что Тамара железная. Вряд ли кто-то мог предположить, что и Тамаре бывало страшно. Сдвинула Тамара свои брови вразлет, вздернула орлиный нос, плотнее обычного сомкнула губы. Как всегда, поделила группу по два-три человека, всем определила задачу. Вскочила на коня, пришпорила. Волосы под папахой. По бокам пистолеты и сабля. На груди автомат. Несется по лесу, увлекая за собой людей. Кто подумает, что перед ним женщина? Лихой командир, да и только.

Всего с тремя товарищами подойдет Тамара совсем близко к большому гитлеровскому гарнизону. С разных сторон откроют они неожиданный огонь из карабинов и создадут видимость пулеметной пальбы. Да еще трассирующими пулями поднимут панику. Фашисты бросятся в окопы и просидят там до утра, думая, что окружил их большой партизанский отряд.

На другой день еще одна группка, опять только два-три человека, засядет в кустах у дороги и откроет огонь по обозу. Увидит, как взорвались на мине мотоциклисты.

Немцы подумали, что бригада действует, как и

Просил тебе кланяться. Стреле, говорит, пламенный привет! Да ты и сама уже знаешь об этом.

Нина видела, что Тамара непривычно рассеянна и нервничает. Она и сама нервничала и все не знала, как сказать то, зачем пришла.

— Ты, Можейчиха, уходи в отряд,— настойчиво проговорила Тамара.— Не Ахмедчик так Кирилленко Василий Иванович, тоже добрый командир. Теперь три отряда объединяются: «Гроза», «Буревестник» и твой — «Имени Чапаева» — отделяются в новую бригаду, «Лиозненскую». Командиром поставлен Кириллов Петр Иванович. Да тебе-то какая забота? Твое дело, как было, так и есть, смотреть да слушать. Так? В деревне, Стрелка, опасно оставаться. Улетай. И девчат своих уводи...

Тут неожиданно для себя и тем более для Тамары Нина бросила голову на Тамарино плечо и не стыдясь зарыдала по-детски горько и безутешно. Почувствовала сильные Тамарины руки, короткий поцелуй в макушку.

— Ты что, Стрелка,— непривычно мягко спросила Тамара.— Ты что?

— Катю Виноградову арестовали,— чуть отстраняясь и размазывая по щекам слезы, объявила наконец Нина.— Мост мы взорвали. Эти гады выгнали всех чинить мост. Там Катерину и забрали. Схватили еще человек десять. Катину связную, учительницу Ольгу Александровну Стефанович. Еще одну учительницу, из моей Уновской школы, Тамару Викентьевну Лавыш-Ликсо. Карпа Корунного из Грусевичей. Катя к Корунным иногда заходила, как-то даже спасали они ее в своем доме во время облавы. И еще, Тамара, взяли Родиона Павловича, отца Лени Захаренко.— И Нина, снова не в силах больше сдерживаться, засопела на плече у Тамары.

Тамара опять подышала ей в затылок, погладила тяжелой рукой по спине. Шепнула, словно выдохнула, в ухо:

— Беда, Стрелка, беда. Во время облавы зарыли мы документы в тайник. Понимаешь? Провокатор выдал. Кто не успел уйти, попался в лапы фрицев... И нет нам прощения.

Тамара отстранила от себя Нину, поглядела прямо в глаза: Нина увидела, что темные глубокие Тамарины глаза полны слез.

— Меня вот тоже хотят словить,— затянулась папиросой Тамара.— В последний раз все тут обшарили. Все леса, все овраги у Михалова и у Щевелей, а я с ребятами окопалась у Рубек. Твоя родина? Ну и наблюдала оттуда за фашистами. Так и ушли они ни с чем. Дивизию присылали, а с одной бабой сладить не могут.

Снова, как раньше, иронические искорки мелькнули в Тамариных глазах. Никогда прежде Тамара не была так откровенна с Ниной, не говорила с ней так долго.

— Как только убрались они,— продолжала Тамара,— я послала коменданту Велешковичей письмо. Так, мол, и так, если бабу гитлеровские твои гады пересилить не могут, как же хотят они победить весь наш народ? И подписалась: «Тамара». Боюсь только, как бы отца не расстреляли, уже арестовали его.

Нина выхватила из-за стельки в туфле, протянула Тамаре обрывок газеты. Тетка Марина передала его Нине, заранее вырезав из фашистской газеты. Тамара прочла объявление: «Назначается крупное вознаграждение за поимку бандитки Тамары Дубовко. Тот, кто доставит ее немецким властям, получит пять тысяч марок и усадьбу с сельскохозяйственным инвентарем».

— Я про это слышала,— сказала Тамара,— Вишнев из Понизовья присылал человека предупредить меня. Провокатора подсылали к нему в отряд, спрашивал он Вишнева про Тамару. Видишь, здесь не нашли меня, так аж под Смоленском разыскивали. Шиш найдут.— И Тамара зло улыбнулась.

— А страшно тебе, Тамара? — вдруг спросила Нина.— Мне бывает сильно страшно.

— Эх, Стрелка,— совсем просто откликнулась на вопрос Тамара.— Разве я не человек, не баба? Еще как страшно мне. Только не тот смел, кто страха не ведает, а тот, кто пересилить себя умеет. Командир, Можейчиха, должен владеть большой силой воли и пробудить в себе ото сна чувство ответственности. Это знаешь как помогает заслоняться от боязни смерти. Это ты для жизни запомни, Стрелка, для жизни. Ну, живи, живи. Лети в отряд. Договорились?

Несколько дней спустя Нина с Марией и Лидой стали собираться в отряд. И тут случайно столкнулась на улице Нина с Лениным дядей, который жил в Стасеве. Леонид пришел в Михалово к Тамаре связным от Букаина, из Хотемлянской пущи. Тамара, должно быть, рассказала ему о своем разговоре с Ниной, сообщила, что приказала Нининой группе уходить в отряд Кирилленко. И Леня, рискуя жизнью, решил все-таки повидаться с Ниной. Попрощаться.

Опять поутру, едва касаясь росной травы босыми ногами, летела Нина по дороге к Клевцам. Там в условленном месте из кустов услышала она Ленин свист, который никогда не могла бы спутать ни с каким иным.

— Ниночка,— схватил Леня ее за косы. Намотал их на руки, притянул к себе.— Девочка моя любимая. Поцелуй хоть теперь меня. Может, больше не встретимся.

Неяркое утреннее солнце заняло уже свой небесный пост. Разбросало золотистые стрелки по земле, по травам, по лугам и лесам, по водам озер и тихих речушек. Прорвались золотистые лучики и в листву кустарника, скрывшего Леню и Нину, ласково коснулись лиц, обращенных друг к другу.

— Ленечка,— отозвалась Нина,— мы должны дожить до Победы. Помнишь, на кладбище, когда показывал ты мне револьверы, обещал, что придем мы к маме после войны!

— Ты только дождись меня,— согласился Леня.— Ты только будь осторожна, Ниночка,— попросил жалобно.

Нина подумала: «Сказал: «Будь осторожна» — значит, сейчас начнет прощаться». Посмотрела на него долго, словно в последний раз. Светлые Ленины волосы как-то потемнели и не светились, как прежде. Солнечный свет мерцал выше волос, над головою. А глаза, очень уставшие и постаревшие, по-прежнему посылали тепло ей по невидимым проводам.

Нина обняла и поцеловала Леню. Слезы навернулись на глаза. Пересиливая себя, чтобы снова не заплакать, Нина шепнула Лене на ухо Тамарино заветное слово:

— Живи. Живи. Ленечка. Пожалуйста, живи.

Нерешительно выпустила она его из рук, подтолкнула к дороге. Но Леня не спешил уходить. Он снял с руки часы, надел на Нинину руку, сказал: «На память». Потом спросил вдруг: «Ты почему без куртки? Росы холодные». Услышал, что Нина с Марией попали как-то в облаву. Бежали от собак, пробирались болотами. По дороге Нина потеряла

свою курточку, которую почти всю войну носила. Леня снял тогда с себя пиджак, накинул на Нинины плечи. Жестом остановил возражения: «Мужчине легче обойтись. Бери, тоже на память».

Снова притянул к себе Нину за косы, попросил:

— Ты тоже живи. И будь осторожна. После войны подрастешь еще немного, поженимся. Пойдешь за меня?

И он стал прощаться, унося с собой улыбку и теплоту васильковых глаз.

Уходить в отряд они должны были по одному. И так случилось, что Нина с Марией прибились, как и было условлено, к отряду Кирилленко, а Лида оказалась в другом отряде той же Лиозненской бригады Кириллова.

С дедушкой Нина попрощалась. Старалась не замечать его глаз, потонувших в слезах. Бабушку только чмокнула в щеку, как всегда сказав ей, что идет к отцу в Новое Дуброво. Бабушка совсем расхворалась, и Нина никогда не посвящала ее в свои заботы.

Мария в отряде стала медсестрой. А ей, Нине, поручили и теперь быть партизанской разведчицей.

Солнечным ранним утром, листья стали слетать уже на землю, пошла она снова, в который уж раз, к страшному гарнизону в Красынях, который в народе успели окрестить «Берлином». Побродила вокруг Красынь, прячась то во впадине у ручья, то в ольховнике, то в хмызняке у дороги. И вдруг резкий окрик часового: «Стой!» Нина остановилась. Услышала за спиной: тук-тук, отбивают страшную дробь фашистские сапоги. Подошли еще двое. Схватили, на этот раз ни о чем даже не спрашивая, и поволокли. Услышала, поняла: фашисты переговариваются, куда ее запереть. Притащили к старой заброшенной бане, бросили на пол, наподдав сапогом, замкнули на замок и ушли. У Нины хватило сил даже подумать: «Уже не так страшно, как в первый раз».

К полудню появился здоровенный детина в черном своем мундире с черепами на рукавах. С ним был полицай-переводчик, тоже недюжинной силы мужик:

— Партизан? — по-русски гаркнул немец.

— Какой я партизан, дяденька? — начала было свой спектакль Нина, но полицай неожиданно резко промчался кулаком по лицу. Перед глазами зароились черные мушки. Нина собрала в кулак все свои силы, сказала по возможности спокойно.

— Что уж, нельзя в ольховник зайти?

Полицай снова замахнулся, но офицер остановил его.

Нину отливали водой и били до изнеможения, снова и снова спрашивая: «Скажи, где партизаны?»

— Откуда? — спросил он коротко.

Нина, которую для допроса вытащили из бани на воздух, увидела: по шоссе погнали людей. Теперь все чаще стали отправлять деревенских в Германию.

— Я вон от тех отстала,— не моргнув, солгала Нина. И пожалела: вдруг прикажут догонять?

— Почему отстала? — через переводчика поинтересовался гитлеровец.

— Сказала же, в ольховник сошла. Ноги у меня болят, дяденька.— Нина чуть приободрилась, обдумывая новый текст своего монолога.

Но фашист договорить ей не дал. Приказал полицаю сорвать с Нининых ног сапоги. Ноги, уставшие и истерзанные бесконечными дорогами, действительно были поцарапаны и натерты до крови.

— Говорить будешь? — по-деловому спросил фашистский офицер.— Где твой партизанский отряд?

Нина молчала, стоя разутой на холодной по-осеннему земле. С молчаливого разрешения своего хозяина полицай скинул с Нининой головы косынку, ухватил сразу обе косы, поднял Нину над землей и с размаху стукнул всем телом о стену бани. Не дав опомниться, снова поднял за косы и еще раз все повторил.

— Скажешь, где партизаны?

Как ни странно, Нина не потеряла сознания. Напротив, мысли ее забегали с прежней быстротой, спеша выстроиться привычной стрелой. Нина подняла голову. И вдруг вдали на дороге увидела женщину, которая чуть поотстала от толпы, уже удаляющейся в сторону Витебска. Лицо женщины показалось ей знакомым. «Ох»,— только успела вздохнуть Нина. В женщине она разглядела мамину подругу, Ленину маму, Ксению Михайловну.

Ксения Михайловна, поняв, что Нина узнала ее, закрыла лицо руками. Заслонила глаза, чтоб не видеть, зажала рот, чтоб не крикнуть от боли, не выдать Нину. Согнулась почти пополам и побежала догонять толпу. Фриц уже занес над ней нагайку.

Мгновение — и Нина рухнула под ноги фашистам и больше уже ничего не помнила.

Ее отливали водой и били до изнеможения. Снова отливали водой и снова били сапогами, и плеткой, и за косы о стену. И так шесть дней подряд. На шестой день полицай вгонял ей иголки под ногти и уже у полумертвой спрашивал:

— Скажешь, где партизаны?

Потом неожиданно и никак не объяснимо вышвырнули ее из бани на землю, крикнули:

— Убирайся, русиш швайн!

А Нина уже не могла подняться. Лежала, распластавшись на земле, и ждала, что вот сейчас, еще секунда, и ее пристрелят. Но выстрела не раздалось. Сапоги — тук-тук — заторопились прочь. Полумертвая девчонка не представляла больше для них ни интереса, ни опасности.

Не чувствуя ни боли, ни даже собственного тела, не различая дня и ночи, Нина попыталась все же ползти. Чуть, еще чуть-чуть вперед, еще немного до бурьяна. Зарылась в высокую траву, прислонилась лицом к земле, вдохнула родной, с детства знакомый запах. Стала повторять про себя, как учила бабушка: «Земля, дай мне силу. Ты дашь мне силу. Ты поднимешь меня, моя земля».

И вдруг почудилось ей: слышит она чей-то шепот:

— Ниночка, проползи еще чуток. Ниночка, подтянись еще хоть шажочек.

«Рехнулась,— подумала Нина,— все мозги отшибли».

Но голос, такой знакомый и любимый, Лидин голос, звучал совершенно явственно. Нина подтянулась всем телом, уцепившись за бурьян. Еще разок подтянулась. Еще... Голос зазвучал погромче:

— Ниночка, я здесь. Я с тобою. Еще подползи.

Нина подняла глаза. К ней навстречу ползла среди высокого бурьяна Лида Соловьева, ее подруга Лида. Дальше, метров за десять от Лиды, Нина увидела Яшу Гладченко.

К вечеру, попеременно взваливая на плечи то обессилевшую и отяжелевшую Нину, то огромный рюкзак с толом, Лида и Яша доставили Нину в отряд.

Медицинская сестра Вера делала компрессы на Нинины пальцы, превратившиеся в красные, воспаленные, негнущиеся культышки. На березовых почках Вера умела настаивать какой-то целебный напиток. И поначалу только полизать давала Нине хлеб из лебеды.

Нина лежала в землянке на толстых еловых ветках, пахнущих смолой и лесом. И думала о том, как много в человеческой жизни значит случай. Лида и Яша тащили тол совсем близко от той бани, где пытали и мучили Нину. Услышали ее крик, ее голос. Лида и Яша оказались теперь совсем в другом отряде, и Нина давно их не видела. Счастливая случайность привела их в такой страшный час, когда Нина, как маятник, металась между жизнью и смертью. И, кто знает, куда качнуло бы его в последний раз, не появись Лида и Яша.

Нина вспоминала Лиду еще совсем маленькой. Шлепавшей босыми ногами по лужам. Думала и о том, что человек силен не только своею собственною силою, но и силою тех, кого ощущает за своей спиной. Друзей, отряда, бригады, всего народа. И снова старалась представить себе, какой будет Победа.

Лежа в лесу в землянке, на еловых ветках и потихоньку выздоравливая, Нина не знала еще, что любимая ее подруга Лида Соловьева не доживет до этой долгожданной Победы. Погибнет геройски в бою, прикрывая собою раненого товарища. И случится это перед самым освобождением Белоруссии. Не знала Нина и того, что уже нет в живых ее Лени, что и он не успеет увидеть Победу, для которой так не жалел себя. Еще нескоро придет возвращение Кати Виноградовой из фашистской Германии после страшных истязаний в гестаповских тюрьмах, концлагерях и на фашистском заводе. И встреча после войны с Марией, которая уже на фронте в одном из сражений вынесла семьдесят пять ране

ных вместе с оружием с поля боя. Сейчас же Нина знала только то, что Победа обязательно придет и будет прекрасной.

Как только она смогла подняться на ноги, попрощавшись и поблагодарив людей, выходивших ее, отправилась Нина искать свой отряд «Имени Чапаева». По лесам, среди болот. Но прежде решила найти либо Соню Богданову, либо Сашу Гайкова, сына Виктора Герасимовича, который первое время был ее связным в Михалове. После того, как Михалово фашисты сожгли, Саша переселился в деревню перед самым Лиозно. Тетка же Марина из Лиозно перебралась в Рудню, к брату. Соня или Саша, рассчитывала Нина, помогут ей найти отряд, подскажут, что и как теперь тут сложилось.

Холодным осенним вечером по дороге к Саше в пуще у Бабыновичей навстречу ей из ельника вышел незнакомый человек в ватнике. Улыбнулся, как старой знакомой, спросил: «Куда путь держишь, Стрела?»

Нина вздрогнула. Мелькнула мысль: «Если еще раз пытки, не выдержу».

Человек сразу все понял, не остерегаясь, как своей, объяснил:

— Не бойся меня, девочка, я такой же, как ты. Разведка. Только армейская разведка. Фронт подходит к вашим краям. Мы, солдаты, не можем появиться там, где тебе привычно и все знакомо. Поможешь нам?

— А как же отряд? — недоверчиво, но тоже не опасаясь, спросила Нина.— Командир посчитает меня дезертиром.— Сказала и пристально посмотрела, как и что ответит.

Новый знакомый сказал, широко, светло улыбаясь:

— Мы командиру сообщим, не беспокойся, Стрела.

Тут только спохватилась Нина, что человек этот называет ее именем, которое вовсе не должно быть ему знакомо:

— Почему — Стрела? — спросила Нина.

— Разведка,— одним словом отпарировал разведчик. И представился:— Михаил Иванович.

В этот же день Нина пошла в Лиозно узнавать: какая там теперь стоит часть? Какие на проходящих по шоссе машинах знаки? Какая техника идет по дороге? Человек, который назвался Михаилом Ивановичем, просил ее сходить в Рудню к тетке. Встретиться условились на проселочной дороге у деревни Пушки.

Ночью Нина повела за собой армейскую разведку.

Так нежданно-негаданно для себя Нина ушла воевать дальше вместе с Красной Армией. И участвовала в знаменитой операции «Багратион».

Летом сорок четвертого в боях между Докшицами и Бегомлем ранило Нину в ногу шальными пулями. И началась гангрена. Армейские товарищи ездили ее навещать, но Нина была так плоха, что все подумали — она погибнет. А Нина выжила. И живет.

* * *

После той памятной встречи в Лиозно, когда Нина на юбилее Победы так неожиданно увиделась снова с Михаилом Ивановичем Шеплягиным и комдивом, генерал-майором Гладышевым Степаном Трофимовичем, ее пригласили в Волгоград. На этой земле в Сталинградской битве 227-я стрелковая дивизия начинала свой путь и теперь именно здесь собирала всех, кто остался жив.

Нина Степановна решила пропустить один очередной шумный и веселый общий праздник, а пошла в Аллею дружбы. Поклониться могиле Рубена Ибаррури, отважного сына с детства любимой Ниной испанской героини Долорес Ибаррури.

Две пули, оставшиеся в ноге, никогда не давали Нине Степановне забывать о прошедшей войне. Она прошла вдоль набережной Волги и села на скамеечке неподалеку от дома Павлова. Сняла туфли на высоких каблуках, и мысли ее закружились, улетая в далекое прошлое, возвращаясь в сегодняшний день. И снова ускользая вдаль.

В школе на Елецкой улице она побывала в Музее боевой славы. Ребята рассказывали ей о пути ее дивизии от Сталинграда до Китая, о подвигах прошедшей войны и о походах по местам сражений. Среди фотографий боевых товарищей Нина увидела и свою. И очень удивилась.

Она часто вспоминала войну. Годы войны были, может быть, самыми значительными в ее жизни. И вот именно как о своей жизни думала Нина Степановна о войне. А для теперешних детей, пионеров и комсомольцев, ее война была уже историей.

Историей стала ее работа партизанской, а потом и армейской разведчицей и действия их подпольной группы. Ушли в историю дела и заботы подпольного райкома комсомола и партизанской бригады «Алексея». И даже чувства, мысли и поступки ее и ее товарищей по годам войны вроде бы уже не принадлежат только им самим, обернувшись фактами и событиями истории.

Дети спрашивали ее, за что получила она медаль «За боевые заслуги», медаль «Партизану Великой Отечественной войны I степени». Просили рассказать. Как рассказывать? Подожгла мост. Спасала людей. Ходила по гарнизонам и на аэродром, прямо в лапы к часовому... Получается, будто со стороны перечисление. А все главное, самое существенное: страдания, размышления, страх и преодоление страха, ненависть к врагам, любовь к родной земле — остается, как-то так получается, за пределами рассказа. Словно даришь детям не стрелу, а только футляр для стрелы. Как им научиться держать в руках стрелы? И Нина Степановна подумала, что надо суметь говорить с детьми, и это тоже ее долг перед историей и будущей жизнью.

Пусть не стала она актрисой, стала зоотехником, специалистом сельского хозяйства. Что из этого? Все же немало принесла она пользы людям. Сын Славик, Вячеслав, перед отъездом пришел к ней с внуком Олежкой попрощаться. Сказал, что прямо во время операции, всего за восемь минут, починил какой-то сложный медицинский аппарат и профессор похвалил его руки. И Нина Степановна всю дорогу сюда и теперь вот вспоминала об этом, потому что матери ничего дороже нет на свете, чем знать, что ее сын нужен людям.

Когда-то в молодости она считала, что человек должен что-то оставлять после себя на земле: дома, которые он строит, хлеб, который растит... Теперь же, прожив большую и очень непростую жизнь, она поняла, что самое лучшее, что человек способен после себя оставить, это Память. Хорошую, добрую память...

Неожиданно, как и многое получалось в ее жизни, рядом с ней на скамейке присели двое мужчин. Один в военной форме с орденами, другой в штатском, тоже с орденами и Золотой Звездой Героя Советского Союза. В дни юбилеев города, а особенно такой, как Волгоград, наполняются ветеранами.

Посидели молча. Потом Герой Советского Союза заговорил с ней. Спросил, неужели она воевала? Для ветерана вроде бы очень еще молода.

— Я кончила войну в восемнадцать,— улыбнулась Нина Степановна.

— А как начали, если не секрет? — смущаясь, поинтересовался новый знакомый.

— Как начала? — Нина Степановна почему-то никогда об этом не задумывалась.— Да вот пошла в лес пригнать корову Венеру, а из кустов вышел ко мне командир Красной Армии, раненный. Мы с дедушкой Павло скрывали его в яме под коровой, лечили.

— Кто же был тот командир?

— Учитель, откуда-то из-под Киева. Танкист. Мы его звали Андреем. Когда уходил, прощался, назвался полным именем — Андрей Семенович Пономарчук. Не знаю, добрался ли он до фронта? Жив ли?

— Как, как вы сказали? — волнуясь, переспросил человек, который поддерживал беседу.

— Пономарчук Андрей Семенович,— повторила Нина Степановна.— Командир не то танковой роты, не то взвода...

— Так это же Герой. Герой Советского Союза. Я знаю его. Он жив. И сейчас живет в Киевской области...

Не помня себя от радости и забыв о своем почтенном уже возрасте, Нина Степановна бросилась обнимать нового своего знакомого. Совсем как в детстве бросалась с размаху обнимать бабуню или позже Тамару Дубовко. Андрей жив! Жив! И жизнь продолжается!

КОНЕЦ

К 60-летию писателя М. Коршунова

Дружеский шарж В. МОЧАЛОВА.

Свой человек в Школьной Вселенной

В каждом человеке, будь то восторженный юноша, будь то седовласый старец, живет память детства.

Оно, минувшее детство, постоянно напоминает о себе. Напоминает и тогда, когда человек перелистывает первую прочитанную книжку с веселыми картинками. Напоминает и тогда, когда он с волнением смотрит на киноэкран, где действуют мальчишки, творящие дела смехотворные и трогательные. Напоминает и тогда, когда человек видит собственных детей или внуков, в повадках и разговорах которых улавливает что-то поразительно похожее на себя, не сегодняшнего, а того, давнего. Все это заставляет вновь и вновь мысленно окунаться в мир собственного детства.

Высокое это чувство — ожившая память детства! Писатели, посвящающие свое творчество детям, не могут обойтись без него. Через всю жизнь несут они в незамутненной чистоте и свежести воспоминания о школьных годах, воскрешают правду о них в своих произведениях.

И хорошо, когда рядом с книгами, рассказывающими о былых временах, появляются книги, в которых запечатлена новь современной школьной жизни. Написать такие произведения в состоянии лишь тот, кто живет не только памятью детства, но и крепко дружит с сегодняшними учащимися.

Михаил Коршунов из числа таких писателей. Он кровно связан с современной школой, современными школьниками. Он давно стал «своим человеком» в Школьной Вселенной.

Конечно, писатель отлично помнит собственные школьные годы. Отблеск тех давних лет по-доброму ложится на его произведения. И все же чаще он черпает материал для своих повестей и рассказов в сегодняшней школьной действительности. Его писательская натура не желает жить одними воспоминаниями. Зорко вникает он в жизнь современных ребят и учителей, в заботы и мечтания школьников.

Пристально наблюдая за их развитием, писатель убеждается и убеждает других — жизнь сегодняшней школы отлична от жизни той, в которой он учился, и школьники не те, что прежде. Значит, и писать о них следует по-новому, так, чтобы они в литературных героях узнавали себя и во всем доверяли автору. И он создает свой стремительный стиль письма, достоверно передавая своеобразие атмосферы современной школы. Чтобы так писать, необходимо досконально знать детский мир нового времени. А это не так-то просто.

Как-то, беседуя с первоклассниками, Михаил Павлович Коршунов поразился эрудиции ребят. Они свободно рассуждали о различных автоматических устройствах, об атомах и квадратных корнях. Писатель отправился в ближайшую школу, сел за парту с первоклассниками и целый год посещал вместе с ними уроки, усваивая новую систему обучения. А на другой год он подружился с учениками пятого класса и стал неразлучен с ними: куда они, туда и он, душа в душу жили. «Некоторые изучают обыкновенную Вселенную и рассказывают людям,— признался он впоследствии.— Мы изучаем Школьную Вселенную и тоже рассказываем людям. На каждом шагу встречаем и преодолеваем удивительные события и фантастические превращения!..»

Цикл повестей, созданных в результате многолетнего изучения современной школы, писатель так и озаглавил — «Школьная Вселенная». Улыбчиво, изобретательно показал он, как на пути к знаниям школьники напряженно трудятся и с веселой находчивостью одолевают всевозможные преграды и искушения. Одни названия повестей чего стоят: «Трагический иероглиф», «Караул! Тигры!», «Кавеэнщик», «Загадочная страна, или сентябрь + сентябрь», «Обратного адреса не было», «Колесо истории, или сверхпроводимость». Начнешь читать и не оторвешься! Как магнитом притягивает.

Такой же «магнитной» силой обладают и повести для ребят постарше: «Пес Малый», «Наша компания», «Когда замерзли дожди», «Две секунды света», «Девять возвращений», «Рассказы старого шахтера», «Мать и сын», «Требуется дворник», «Воскресный день», «Подростки» и роман о юных музыкантах «Бульвар под ливнем». В разных городах и селениях живут герои коршуновских книг, и время действия уводит нас то в огневые дни революции, то в годы Великой Отечественной, то в нашу современность.

Но какую бы тему автор ни поднимал, с кем бы из своих героев нас ни знакомил, неизменными остаются его светлое мироощущение и веселый писательский взгляд, активный интерес к людям необычной и поучительной судьбы. Каждая книга дарит радость, открывает большой и сложный мир человеческих отношений, без назидательности учит, какими должны быть, как должны жить и дружить неугомонные обитатели Школьной Вселенной.

Владимир РАЗУМНЕВИЧ

ЧТО НАМ ЧИТАТЬ?

Нет горя чужого...

Однажды в студеную зимнюю пору
Сижу за решеткой в темнице сырой.
Гляжу — поднимается медленно в гору
Вскормленный в неволе орел молодой...

Кто ж выдумал такую абракадабру? «Балбес и тупица» второгодник Андрей Митюшкин.

Но писатель **Наталья Соломко** в своей книге **«Если бы я был учителем...»** утверждает, что ее герой Митюшкин умник, бескорыстная душа, родня душе Уленшпигеля и Дон-Кихота.

И так все интересно «закручивается»!

Походы, интриги, побеги из дома, любовь, дуэли, мятежи!..

А Митюшкин-то растет и становится учителем! Повезет ребятам, кто будет у него учиться! Как повезло ученикам другого героя книги Натальи Соломко — преподавателя географии Александра Арсеньевича.

Представляете, он возникает в повести «Белая лошадь — горе не мое», залезая в школу через окно в туалете!.. А что делать, если Александр Арсеньевич выглядит недостаточно солидно? И грозный страж чистоты — школьная техничка, приняв его за ученика, не пускает без сменной обуви?!

Да еще обзывает Александра Арсеньевича «шпендриком».

Родители географа чуть что отчитывают его, как мальчишку. Отец считает «трудным подростком», дядя Вася — «оболтусом» и «недорослем»!

Все из-за того, что вечно Александр Арсеньевич попадает в какой-нибудь переплет. Хотя он знает магическое заклинание. Скажешь: «Белая лошадь — горе не мое. Уходи, горе, за сине море, за темный лес, за светлый огонь, меня не тронь...» — все. Ничего с тобой не случится.

Странный человек Александр Арсеньевич! Несчастья валятся на других — а он сам под них подставляется! Спасает. Защищает! Зовут не зовут — спешит на помощь!

«Белая лошадь — горе не мое...» А чье?

Читаешь книжку Натальи Соломко и понимаешь: нет такого горя — чужого. Врет, кто говорит: «На рожон лезут глупцы и психи! Жизнь — сложная штука. Движут ею вовсе не законы добра и справедливости! Есть законы посерьезней!..» Таких просто не учили быть людьми. И мы их тоже встретим в книге. Маленьких и больших, «порядочных до определенного предела».

Вытряхивающих деньги у малыша. Способных ударить девушку. Вместе умело — все на одного — избить человека, но пасующих и трусливых в драке один на один.

В их же ряду — человек по фамилии Галагуцкий, предавший и продавший своего лучшего друга, тысячу раз выручавшего из разных бед: козла Джульбарса.

И бывший борец за справедливость девятиклассник Боря Исаков. Набив себе шишек, он сообразил наконец, что «жизнь — вовсе не праздник... и пропади она пропадом, справедливость эта, коли из-за нее надо поступиться своими удобствами»...

И все-таки пробует взлететь над двором, «чтобы всю улицу с высоты увидеть», поэт Хрюкало — Дима Вахрушев.

И бродит один во тьме лесной Женька Кукарека. Потому что учитель на своем примере показал ученику: мужчина не должен быть трусом.

И сломя голову, с неотвратимо надвигающимся топотом несется на выручку Галагуцкому верный козел Джульбарс.

«— Гангстеры! — сказал своим преследователям Галагуцкий, и в голосе его послышалось искреннее сочувствие.— Достукались?!»

Дальше было ужасное...

Ой! А что это я вам все рассказываю! Берите книгу Натальи Соломко «Если бы я был учителем...» и сами читайте.

М. МОСКВИНА

Английский писатель Алан Александр Милн (1882—1956) сочинил для ребят всем известную книгу про Винни-Пуха. А еще он — автор замечательных детских стихов; три из них вы сейчас прочтете. Знаменитый сказочник был человеком насмешливым, но, посмотрите, как по-разному он смеется: ласково и добродушно — над медвежонком Пухом, иронически — над нерешительным моряком, издевательски — над спесивым аристократом Брайаном.

А. МИЛН

Старый моряк

Жил на свете один пожилой мореход,
У него была уйма забот и хлопот.
Хоть и брался он сразу за тысячу дел —
Ни одно до конца довести не умел!

Он был выброшен бурею на островок,
Без оружья, без шляпы, без брюк и сапог,
Без крючков и силков, чтоб ловить и удить,
И без всяких семян, чтобы их посадить.

Он подумал: «Нужна питьевая вода.
Нет ли здесь ручейка или, может, пруда?
Да найти бы козу, чтобы меньше скучать,
Или диких цыплят, чтобы их приручать».

А еще он решил срочно выстроить дом,
Потому что опасностей много кругом.
Дом с надежною крышей от мокрых дождей
И с надежным засовом от диких людей...

Но сперва принялся он крючки мастерить,
Чтоб какой-нибудь завтрак поймать и сварить;
А горячее солнце слепило и жгло.
«Нет, — сказал он, — без шляпы тут жить тяжело!»

Только начал он шляпу из листьев плести,
Как подумал: «Нет, надо сначала найти
Ручеек или пруд: ведь в такую жару
Без воды я, пожалуй, от жажды умру!»

Тут он в лес углубился, на шум ручейка,
Но в лесу его вдруг охватила тоска,
И он вынул блокнот и, смахнувши слезу,
Записал: «Приручить поскорее козу!»

Но как только попалась ему на глаза
Подходящая, с преданной мордой коза,
Он подумал: «С отплытьем пора поспешить!
Надо выдолбить лодку и парус бы сшить».

Сел он шить, но бедняге почудилось вдруг,
Что туземцы коварные рыщут вокруг!
«Нет, без прочного дома, без крепких дверей
Можно сделаться завтраком для дикарей!

Нужен дом! Но и лодка, и парус нужны,
И коза, и крючки, и ручей, и штаны!
Да и шляпа — чтоб солнце не слишком пекло...»
Так сидел он и думал. А время текло.

Но с чего начинать, он придумать не мог,
И поэтому лег на прибрежный песок,
И лежал, как последний бездельник, пока
Его чей-то корабль не забрал с островка.

Сэр Брайан Ботани

У сэра Бра́йана был меч с тяжелой рукоятью.
Он приходил в деревню и жителей пугал.
По пятницам и средам
Гулял перед обедом
И бил их,
И лупил их,
И при этом повторял:
«Я — рыцарь Брайан! (бу-бух!),
Я — рыцарь Брайан! (ба-бам!),
Я — рыцарь Брайан, я здесь хозяин,
Так вот же вам — и вам, и вам, и вам!»

У сэра Брайана был меч и сапоги со шпорами,
Он наводил на улицах порядок и уют:
По четвергам и вторникам
Сапожникам и шорникам
Давал пинка
И тумака
И загонял их в пруд.
«Я — рыцарь Брайан! (плих-плюх!),
Я — рыцарь Брайан! (шлип-шлеп!),
Я — рыцарь Брайан, я здесь хозяин,
Скажи спасибо, что не утоп!»

Но вот однажды утром пропали меч и шпоры!
Сэр Брайан по деревне шел в обычных башмаках,
Едва его завидели
Приветливые жители,
Как тут же все воскликнули
С улыбкой на устах:
«Сам рыцарь Брайан! Да ну!
Сам рыцарь Брайан! Ну да!
Сам рыцарь Брайан, большой хозяин,
Пожаловать изволили сюда!»

Сэр Брайан прогулялся в пруд и угостился тиной,
Потом его достали и поставили на пень,
Восторженно качали,
По голове стучали,
Гоняли,
И шпыняли,
И твердили целый день:
«Вы — рыцарь Брайан? Вот-вот!
Вы — рыцарь Брайан? Да-да!
Бесстрашный Брайан, сеньор, хозяин,—
Не забывайте же нас никогда!»

Сэр Брайан дохромал домой, нашел свой меч и шпоры,
Отнес их на помойку тихонечко, и вот
С тех самых пор
До этих пор
Он ходит без меча и шпор
И скромно, и учтиво всегда себя ведет:
«Я — рыцарь Брайан? Как-как?
Я — рыцарь Брайан? О нет!
Я просто мистер Ботани, и документы — вот они!
Приятно познакомиться, и жду вас на обед».

Мы с Пухом

Приходят папины друзья, и все им надо знать:
И сколько будет пятьдесят, деленное на пять,
И кто открыл Америку, когда и для чего,
Как звали лорда Байрона и бабушку его...

Мы с Пухом шепчемся в углу, мы с ним найдем ответ.
Пух говорит: «Наверно, СТО! А может быть, и нет».
И если это так и есть — нам дарят шоколад,
А если Пух не угадал, то я не виноват.

Перевела с английского М. БОРОДИЦКАЯ.

Рисунки С. СОКОЛОВА.

Виктор ВИКТОРОВ

Главный учитель музыки

Школа эта самая обыкновенная. Московская школа № 209. Находится она на Верхней Масловке, неподалеку от Савеловского вокзала. И здание у нее обыкновенное: серое, пятиэтажное.

Необыкновенное в ней только то, что один из ее учителей — действительный член Академии педагогических наук. Он закончил со своими учениками восьмой класс. Предмет, который он ведет,— музыка, а фамилия учителя — Кабалевский.

Мне довелось несколько раз бывать на уроке музыки в классе Дмитрия Борисовича.

Впервые я пришел на его урок во второй класс «А». Я пристроился сзади, на «камчатке». Передние два ряда стульев были заняты малышами, но я только догадывался, что они тут есть. Их плотно закрывали от меня головы взрослых, которых было втрое больше, чем ребят,— завучи школ, учителя, студенты, корреспонденты...

Когда я спустя два года снова пришел на урок музыки в этот класс, ставший уже четвертым «А», я застал ту же картину. Объясняется это все просто.

Дмитрий Борисович стал думать о том, что хорошо было бы изменить преподавание музыки в наших школах. Ребят легче увлечь не рассказами о ней, а самой музыкой как замечательным искусством, которое является не каким-то приложением к жизни, а необходимой частью самой жизни!

Дмитрий Борисович нашел преданных помощников, он организовал целую музыкальную лабораторию в Институте школ.

Несколько раз сотрудники лаборатории привлекали и меня к своей работе. Я писал по их просьбе стихи «специального назначения» — для учебных песенок. Это было очень интересно. Мне задавали задачки, которые сначала решал я, потом — композиторы, затем уже — школьники!

Сотрудник лаборатории Александр Евгеньевич Трушин в двух словах объяснил мне различие старой и новой программы по музыке.

— Представьте себе, что ребенку подарили педальный автомобиль и мы должны научить его вести машину. И мы начинаем с объяснения законов механики, устройства двигателя внутреннего сгорания, а ре-

бенку хочется сесть за руль, почувствовать, что такое движение... Вот новая программа и увлекает школьника музыкой, делает ее для него живым и ярким собеседником, другом, участником всех событий в его жизни. Дети и сами говорят: «Когда мне весело, я пою, когда мне грустно — тоже пою, но совсем другое...»

Уроки Дмитрия Борисовича даже уроками назвать нельзя — это оживленная беседа, интересный разговор о музыке и о жизни, о музыке и литературе, музыке и живописи с яркими примерами. В нем участвуют и учитель, и классная доска, и рояль, и скрипка, и целый симфонический оркестр в магнитофонной записи.

Но активней всего участвуют в уроке сами ребята, потому что урок их захватывает, захватывает музыка и то, как она им преподносится.

Учитель и ученики задают друг другу вопросы, поправляют друг друга, спорят — им вместе надо разобраться, может ли музыка прожить без литературы и что было бы с литературой, если бы вдруг исчезла музыка...

Но вернемся к тому уроку, с которого я начал.

Дмитрий Борисович рассказывает:

— Композитор может нарисовать портрет. Он не может показать в своей опере, высокого роста девочка или низкого, полная она или худая, с бантом или без банта, но может показать... Что?

И дети тут же поднимают руки. И хотя речь идет об опере «Волк и семеро козлят», ответ совершенно точный:

— Характер человека!

Потому что ребята прекрасно понимают, что, показывая в опере волка, козу и козлят, композитор думает о людях.

— Какой же волк был в нашей опере? — спрашивает Дмитрий Борисович.

— Он злой.

— А коза?

— Спокойная.

— Да, — уточняет учитель, — ласковая, спокойная.

А один мальчик добавляет:

— Коза была черная, потому что все козы черные!

И хотя это не совсем так, козы бывают и белые, и серые, и пестрые, Дмитрий Борисович не спорит с мальчиком, чтобы не отбивать у него охоту выступить в другой раз. Более серьезные ошибки учитель, конечно, поправляет, но делает это очень осторожно. Вот диалог на уроке в первом классе.

Дмитрий Борисович спрашивает одного мальчика:

— Какое ты знаешь имя композитора?

— Пушкин.

— Пушкин — это кто? Писатель, да? Это хорошо, что ты знаешь Пушкина. Ну, а композитора какого знаешь?

Поднимает руку девочка.

— Ну, скажи ты.

— Филиппенко.

— Филиппенко, правильно. Композитор, который живет на Украине, в Киеве. Он сочинил очень много музыки для маленьких детей.

Еще пример. Дмитрий Борисович исполняет на рояле «Кавалерийскую».

— Кто может сказать, что это была за музыка, на что она похожа?

И ребята дружно восклицают:

— Конница!

— Это марш для коней!

— Да, — мягко поправляет Дмитрий Борисович, чтобы не обидеть малыша, — но марш ведь не для коней, а для тех, кто на конях скачет.

И ребята тут же схватывают смысл сказанного:

— Это марш всадников! Кавалеристов!

В первых классах школьники знакомятся с «тремя китами» — песней, маршем, танцем и с тем, куда ведут нас эти киты — к опере, балету, симфонии, узнают о музыкальных выразительных средствах — мелодии, аккомпанементе, ритме, знакомятся с инструментами оркестра.

В третьем классе они уже знакомятся с музыкой своего народа и других народов нашей страны, с музыкой народов мира и понимают, что между песнями, танцами разных народов нет непереходимых границ.

...Звучит «Колыбельная» Гершвина из его оперы «Порги и Бесс», и ребята, не зная английского языка, понимают, что это колыбельная песня.

Звучит болгарская народная песенка «Посадил полынь я», и всем в классе ясно, что это веселая танцевальная музыка, что это плясовая.

— Видите, как понятен музыкальный язык, — делает вывод Дмитрий Борисович. — Он понятен всем без исключения. Он объединяет людей, говорящих на разных языках. Наш великий Чайковский не знал норвежского языка, а великий норвежец Григ не знал русского, но они любили и понимали друг друга, потому что оба знали музыкальный язык и он их сблизил.

Дмитрий Борисович показывает ученикам связь народной музыки и музыки, сочиненной композиторами, подтверждая примерами знаменитое выражение Глинки: «Музыку создает народ, а мы, композиторы, только ее аранжируем».

Уроки в четвертом классе — о дружбе музыки и литературы, музыки и живописи; пятиклассники уже прекрасно понимают, что музыка помогает человеку бороться за добро против зла и что ее сила — в правде и красоте. Дмитрий Борисович умеет показать это и на примерах из монументальной оперы Глинки «Иван Сусанин» и на маленькой попевочке, которую сам сочинил на мои шуточные стихи:

Улица хмурится,
Дождик идет,
Мокрая курица
Солнышка ждет.

Если он начинает играть эту шутку с драматическими интонациями, ребята тут же реагируют: сначала удивление, потом смех, потому что они чувствуют, что из музыки исчезла правда, музыка не отвечает характеру стихотворения, даже такого незначительного по содержанию.

В шестом классе Дмитрий Борисович обсуждал с ребятами серьезнейшие вопросы — образ человека

в музыке может быть одновременно и образом Родины, образом революции, образом войны.

Дмитрий Борисович разбирает арию Кутузова из оперы Прокофьева «Война и мир». Полководец поет ее после совета в Филях, где решено сдать Москву. Ребята находят в музыкальном образе Кутузова и благородство, и спокойствие, и уверенность в правильности принятого решения, но и тревогу.

— Да,— говорит Дмитрий Борисович,— Кутузов, как вы понимаете, не счетно-вычислительная машина, которая легко «выдает» решение, если в нее заложить задание. Кутузов — живой человек. Да и решение какое! О сдаче Москвы. Да еще без боя!

И Прокофьев точно нарисовал образ Кутузова в этот ответственный момент его жизни: с одной стороны,— уверенность, с другой — тревогу. И эта ария дает представление не только о Кутузове, но и обо всей войне, так как решение Кутузова поворачивает ход всей войны.

А вальс Наташи Ростовой из этой же оперы дает нам представление не только о самой Наташе, но и о мире, о красоте мирной жизни.

Шестиклассники не менее активны, чем первоклассники.

— Мне кажется,— сказала одна ученица о вальсе Наташи,— что это образ не одного, а двух молодых людей — и Наташи, и Андрея — вальс же танцуют двое!

— Видите, как она меня поправила,— соглашается Дмитрий Борисович,— да, это так, совершенно правильно!

ТЫ И РЕФОРМА

Л. ПОДКОРЫТОВА,
М. МАТВЕЕВА

СДЕЛАЙ СЕБЯ УМНЫМ

Сегодня мы завершаем наш разговор о том, как сделать себя человеком способным, умным, чтобы учиться в школе было легко и радостно. Начало разговора смотри в №№ 10, 11.

Я мыслю, значит, я существую

Если бы только от памяти нашей зависело, сможем мы хорошо учиться или нет. Как было бы просто: заполнил ее стихами, цифрами, фактами, иностранными словами — и ты уже хороший ученик, знающий человек, а то и ученый. Но память наша — как кладовка. Оттуда можно только вытащить продукт. А уж какое кушанье ты из него приготовишь, зависит от твоего **мышления.** Иногда можно встретить людей, которые напичканы фактами и вроде много книг прочитали, а толку от всего этого — чуть. Справиться со своими знаниями они не могут. Не видят, что от чего зависит, какая между предметами и явлениями связь. Их память выдает факты, как магнитофон, без осмысления.

Мышление позволяет тебе **понять,** как все на свете устроено, позволяет **предвидеть,** что получится, если поступить так или эдак, позволяет **управлять** событиями.

Давай проверим, умеешь ли ты логично мыслить, выделять главное.

В седьмом классе рассматривалась тема «Музыка и современность». Ребята учатся разбираться в окружающем их современном музыкальном мире.

Так, музыка Бетховена связывается с рассказом замечательного чехословацкого писателя-антифашиста Юлиуса Фучика о том, какую огромную вдохновляющую роль играли бетховенские мелодии, когда он и его товарищи, заточенные фашистами в тюрьму, ожидали смерти.

Музыка Чайковского сочеталась с именем выдающегося советского хирурга С. С. Юдина, который, по его собственным словам, перед наиболее сложными операциями любил «перелистывать страницы Шестой симфонии Чайковского».

«Марсельеза» и другие песни французской революции глубоко проникали в сознание ребят после рассказа о том, что в донесении одного из революционных генералов были такие слова: «Пришлите мне в подкрепление тысячу солдат или тысячу экземпляров «Марсельезы».

«Сила таких фактов,— говорит Дмитрий Борисович,— может быть, на всю жизнь закрепит в сознании ребят и музыку, и ее «жизненную судьбу».

Одновременно с 209-й школой, в которой преподавал музыку Дмитрий Борисович Кабалевский, все больше школ в городах и селах нашей страны ведут преподавание музыки по программе Кабалевского, которая сегодня введена в РСФСР повсеместно. Вот учителя из этих школ и приезжают в Москву учиться по системе Главного учителя музыки! Потому-то на уроке учителей больше, чем учеников. И им, как говорят они сами, не менее интересно, чем школьникам!

— Мои ученики...— говорил Дмитрий Борисович.— Они уже повзрослели, стали сдержаннее, менее непосредственны. Но если в первом классе в ответ на вопрос, как называется музыкант, играющий на трубе, я мог услышать «трубочист», то сегодня в беседе «о легкой и серьезной музыке» тот же бывший первоклассник говорит: «Под легкую музыку человек отдыхает, может чем-то другим заниматься, а серьезная музыка захватывает, заставляет думать». Я учу их музыке, а музыка учит их постигать жизнь, находить в ней свое место.

А здесь надо найти аналогии. Если одна пара: лошадь — жеребенок, то другая — корова — ... Какое слово ты выберешь из четырех предложенных?

ЛОШАДЬ	КОРОВА
ЖЕРЕБЕНОК	ПАСТБИЩЕ, РОГА, МОЛОКО, ТЕЛЕНОК
ТОНКИЙ	БЕЗОБРАЗНЫЙ
ТОЛСТЫЙ	КРАСИВЫЙ, ЖИРНЫЙ, УРОД, ВЕСЕЛЫЙ
СВИНЕЦ	ПУХ
ТЯЖЕЛЫЙ	ПЕРИНА, ПЕРЬЯ, ЛЕГКИЙ, КУРИНЫЙ
ЛОЖКА	ВИЛКА
КАША	МАСЛО, НОЖ, ТАРЕЛКА, МЯСО
ЯЙЦО	КАРТОФЕЛЬ
СКОРЛУПА	КУРИЦА, ОГОРОД, СУП, ШЕЛУХА
КОНЬКИ	ЛОДКА
ЗИМА	КАТОК, ВЕСЛО, ЛЕТО, РЕКА
УХО	ЗУБЫ
СЛЫШАТЬ	ВИДЕТЬ, ЛЕЧИТЬ, РОТ, ЖЕВАТЬ
СОБАКА	ЩУКА
ШЕРСТЬ	ЛОВКОСТЬ, РЫБА, УДОЧКА, ЧЕШУЯ
ПРОБКА	КАМЕНЬ
ПЛАВАТЬ	ПЛОВЕЦ, ТОНУТЬ, ГРАНИТ, ВОЗИТЬ
ЧАЙ	СУП
САХАР	ВОДА, КРУПА, СОЛЬ, ЛОЖКА

Вот ряды слов. Подчеркни два слова в скобках, определяющих, что предмет, названный перед скобками, всегда имеет, без чего он не может существовать. Только два слова!

Сад (растения, садовник, собака, забор, земля).

Река (берег, рыба, рыболов, тина, вода).

Город (автомобиль, здание, толпа, улица, велосипедист).

Сарай (сеновал, лошади, крыша, скот, стены).

Куб (углы, чертеж, сторона, параллелепипед, дерево).

Деление (класс, делимое, карандаш, делитель, бумага).

Чтение (глаза, книга, картинка, печать, слово).

Игра (карты, игроки, штрафы, наказания, правила).

Изучив эту таблицу, надо сообразить: по какому принципу расположены цифры в каждом ряду? Все ряды продолжить и в каждом ряду написать столько чисел, сколько прочерков в конце ряда.

1 7 13 19 – –

3 2 6 5 9 8 – –

5 3 7 3 9 3 – –

1 4 7 10 13 – –

3 4 12 5 6 30 – –

4 3 8 7 16 15 – –

4 5 7 10 14 – –

Если ты не уверен, что решил наши задачи правильно, попроси родителей или учителя проверить их. Мы не даем здесь ответов, так как не хотим соблазнять тебя на подглядывание. Лучше ты подумай и, хоть и медленно, все реши сам.

Тем ребятам, кто не смог самостоятельно выполнить наши задания, надо тренировать **логику мысли.**

Поиграй сам с собой в такую игру. Возьми самые простые понятия: шуба, стол, поезд, стена... И дай им определения. Шуба — что это такое? Как ты объяснишь это слово иностранцу, например? А потом проверь себя по толковому словарю. Эта игра разовьет твое мышление.

Думая о любом событии, старайся увидеть вопрос, проблему и путь решения этой проблемы. Что бы ты ни узнал, всегда задавай себе вопросы: почему? зачем? Например, объявили вам, что в субботу будет сбор макулатуры. Не просто прими это известие к сведению, а подумай, **зачем** вы будете собирать макулатуру. **Как** собрать больше, чем другие отряды?

Развить мышление тебе поможет письменная речь. Написанное можно перечесть и как бы услышать себя со стороны. Увидеть, где мысль твоя скакала, не развернувшись перед собеседником до конца. Где тебе не хватило слов, чтобы выразить свои чувства. Пиши письма, сочинения, дневники. И ты научишься точно и четко мыслить.

«Я мыслю, значит, я существую»,— сказал французский философ Декарт. Вот как высоко он ставил способность человека мыслить.

Пятьдесят способов произнести слово «да»

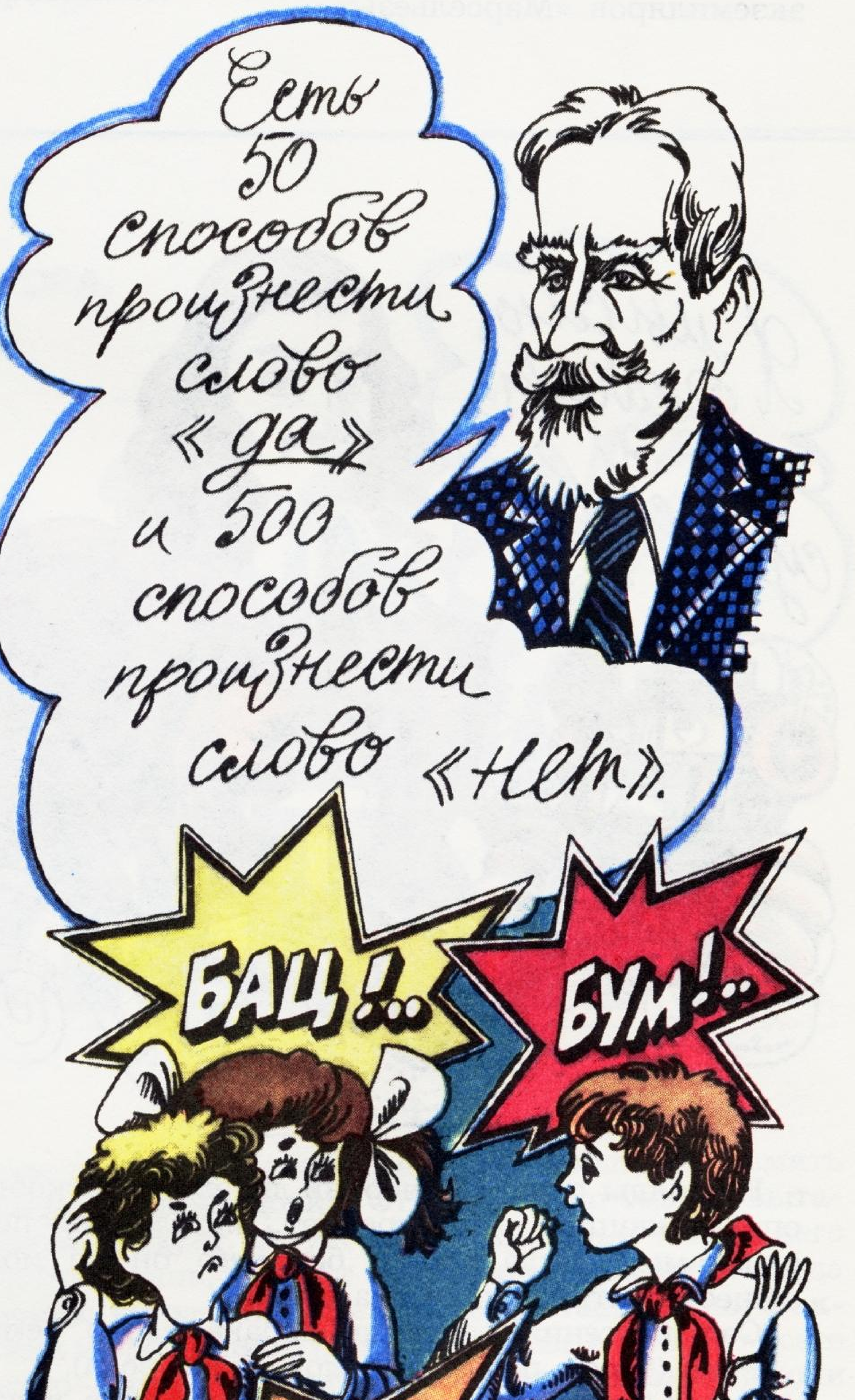
Твой ум, внимание, наблюдательность, уровень культуры проявляются в речи. Как ты говоришь, о чем говоришь? Даже если ты знаешь очень много, но не можешь четко сформулировать свои мысли, убедить собеседника, если тебе не хватает слов, речь твоя невыразительна и невнятна,— никто не поймет, не услышит тебя, да и не захочет слушать. Поэтому обрати внимание на свою речь.

Подойди к зеркалу и поговори сам с собой. Прислушайся, нет ли у тебя неприятной, ноющей интонации, как будто ты всегда чем-то недоволен. А может, интонация твоей речи слишком наступательна и задириста, как будто вокруг тебя живут одни враги? Нет? Очень хорошо. Старайся, чтобы речь твоя была спокойна.

Ты тараторишь, захлебываясь, или умеешь в разговоре выдерживать паузу? Сказав собеседнику важную мысль, помолчи. Дай ему услышанное обдумать и понять.

Английский писатель Бернард Шоу сказал както, что есть 50 способов произнести слово «да» и 500 способов произнести слово «нет». И только один способ написать эти слова. Ну-ка попробуй произнести «да» с десятью разными интонациями. Не стесняйся: ты один перед зеркалом, поучись говорить выразительно.

Иногда можно услышать такой разговор двух мальчиков: «А этот как выскочит!» «А тот — как



даст!» «А этот — бум...» «А тут он — бац...» При этом оба что есть силы размахивают руками, но если вы не знаете, о чем они говорят, вам ни за что этого из их разговора и не понять. Мальчикам не хватает слов. Словарный запас у них маленький. Большинство слов они знают пассивно: видят их в книге или слышат от взрослых и понимают. Но сами в разговорах используют две-три сотни слов.

Знаешь, сколько слов должен знать трех-четырехлетний ребенок? Примерно две с половиной тысячи. Словарь А. С. Пушкина — 25 тысяч слов. Словарь В. Шекспира — более 50 тысяч. Они знали столько слов активно, употребляли их в своих произведениях. А в словаре В. Даля, лучшем толковом словаре русского языка, приведено более 200 тысяч слов. Вот какой богатый у нас язык! А кому-то хватает десятка слов, вроде «бац», «трах» и «бум», чтобы выразит свои немудреные мысли.

Писатель В. В. Вересаев в «Воспоминаниях» рассказывает: во времена его детства, когда вся семья собиралась вечером за столом, отец всегда расспрашивал Викентия, что он сейчас читает. С живейшим интересом отец выяснял у сына малейшие подробности жизни Ребекки из романа Вальтера Скотта «Айвенго». Когда Вересаев стал взрослым человеком, он понял: во время застольных бесед о прочитанных книгах отец учил его говорить, правильно выражать свои мысли и чувства, развивал его речь.

И тебе мы советуем, если хочешь, чтобы речь твоя была гладка и выразительна, почаще мучай родных пересказами книг, которые ты читаешь.

Хорошо еще в отряде организовать «Спор-клуб». Вот когда речь должна быть логична, ярка и выразительна, чтобы убедить противника. А заучивать иностранные слова из словаря, как это делают некоторые ребята, чтобы выглядеть умнее, не надо. Непонятные, наукообразные выражения не украсят твою речь. Да и дело не в механическом знании многих слов.

Стройное мышление и правильная, красивая речь — совершенно необходимые условия для развития твоих способностей.

О читателях толковых и бестолковых

Однажды мы пришли в детскую библиотеку и попросили познакомить нас с самыми активными читателями. Нам представили двух симпатичных мальчиков, читательские формуляры которых пестрели самыми разнообразными названиями книг.

«Ты какую книгу только что сдал?» — спросили мы одного. «Всадник без головы», — ответил мальчик. «А кто этот роман написал?» Молчание. Автора мальчик назвать не мог.

В шестом-седьмом классах ты начинаешь много читать. Но, к сожалению, не всегда обращаешь внимание на то, кто написал книгу, которая тебе понравилась. Поэтому ты не можешь взять в библиотеке другие книги этого автора. Не представляешь, этот писатель — твой современник или нет. И вообще ты читаешь бессистемно и довольно бестолково.

А для того, чтобы читать с толком, надо:

читать в книге все, без пропусков;

прочитав книгу, письменно, в тетрадке, или устно ответить себе на вопросы: «О чем я читал? Что нового я узнал?»;

записать название книги и фамилию автора. Пригодится — или другу посоветовать прочитать, или в будущем к этой книге и к этому автору вернуться.

Все незнакомые слова, которые ты встречаешь при чтении, посмотри в словаре, в энциклопедии или спроси у взрослых. Иначе как ты будешь расширять свой словарный запас?

Почаще заглядывай в словари и всевозможные справочники. Они большое подспорье нашей памяти. Иногда и не надо запоминать какие-то факты, которые всегда можно посмотреть в книге. Эйнштейн говорил, что он принципиально не запоминает, какова скорость звука, раз ее можно посмотреть в любом справочнике.

И еще — больше читай. Учебник — это скелет наших знаний. А мясо нарастает, когда мы читаем книги. Например, из учебника истории ты узнаешь причины войны 1812 года, даты сражений и цифры потерь, основные этапы войны и ее последствия... А прочитав роман Л. Н. Толстого «Война и мир», ты можешь представить, почувствовать эту войну, узнать, как ее воспринимали люди разных социальных слоев, ты можешь ее пережить вместе с героями романа.

Книги дают нам детали, факты, подробности, все то, что учебник дать не в состоянии. Поэтому больше читай. Начитанному человеку гораздо легче учиться.

Сам себе судья и опора

И последний разговор. Пожалуй, самый важный.

Ты получил так много советов, как себя развить, как стать человеком способным, что голова может пойти кругом: как со всем этим справиться?

Не спеши. Перечитай наши советы еще раз и медленно.

Определи, к чему у тебя есть склонности, что у тебя развито хорошо, а что тебе надо тренировать.

А теперь надо составить план твоей работы над собой.

Тебе нравится, что учителя и родители тебя воспитывают? Не нравится. Правильно, значит, ты

взрослеешь. Теперь ты, взрослый человек, будешь воспитывать себя сам.

Но самовоспитание невозможно, если ты не знаешь:

его цели (чего же ты хочешь? Ты хочешь стать волевым, трудолюбивым человеком, чтобы хорошо учиться и добиться в жизни успехов?);

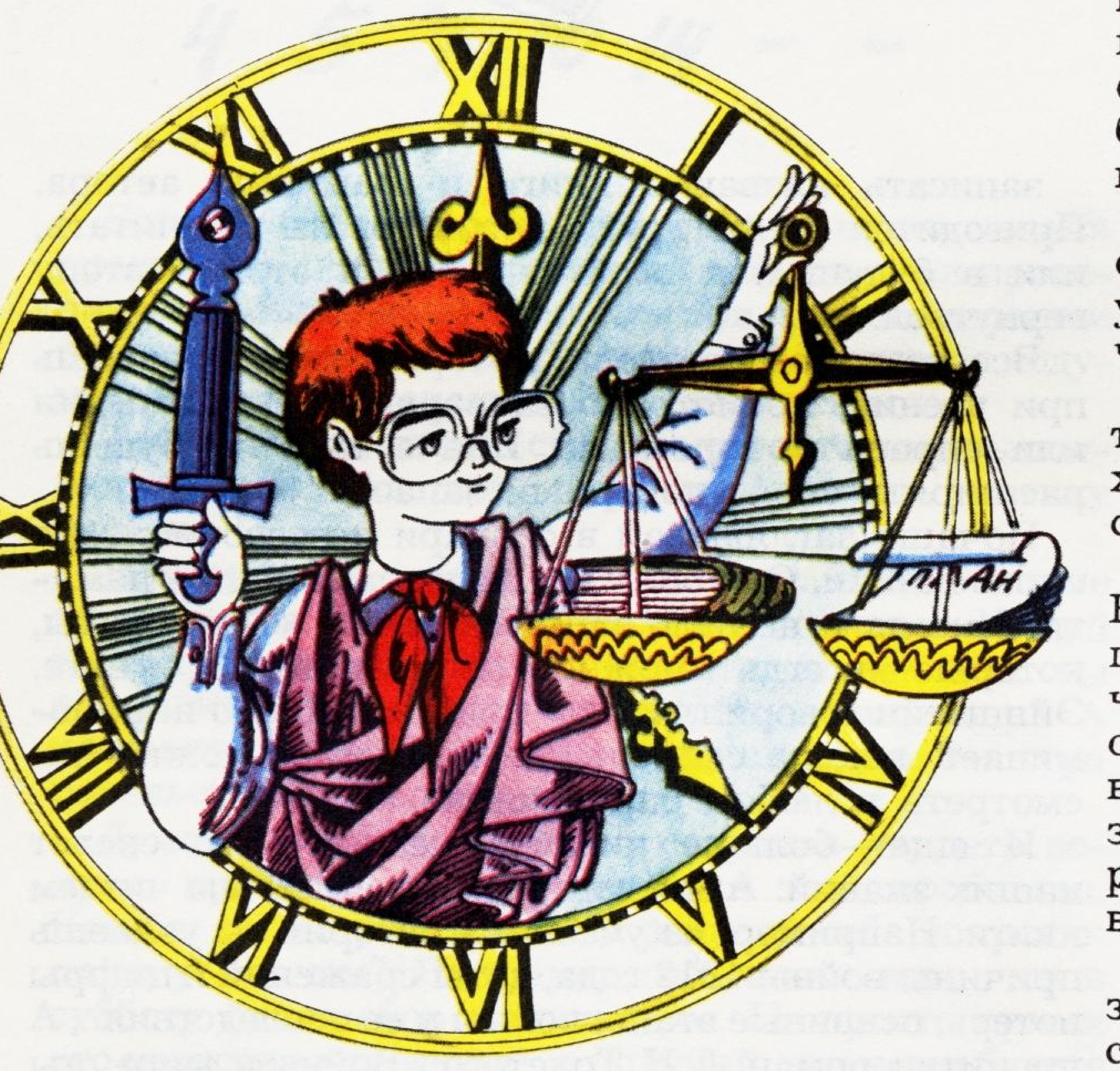
своих возможностей (какой ты есть? На какие свои достоинства ты можешь опереться, чтобы достигнуть поставленной цели?);

противоречия между тем, каким ты хочешь быть и какой ты есть сейчас (осознание этого противоречия и заставит тебя заниматься).

Как только ты это поймешь, можно составлять программу по самовоспитанию. Такие программы составляли многие подростки, из которых выросли потом великие люди: ученый О. Ю. Шмидт, географ и путешественник П. П. Семенов-Тян-Шанский, писатель Л. Н. Толстой, педагог К. Д. Ушинский...

Их программы ты можешь посмотреть в книгах:

Л. Н. Толстой. Полное собрание сочинений. М.–Л. 1934, том 46, стр. 31.



К. Д. Ушинский. Собрание сочинений. М. 1952, том 11, стр. 27.

Писатель В. К. Арсеньев составил заповеди по самовоспитанию для своего сына Воли, об этом ты можешь прочитать в книге Г. Пермякова «Тропой жень-шеня». Хабаровск, 1965, стр. 60.

Программа может быть общая — на долгое время, даже на всю жизнь, как у Шмидта. И подробная — на каждую неделю и каждый день.

Для того, кто решил заняться самовоспитанием, есть несколько советов:

1. Никогда не принимай невыполнимых решений.

2. Раз уж принял решение — выполняй его во что бы то ни стало. Невыполненное решение делает человека слабым.

3. Человека делает сильным каждодневное преодоление трудностей. Сильный, волевой человек — это тот, кто может выполнять кропотливую работу, если она необходима для дела, а не тот, кто может единожды совершить подвиг.

Ты сам должен контролировать, как выполняешь свою программу. Обязательно контролировать. В конце каждого дня. В конце каждой недели. Каждый день делай хоть один маленький шажок вперед, чтобы вечером ты мог сам себя за это похвалить. Максим Горький сказал, что даже маленькая победа человека над самим собой делает его намного сильнее.

Например, ты решил тренировать внимание, потому что ты рассеянный и это мешает тебе хорошо учиться и будет мешать хорошо работать. Поставь перед собой задачу: тренирую внимание каждое утро по дороге в школу и днем, когда иду с занятий домой. Буду внимательным, не пропущу ни одного слова учителя или отвечающего у доски одноклассника, хотя бы 15 минут на каждом уроке. Через неделю усложни задачу: 20 минут, потом 25 ты внимательно слушаешь и работаешь на каждом уроке.

Вечером обязательно проверь, выполнил ли ты свой план за день. Где, когда, сколько минут ты был внимательным. Обязательно в первые же дни добейся успеха. Успех тебя окрылит, заставит поверить в себя, и ты сможешь выполнить все те задачи, которые поставил перед собой.

Иногда даже из способного человека с большими природными склонностями не получается хорошего специалиста. Подавал-подавал надежды в детстве, а вырос пустоцветом. Почему? Потому что был безвольным, ленивым, не смог себя заставить хорошо учиться.

Но мы верим, что ты сможешь развить в себе способности. Потому что хочешь стать человеком умным, образованным, умеющим учиться и получающим удовольствие от своего труда.

Береги время. Чем раньше ты начнешь с пользой тратить каждую минуту, тем интереснее ты будешь жить, тем больше узнаешь и больше сможешь сделать.

Мы не будем тебе советовать жить по режиму. Выполнять тот режим, которому вас учили в младшей школе, на самом деле никому не удается. Да и что такое жить по режиму? Это значит все делать в одно и то же время. Если ты каждый день бегаешь во дворе до темноты, а потом после ужина кое-как за полчаса готовишь уроки, ты тоже живешь по режиму. И гуляешь и занимаешься в одно и то же время. Но пользы от такой жизни — чуть.

Лучше делай вот как: все дела, которые тебе надо завтра выполнить, запиши вечером на листок. А на следующий день сделаешь дело — вычеркивай запись. Сразу будет видно, что ты успел, а что нет.

Можем сказать, в какие часы у человека самая большая работоспособность. Ученые установили, что лучше и быстрее всего мы работаем от 11 до 12 часов, от 16 до 17 и от 20 до 21 часа. Вот и строй свой день так, чтобы готовить домашние задания именно в эти часы.

Взрослый человек ответственность за свои поступки, за свое свободное время несет перед собой сам. И ты взрослеешь. Задумайся о себе. Стань себе судьей и опорой. Не криви душой, искренне и честно ответь: «Какой ты? И каким бы хотел стать?» А потом засучи рукава и действуй. Теперь знаешь, как.

Читатель! Через месяц после того, как ты начнешь развивать свои способности, напиши нам, стал ли ты лучше учиться.

Если за этот месяц ты в школе успехов не добился, расскажи, как ты тренировал способности и какую составил программу по самовоспитанию. Мы постараемся тебе помочь и выслать в письме советы.

Рисунки Л. НАСЫРОВА.

Невыдуманные диалоги

НА УРОКАХ ЛИТЕРАТУРЫ

Учитель прочел отрывок из «Слова о полку Игореве» и спрашивает: — Отрывок из какого произведения я вам прочитал?

Ученик: «Слово о полковнике Игоре»!

Марина Орлова,
г. Псков.

* * *

Учитель: Кто написал книгу «Хижина дяди Тома»?

Ученик: Том Сойер!

С. Демьянцева,
г. Горловка.

НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

Учитель: Придумай предложение с оборотом «самое себя».

Ученица: «Она хотела самое себя сделать лучше, чем самою себю».

Таня Добрусина,
г. Минск.

* * *

Учитель: Составь предложение с прямой речью!

Ученик: «Мама, я пошла гулять»,— сказала дочь отцу.

Г. Шастун,
г. Москва.

НА УРОКАХ ЗООЛОГИИ

Учитель: Где живут дождевые черви?

Ученик: На даче!

Поля Семенова
и Наташа Близнюк,
г. Семипалатинск.

* * *

Учитель: Какие животные водились в древности в Междуречье?

Ученик: В зарослях Междуречья водились тигры и евфраты!

Андрей Аксенов,
Ставропольский край.

НА УРОКЕ ГЕОГРАФИИ

Учитель: Какова плотность населения в дельте Нила?

Ученик: Тысяча квадратных жителей на километр!

Жанна Генералова,
г. Караганда.

НА УРОКЕ ФИЗКУЛЬТУРЫ

Учитель: Скажи, какое исходное положение ты займешь перед началом первого упражнения?

Ученик: Исходное положение — ноги согнуты в локтях!

Лена Шанина,
г. Новокузнецк.

Из школьных сочинений

«Кот нахмурился, но подошел мальчик и замяукал...»

«Он сидел по стойке «смирно».

«Целый день шел кратковременный дождь».

«Он спас из огня девочку, потом — маленького мальчика, потом — остальную мебель».

«Пес улегся животом на спину и сладко уснул».

«На окнах висели тюленевые занавески».

«Увидев меня, собака обрадовалась и стала махать задним хвостом».

За серьезное и несерьезное поведение детей и взрослых на «Переменках» отвечает Вит. АЛЁНИН.

Рисунки Е. ШАБЕЛЬНИКА.

Сергей ***ПУТИНЦЕВ***, *13 лет, г. Москва, средняя школа* ***№ 161.***

КОСМОГРАММА

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

Валерий Иванович Буркин сидел в кресле в Центре управления полетами. Перед ним находился пульт управления радиостанцией и светился экран космотелевизора. Слева стояло второе кресло, над ним висели телефонные трубки и переговорное устройство, а справа были электронные часы и карта с лампочками разных цветов, показывающая движение космических кораблей, спутников, орбитальных станций на сегодня, 1 декабря 199... года.

Был перерыв. Валерий Иванович достал читаемую сейчас всеми газету «За мир». Обстановка становилась все более напряженной. Мир стоял на грани ядерной войны. И людей, борющихся против надвигающейся катастрофы, объединяла эта газета. Буркин стал просматривать ее. От газеты Валерия Ивановича оторвал голос диспетчера:

— Всем приготовиться к приему сообщения от метеорологического спутника 48! Повторяю. Всем приготовиться...

Перерыв закончился. Валерий Иванович отложил газету. Он, как и еще 28 человек, сидящих в таких же небольших, уютных кабинах, стал ждать очередного сообщения от спутника. Разница между ним и его коллегами была лишь в том, что к его радиостанции была подключена новая, еще никем не испытанная система приема сообщений на круговых волнах. Когда сообщение передается на круговых волнах, оно притягивается к ближайшей планете, делает вокруг нее несколько витков и, если не находит включенной системы приема, улетает дальше, к другой планете. Для поисков связи с другими разумными существами это очень выгодно энергетически. Теоретически отправленное таким образом сообщение может облетать планеты вечно, переходя от одной к другой. Когда же оно обнаруживает систему приема, то посылает ей свои пеленги, и связь переходит на обычные миллиметровые волны. Все дело в том, что отправлять сообщения на круговых волнах научились гораздо раньше, чем создали систему приема. И вот теперь эта система должна пройти первое испытание.

Сообщение со спутника было самым обыкновенным, получаемым шесть раз в сутки. В нем говорилось, что спутник такой-то движется по орбите такой-то, что приборы работают нормально. Потом шел прогноз стихийных бедствий: цунами, тайфуны, ураганы и землетрясения не ожидались. Далее следовало сообщение о проведенных в космосе опытах.

Валерий Иванович посмотрел на часы. До начала связи оставалась 1 минута 38 секунд. За минуту до приема Буркин подключил к радиостанции экспериментальную систему, включил автоматическое записывающее и расшифровывающее устройство (АЗРУ). Поднял заслонку, проверил подачу бумаги и стал ждать, посматривая на часы и на маленький синий кружочек спутника, медленно передвигающийся по карте. Оставалось 16 секунд...

Щелкнула, включаясь, АЗРУ, зажужжала запись. Из щели, почти такой же, как в обыкновенном почтовом ящике, вылетел листок. Буркин не спеша взял его. Но, взглянув на первые строчки, замер. Что это? Тут же на красном экране, висящем над АЗРУ, зажглись слова: «КОСМОГРАММА! КОСМОГРАММА! ВНИМАНИЕ ВСЕМ КОСМОПУНКТАМ! ПОЛУЧЕНА КОСМОГРАММА! ПОЛУЧЕНА КОСМОГРАММА!»

Потом побежал текст:

«ПЕРЕВОД НЕ УДАЕТСЯ. ЯЗЫК НЕИЗВЕСТЕН. ЗАПИСЬ КОСМОГРАММЫ ЗАШИФРОВАНА...»

Валерий Иванович не стал читать дальше. Он посмотрел на небольшой листок картона, весь усыпанный мелкими дырочками. Порядок их не был похож ни на какой земной шифр. Из щели выдачи сообщений появился еще один листок. Распахнулась дверь, и в комнату вбежали помощник Буркина Жанинов и космофизик Чугонин.

— Где? — выдохнул Жанинов, подбегая к Валерию Ивановичу. И замолк, увидев картонную карточку. В это трудно было поверить, но из щели выдвинулся уже третий листок. В комнате были теперь молодой космобиолог Володя Птушенко, космонавт Сергей Петрович Янаков и еще несколько человек. Весть о случившемся быстро облетела все здание Центра управления. Люди прибывали и прибывали. Вскоре вся комната была заполнена, а те, кто не вместился, образовали плотную толпу в коридоре. Но вот толпа расступилась, пропуская невысокого полного человека — начальника Центра Семена Яковлевича Офачева, по лицу которого было видно, что он тоже взволнован.

Подойдя к пульту, он взял первый лист космо-

«Кораблик» * Журнал в журнале * Печатает только тебя *

граммы из рук Жанинова. Секунд двадцать, которые показались всем долгими минутами, смотрел он на космограмму. Потом достал из кармана платок, вытер вспотевший лоб и подошел к Буркину. Они радостно посмотрели друг на друга, а потом крепко обнялись. После этого Семен Яковлевич, подняв вверх драгоценный листок, обратился ко всем присутствующим:

— Товарищи! Вот и свершилось! Вы свидетели великой победы! Впервые за всю долгую историю человечества мы приняли космограмму! Значит, действительно во Вселенной есть другие разумные существа. Можно уже сказать, что нам удалось установить контакт с другим миром, хотя потребуются долгие месяцы, а то и годы для того, чтобы расшифровать эту космограмму, подготовить и отправить свой ответ. Но главное, мы узнали, что теперь мы не одни. НЕ ОДНИ ВО ВСЕЛЕННОЙ!

Не знаю, кто догадался запечатлеть эту торжественную минуту, только на следующий же день во всех газетах мира была опубликована фотография — радостно взволнованный Семен Яковлевич высоко поднял руку с космограммой. Все газеты сообщали на первых страницах: «Сенсация! Русские получили космограмму!», «Первое письмо из космоса!», «Мы не одни во Вселенной!»... По радио и интервидению целый день рассказывали, как была получена космограмма, брали интервью у свидетелей этого великого события.

Когда весь мир узнал, что получена весть из космоса, ученых и шифровщиков всех стран созвали на Всемирный конгресс по расшифровке космограммы. Москва ждала более 35 тысяч специалистов. Не будем описывать всю торжественность, царившую в те дни в нашей столице. Аэропорты принимали все новые и новые самолеты. Улицы были запружены машинами и людьми. По телевидению круглосуточно транслировали заседание конгресса. Так как ни одно из имеющихся зданий не могло вместить такое количество людей, то космограмму размножили. Подлинник отправили в Музей советской космонавтики, а копии роздали группам ученых.

Шли дни, но, несмотря на огромное желание и совместные усилия, космограмму расшифровать не удавалось. Ученые разъехались по своим странам и лабораториям, не переставая, однако, биться над разгадкой таинственного шифра. Интерес к случившемуся стал падать. И вот, когда газеты уже совсем было перестали упоминать на своих страницах о космограмме, в Москву пришла телеграмма из Токийского университета. В ней сообщалось, что новый язык программирования, разработанный для гигантской вычислительной машины, позволил расшифровать отдельные фразы космического послания. Вскоре японские специалисты прибыли в Москву, где их сообщение было встречено овацией. Все понимали, что до разгадки шифра оставался всего один шаг. И действительно, вскоре мир узнал почти полное содержание полученной космограммы. Однако ликования по этому поводу не было. Содержание космограммы оказалось совсем неожиданным.

«...было три больших планеты. Три огромных Мира. Все мы были равны по разуму. Мы очень далеко ушли вперед. Вам не понять нас. Но пять столетий назад, когда мы приблизились к познанию бессмертия, произошла величайшая катастрофа. Две планеты бесследно исчезли и остались только в нашей памяти. Мы выжили, хотя стихия уничтожила все созданное нами. Мы были фактически отброшены на много столетий назад, но упорным трудом все восстановили, стали еще более могущественными, но единственными Высшими Разумными Существами. На вашей Земле еще только зарождалась цивилизация, а мы уже имели Машину времени. Правда, пока мы могли заглянуть лишь в будущее других миров, не своего. Поэтому мы знали все о вас и о других, но не знали, что впереди у нас самих. Мы были слишком уверены в себе. Но в эксперименте со временем нам не удалось удержать равновесия, и теперь ясно, что катастрофа неизбежна. У нас не осталось времени. Спастись никому не удастся. Передавать свои знания кому-либо мы не хотим. Мы можем лишь передать эстафету Жизни. По нашим расчетам, самое опасное для вашей цивилизации время наступит спустя двадцать лет после освоения круговых волн. Выйти из кризиса можно, если каждый землянин поймет: сохранить жизнь — это сохранить природу. Сберечь окружающую среду — воздух, воду, землю, леса, поля... Оглянитесь на свою более чем трехтысячелетнюю историю и задумайтесь над двадцатилетним будущим...»

* * *

Люди и раньше осознавали угрозу жизни, но то, что природа их планеты на краю гибели, потрясло их. Все поняли, что подтверждения космограммы лучше не ждать. Из самых авторитетных людей всего мира был организован Комитет контроля по охране окружающей среды. Планета Земля вовремя начала восстанавливать природное равновесие.

Рисунок Н. ДОБРОХОТОВОЙ.

Юрий КОВАЛЬ

СИРОТСКАЯ ЗИМА

РАССКАЗ

Рисунки автора.

Был серый, тусклый, был пасмурный, был вялый день.

С утра шел снег. Он ложился на землю и лежал кое-как, с трудом сдерживаясь, чтобы не растаять.

Еловые ветки были для него слишком живыми и теплыми. На них снег таял, падал на землю мутными хвойными каплями.

Скоро после обеда снег перестал, и я подумал, что пора возвращаться домой. Огляделся — и не узнал леса, окружающего меня. Всегда знал, всегда узнавал, а тут растерялся. Забрел, видно, далеко, в чужие места.

Передо мной была заснеженная поляна, которая подымалась неподалеку пригорком или, вернее, гривкой. Я решил взойти на нее, еще раз оглядеться и, если не узнаю леса, возвращаться к дому по собственным следам.

Перейдя поляну, я поднялся на гривку, огляделся. Нет, никогда я не видел этих елок и вывернутых пней, этой травы с пышными седыми метелками.

«Белоус,— вспомнил я.— Так называется трава... А местечко-то гиблое. Не хочется лезть в чащу, в эти перепутанные елки. Надо возвращаться назад, по своим следам». Я оглянулся назад, на поляну, и обмер.

Прямо через поляну — поперек — был отпечатан мой след, след, по которому я собирался возвращаться. Он пробил снег до земли. А сбоку его пересек другой след, такой же черный и четкий.

Кто-то прошел у меня за спиной, пока я стоял на гривке.

Человека с яблоком в кармане я почуял издалека.

Я надеялся, что его пронесет мимо, но он шел прямо на меня.

Вдруг он круто свернул в сторону, поднялся на гривку и встал.

Этого человека я знаю давно. Сейчас немногие ходят по лесу, все жмутся ближе к деревням. В общем-то ходят трое.

Тот первый, который гоняет зайцев.
Тот, второй, кто лает по-собачьи.
И этот — с яблоком в кармане.

Кто-то прошел у меня за спиной, пока я стоял на гривке...

И елки черные, и серое меж елок — все посветлело у меня в глазах, и все обесцветилось — только след чужой черным и четким остался в глазах.

Как же так? Почему я не слышал? Кто это прошел только что бесшумно за спиной? Я еще не знал, кто это прошел, и уже точно знал, кто это. Знал, а про себя как-то не мог назвать, не решался.

Готовый попятиться, спустился я с гривки и осторожно пошел к месту пересечения следов. Для чего-то и пот полил с меня.

Я посмотрел на следы. На свои, на чужие и на их пересечение.

Чужой след был много больше моего, шире, мощней, и спереди отпечатались кривые когти. Когти эти не были распластаны по снегу, они были подобраны.

В том месте, где следы наши пересеклись, он — прошедший за спиной — остановился. Он постоял, подумал и вдруг поставил свою лапу на отпечаток моей ноги. Он как бы проверил, у кого больше?

...И этот, с яблоком в кармане.

Никогда он не подходил ко мне так близко. Раньше, когда он приближался, я всегда отходил в сторону. Не хочу, чтоб меня видели, неприятно. И на людей нападает ужас.

Человек с яблоком в кармане подошел ко мне слишком близко. Надо было вставать.

Поднявшись, я вышел на поляну и увидел его спину, наверху, на гривке, в шуршащей траве.

И хотя я знал, кто это, все-таки подошел понюхать его след.

От следа пахло тяжело — порохом, табаком, мокрой резиной, коровой и мышами. В деревне у них есть и крысы. А яблоко точно было в кармане.

Не удержавшись, я наступил на оттиск сапога. Я и прежде делал это, да он не замечал — на мху, на траве, на мокрой глине. Уж на мокрой-то глине мог бы и заметить.

Он все не оборачивался, и я ушел с поляны. Из елочек глядел я, что он делает.

Он как бы проверил, у кого больше?

Его след был значительно больше — шире и мощней. И спереди отпечатались кривые когти.

Судорожно озираясь, я ковырялся в патронташе — есть ли пули? Пули были. Две. Круглые. Подкалиберные. Шестнадцатого калибра. А у меня двенадцатый, но оба ствола — чеки. Шестнадцатый подходит как раз. Я перезарядил ружье. Прислушался.

Ни вздоха, ни треска сучка не слышал я, но слышал: он, пересекший след,— рядом.

Я как-то все позабыл. Что-то надо было вспомнить. Что? Ах, вон что — я ведь заблудился, я ведь заблудился и взошел на гривку, чтоб оглядеться. Я ведь решил возвращаться обратно по своим следам.

Расхотелось. Возвращаться обратно по своим следам расхотелось.

Но и подниматься на гривку к шуршащей траве, искать дорогу в незнакомом лесу казалось безнадежным.

Я стоял на месте пересечения следов и пытался сообразить, что делать.

«Все это случайность,— торопливо думал я.— Случайно я его поднял, и он вышел на поляну за моей спиной. Он лег здесь в буреломе, среди выворотней-корней, но крепко еще не заснул. Куда уж тут заснуть! Господи, какая зима! Мокрая, вялая, тепловатая... Сиротская зима... Сиротская... Так говорили, потому что тепло в такую зиму сироте. Не так жутко, не так холодно в старом, дырявом пальто. Но что-то еще есть в этих словах — сиротская зима... Случайно я его стронул, и он вышел на поляну за моей спиной, постоял, примерил лапу к моему следу. Зачем? Может, пошутил? Вон, мол, какая у меня лапа. Жуткая шуточка... Пошутил и пошел своей дорогой. А я мог идти своей, возвращаться домой по старому следу. Не на гривку же снова лезть!»

Немного успокоившись, я перешел поляну и точно по старым своим следам ступил под густые елки.

Здесь было мрачно, и я пошел скорее, чтоб сразу подальше уйти от опасного места.

Я не глядел по сторонам, но видел все. Все кусты, все стволы деревьев, все капли, падающие с веток, и свой черный след.

В темных древних обомшелых стволах чудилась угроза, хотелось поскорее выбраться из-под елок — я ускорил шаг и даже побежал.

Я выбежал в осинник на светлое место. Перевел дыхание и тут же его затаил.

Теперь уже не справа, как в первый раз, а слева пересекали мой след когтистые оттиски. И, как в первый раз на поляне, он наступил на отпечаток моего сапога, как бы проверяя, у кого же все-таки больше.

Из елочек глядел я, что он делает.

Он обернулся и сразу заметил мой след. Я думал, не заметит. Раньше не замечал — и вдруг заметил. Да ведь и снег помог.

Человек с яблоком в кармане долго стоял у моего следа и все удивлялся, что моя лапа больше. Я видел, как он то подымал ногу, то опускал и ставил ее на мой след. Он даже не понимал, какую ногу примеривать — правую или левую?

Щелкнув ружьем, он вдруг пошел прямо на меня. Еще бы два шага, и я поднялся бы навстречу, но он вдруг свернул в сторону и побежал.

Человек с яблоком в кармане бежал, цепляясь за ветки. Иногда он останавливался, хотел спрятаться, затаивался. Спрятаться от меня невозможно. Даже если б он стоял, прижавшись к елке спиной, стоял, чуть дыша, мне хватило бы яблока у него в кармане.

В осиннике я снова наткнулся на его старый след. Много он напетлял по лесу. Чего искал?

Тот, кто гоняет зайцев, в такую глушь не забирается. Зайцы больше на опушках.

А тот, другой, кто лает по-собачьи, по лесу ходит смело. Иногда только охватывает его ужас. Когда он чувствует, что я — рядом.

— Дамка! — кричит он.— Дамка! Ко мне!

И лает по-собачьи.

Нарочно, чтоб я подумал, что он не один в лесу. Боится, что я на него нападу. А ведь и вправду как-то неловко нападать на того, кто лает по-собачьи.

«У кого же все-таки больше? Господи, ясно у кого... Но на человека они нападают очень редко. В крайнем случае. Только скотинники или инвалиды. Но, может, это и есть крайний случай? Ведь я его

Я не глядел по сторонам,
но видел все...

стронул, разбудил... Кажется, я и раньше видел эти следы на мокрой глине».

Я стоял у второго пересечения следов и думал, что же ждет меня впереди...

Дважды пересек он мой след и теперь бродил рядом, забегал вперед, подстерегал. Рядом он, близко, я это чувствовал. А запах? Какой странный запах! От влажных елок — будто от собачьей шерсти. И еще что-то... Да ведь не осина же... Вроде валенки... Черт, что еще за валенки?..

Чужим и равнодушным стал окружающий лес. Всегда терпеливый ко мне, он вдруг отдалился, распался на отдельные деревья, охолодел. Мертво стоял вокруг меня.

Старый мой след, хотя бы и дважды пересеченный, был теплее. За него можно было держаться.

«Нельзя стоять,— почему-то подумал я.— На месте стоять нельзя. Надо двигаться».

Я пошел вперед, придерживаясь старого следа. Вот-вот ожидал я увидеть багровую башку, а сбоку и сзади вздрагивали красные и серые ветки, двигались деревья, дрожали кусты. Рыжий зеленоватый снег шуршал под сапогами, я пошел быстрее, быстрее — и побежал.

Скоро я оказался у лесного оврага, заросшего дудником и бересклетом. Старый след вел вниз, на дно.

«Гнилой овраг,— думал я.— Гиблый. Уж если ему нападать — здесь. Придется спускаться. Выбора нет — надо держаться старого следа. Если нападет спереди — это бы еще и ничего...»

Хватаясь за ветки и мелкие деревца, не таясь, с треском опустился я на дно оврага.

Ветка бересклета хлестнула в глаз. Стало так больно и горько, что хлынули слезы. На какой-то миг я полуослеп, а когда проморгался, оттер глаза — сразу увидел на склоне оврага черные борозды, разодравшие и снег, и землю под снегом.

На дне оврага борозды превратились в огромные следы, в третий раз пересекающие мой путь. На этот раз он не мерил, у кого больше. Это было вроде бы уже ясно.

А ведь и вправду как-то неловко нападать на того, кто лает по-собачьи.

Но этот не лаял. Только всегда яблоко носил в кармане.

Можно или нельзя?

Можно нападать на того, у кого яблоко в кармане? Наверное, можно.

Я стоял на краю оврага, прислушивался. С треском, ломая ветки, он скатился в овраг и сразу затих. Спрятался.

И вдруг спереди, из глухариных болот, потянуло яблоком. Что такое?

Этот в овраге не шевелился, а из болот тянуло яблоком. Неужели их двое? Два человека с яблоком в кармане? Один спереди? Другой сзади?

Нет, он один с яблоком в кармане. Он напетлял по лесу, и мне кажется, их двое. А может, он взял с собой того, кто лает по-собачьи? И просто второе яблоко положил в чужой карман?

Нет, это совсем разные люди, они не могут сговориться. А вдруг сговорились? Однажды они сидели вместе на берегу реки и варили уху.

На этот раз он не мерил, у кого больше. Это было ясно.

Господи, какая зима! Вялая, серая, тепловатая! Зимние дни поздней осени, когда так длинна ночь, когда мало дано человеку небесного света, я живу плохо. Хвораю, тоскую, места себе не нахожу.

Особенно тяжело бывает в городах — стеклянных и электрических.

А в деревне-то ночи еще длинней, еще бесконечней.

Конечно, и ему плохо сегодня, и ему тяжелы глухие дни, беспросветные, беззвездные ночи. Но я-то тут при чем? Не я управляю светом небесным, не я гоню в лес ночь и мокрый снег.

А свету сегодня осталось совсем немного — полтора-два часа, а там стремительные сумерки и сразу — ночь. Надо выбираться из оврага и бегом домой.

Я глядел на черные борозды, разодравшие снег на склонах оврага. Он, видно, спешил забежать вперед, перехватить меня, кое-как ставил лапу, вспарывал снег, выворачивал землю и опавшие листья.

Я смотрел на его следы и вдруг неожиданно

пересчитал их: шесть на склоне, шесть на дне, шесть на другом склоне.

Шесть, шесть и шесть!

Шесть на склоне, шесть на дне, шесть на другом склоне!

Боже мой! Как же я раньше не заметил! Шесть, шесть и шесть! А надо восемь, восемь и восемь!

Сухолапый!

Однажды они сидели вместе на берегу реки и варили уху.

Тот, что лает по-собачьи, размахивал руками и кричал. Он показывал рукой на то место, где его подобрали. А этот, с яблоком в кармане, не двигался. Потом он достал из сумки много яблок.

Я отошел от них, не люблю того места.

Сейчас-то уж яблок нигде не найти.

Сухолапый!

Речка Муньга — утлый ручеек летом, разливается веснами широко и бурно. Сверху, из дальних мест, еловых боров, сплавляют по ней строевой лес.

Хорошему плоту по Муньге и весной не пройти, и бревна, не связанные в плоты, тупо плывут по течению, тычутся рылом в крутые берега, застревают на перекатах, громоздятся на отмелях. Молевой сплав.

Мужики из окрестных деревень, когда начинается сплав, занимаются этим отхожим делом — «ловят хлыста», прихватывают бревно-другое, кто — на баньку, кто — избу подрубить.

Туголуков подрядился срубить баньку и целую неделю «ловил хлыста».

Как-то утром с багром и топором он отплыл на лодке и только вышел на плес, увидел, что по реке плывет ком земли.

«Торф, что ли? — подумал Туголуков.— Торф плавучий?»

Он подплыл поближе, вглядываясь в тумане в черную и багровую глыбу на воде. На плеск весла глыба разворотилась, и Туголуков увидел, что это не торф, а горболобая голова с прищуренными глазками.

То ли слишком сильно махнул Туголуков веслом, то ли течение Муньги хитро извернулось, но только голова и лодка сблизились.

И Туголукову показалось, что голова плавучая лезет по воде прямо на него.

— Ты куда, холера! — крикнул Туголуков и ткнул голову багром. Оттолкнуться, что ли, хотел?

Дальше все произошло просто.

Багор отлетел в сторону. И летел, как копье, и еще не успел вонзиться в воду, а страшная торфяная голова оказалась у борта лодки. Пятипалая лапа легла на борт.

Туголуков ударил по ней топором и вылетел из лодки, и лодка встала на дыбы.

Течение Муньги дотащило Туголукова до отмели, на которой громоздились бревна. Разбитую лодку нашли далеко внизу.

Туголуков долго болел, у него были сломаны рука и два ребра, а в окрестных лесах явился Сухолапый.

Сейчас уж яблок нигде не найти.

В заброшенных деревнях есть несколько одичавших яблонь, да они морозом побиты, черные стоят и летом, кривые. Редкая ветка зазеленеет, сбросит на землю два-три яблока.

Есть хорошие дички на овсяном поле. Когда поспевает овес, люди с ружьями делают на тех дичках тайники, прячутся в ветках. Мелкие яблоки дички, а сладкие.

А те яблони, что за заборами в деревнях, до тех мне не добраться.

Интересно, когда же он съест свое яблоко? Где бросит огрызок?

Я помню, один раз он даже и не съел его, так и протаскал весь день по лесу и домой унес. Неужели забыл про яблоко? Я в тот день близко к нему не подходил.

Теперь-то я понял, что он в лесу один.

Старый запах мешал мне. Старый запах был спереди, а он-то был сзади. Он сам шел навстречу себе, раньше прошедшему. А мне показалось, что их двое — два человека с яблоком в кармане.

Я вернулся немного назад и увидел, как он стоит на дне оврага.

Он стоял неподвижно и рассматривал мои следы.

«Гнилой овраг,— думал я.— Гиблый. Уж если ему нападать — здесь».

Если б поднял голову — увидел бы меня и, конечно, сразу бы выстрелил.

Я видел, что он готов стрелять сразу, и на всякий случай убрал голову. Скоро стемнеет.

Я решил пройти по его старому следу и тут услышал его голос. Раньше никогда не слыхал.

Тот, кто лает по-собачьи, частенько кричит. Тот, что гоняет зайцев, кричит и трубит собаке, а этот не говорит ни слова. А тут заговорил.

Яблоко по-прежнему лежало у него в кармане.

...явился Сухолапый.

Конечно, это он. В одном прыжке — три следа, а нужно четыре. Два прыжка — шесть, а надо восемь.

— Восемь надо,— сказал вдруг я.— Не три надо, а четыре, не восемнадцать, а двадцать четыре.

Дым нехотя поднимался к небу,
но неба не достиг,
здесь оставался, в еловых верхушках

Меня поразила эта неожиданная арифметика, и некоторое время я как-то тупо и вслух повторял эти числа: три, четыре, шесть, восемь...

Быстро темнело, неумолимо быстро, стремительно.

Собравшись с духом, я вылез из гиблого оврага и сразу же положил костер.

Я не выбирал сушняка, валил в кучу все: мокрые сучья, гнилушки, все, что попадало под руку. Только нижние бесхвойные ветки елок положил под гнилье. Они-то, вечно сухие, выручили. Помогла и береста. Я драл ее с березок, и тяжелый дегтярный дым охватывал мокрые сучки и коряги, вспыхивала живая хвоя, наваленная в костер. Дым нехотя поднимался к небу, но неба не достигал, здесь оставался, в еловых верхушках.

Сухолапый... Правая передняя у него перебита. Усохла.

Сколько же лет прошло с тех пор? Четыре года. Четыре года с сухою лапой. Сохатого не взять... Ягоды да овес.

То, что Сухолапый скотинничает, заметили давно. Корову взять куда легче, чем сохатого. Но где корова-то? Где ее найдешь? А в стаде два пастуха да четыре быка. Редкую заблудшую дуру-коровенку Сухолапый брал сразу.

Исчезали шавки и шарики, но и волков развелось много. Десять лет не видали волчьего следа, и вдруг волк объявился. И много сразу — не одиночные, стаей.

Шавки и шарики — волчья, видимо, совесть, а вот Николай Могилев — неизвестно чья.

Мертвого, с разодранным горлом, с перебитым хребтом нашли его грибники. Натоптали вокруг грибники, всюду понамяли траву, наследили, а там и дожди начались, и неизвестно было, на чьей совести Николай Могилев, только метрах в трехстах заметили и след Сухолапого.

То, что это зверь, а не человек, решили все и разом. Я-то не видел, ничего сказать не могу, но думал — рысь.

Родственники Николая Могилева накинулись на Туголукова.

С тех пор как, вынесенный с переломанными ребрами на берег, Туголуков рассказал, как ударил топором по корявой лапе, всякая заблудшая коровенка шла ему в зачет. Встал за его спиной и Николай Могилев.

Били бедолагу Туголукова, деньги с него брали за коров, и он давал. Говорили про него, что он хотел эдак запросто добыть в воде гору мяса и накинулся с топором. Туголуков оправдывался, дескать, он думал, что это торф плавучий, и только оттолкнулся багром. Молчать бы ему, дураку, про торф, про багор, про башку плавучую. Никогда, ни в коем случае никому нельзя рассказывать про то, как плавает по воде торфяная башка.

Совсем плохо стало Туголукову после Николая Могилева. Тогда он затеял ходить в лес, искать Сухолапого. Он громко кричал на всю деревню, зачем идет в лес, кого хочет встретить, с кем посчитаться. Но, говорят, он лаял по-собачьи. Кто-то проследил и послушал, как лает Туголуков. Такая уж была ерунда и ерундой бы осталась, бог с ними, с коровенками, но был и Николай Могилев с разодранным горлом.

Яблоко по-прежнему лежало у него в кармане.

Зачем он говорит? Сгрыз бы яблоко. Не люблю, когда люди в лесу говорят. Говорить они должны в деревне, а в лесу — кричать. Они всегда в лесу кричат или шепчутся.

Он говорил недолго и скоро замолчал, и я вдруг вспомнил тот крик. Тогда кричал случайный человек, на которого прыгнула Сосновая Собака. Тогда был такой крик, что все разбежались, а кое-кто пошел на крик. И я пошел. Близко я подходил, но знал, что произошло. Сосновая Собака прыгнула на случайного. Она оказалась тогда у нас, она приходит редко, а тогда оказалась.

Она лежала над тропой на сосновой ветке и поджидала кого-нибудь. Все знали, что она там лежит, и никто не пошел по тропе. Она лежала несколько дней и думала, что все позабыли, что она ждет. Но все помнили.

Тогда и появился случайный, и Собака не выдержала. Прыгнула.

На меня-то не прыгнет, но я все равно никогда не пойду туда, где лежит Сосновая Собака.

Сосновая Собака прыгнула на случайного и потом сразу ушла. Он долго лежал в лесу, и туда никто не подходил. На всякий случай и я ушел на Цыпину гору, а когда вернулся — его уже не было.

Но был и Николай Могилев с разодранным горлом.

Говорили, говорили, что ходит Сухолапый за людьми, что за следом одиночным не раз видели и след Сухолапого. Ходит за спиной и вперед забегает. А зачем?

Ладно, хватит мне бегать. Теперь уж я не сдвинусь с места. Буду ждать у костра.

Сухолапый шел за мной и вперед забегал. Он ненавидел меня. Не только Туголукова, а всех вообще, любого человека. И меня. Он вперед забегал и ждал темноты.

Прижавшись к елке спиной, я глядел на костер. Он горел мелко, жалобно. Синие и желтенькие язычки лизали мокрые сучья, и несуразный дым стелился над маленьким огнем.

«Яблоко! — вспомнил я.— Что же я его таскаю целый день?»

Я достал из кармана яблоко. Это была крепкая скуластая антоновка, с зеленцой.

Никогда в жизни я не был особенным любителем яблок. Я знаю людей, которые только и думают, как бы яблочка куснуть, а я к ним спокоен. По случаю купил полмешка и день за днем — яблоко по яблоку — выбирал свои полмешка. Говорят, если каждый день съедать по яблоку, будешь потом когда-нибудь очень здоров.

Я куснул яблоко и услышал невдалеке: скрллллл...— так скрипит надломленное дерево: скрллл...

Скрип заглох, и я задумался — куснуть ли еще разок, и снова: скрлллллл...

— Бог мой, неужели скрллл?..

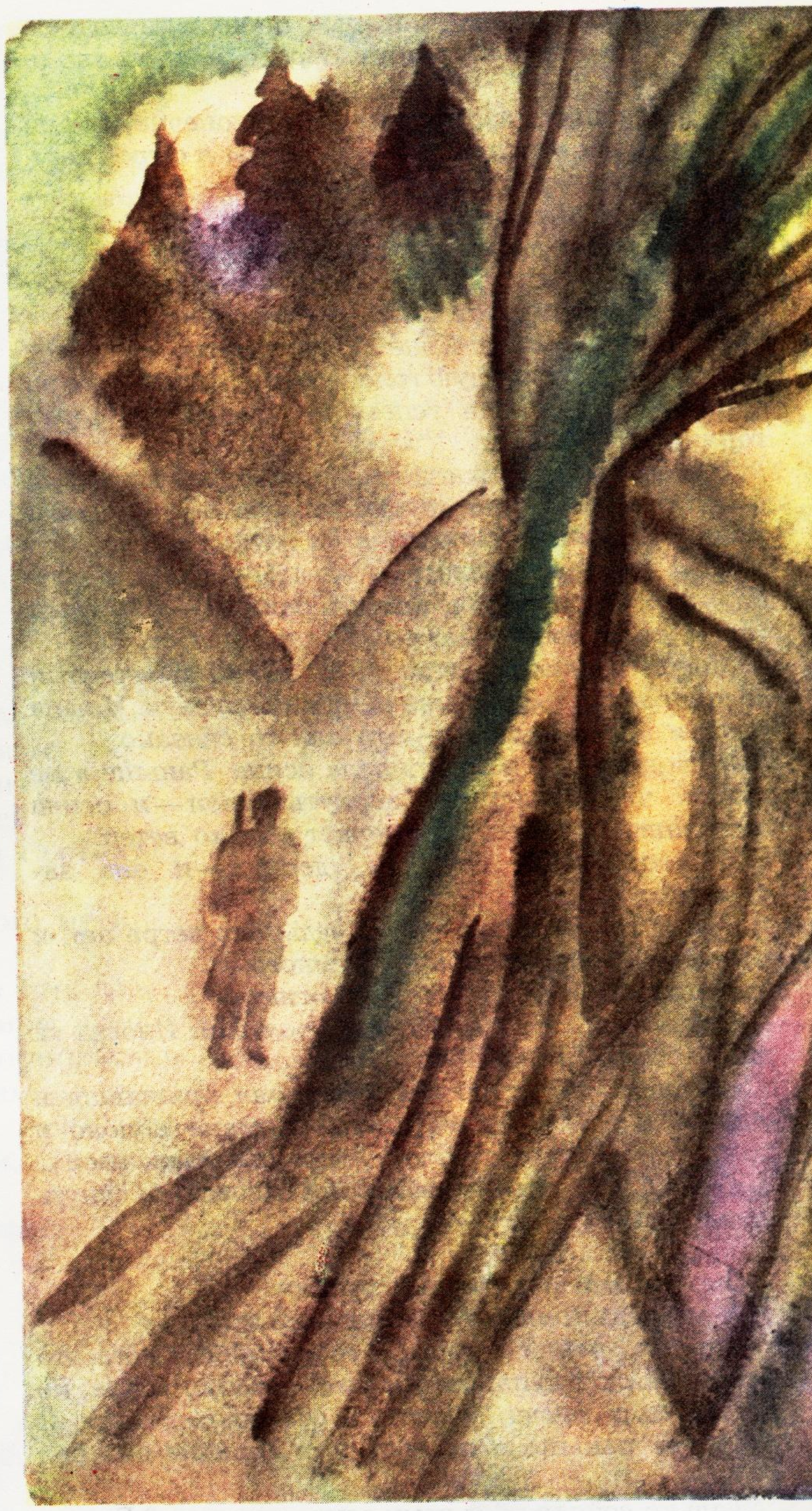
Скирлы, скирлы? На липовой ноге?
Скрипи, моя нога,
Скрипи, липовая.
И вода-то спит,
И земля-то спит,
И по селам спят,
По деревням спят...
— Сходи, старик, сходи по дрова.
И пошел старик по дрова.
А навстречу — медведь.
— Давай, старик, бороться.

Стал медведь старика ломать, а старик взял да и отрубил ему топором лапу.

Напугался медведь, что старик его всего порубит, и убежал в лес.

А старик принес медвежью лапу домой.

— Сварим, старуха, суп.



Я тут же оборотился к нему спиной
и пошел к скрипящей осине.
Было всего несколько шагов.
Раз, два, три, четыре...

Содрали они с лапы кожу и сварили суп.
А медведь надумался и сделал себе липовую ногу.
Пошел в деревню.
Скрипи, моя нога, скрипи, липовая...
Напугались старик и старуха и спрятались под черные рубахи.
Спрятались под черные рубахи.

...а когда вернулся — его уже не было.

На дне оврага снова послышался треск, и я увидел, как человек с яблоком в кармане сквозь кусты продирается ко мне. Я отошел, а он вдруг начал ломать ветки, резать ножом березу. Потом появился дым.

Ветра не было, и дым передавался по каплям,

мельчайшим каплям, которые пронизали воздух. Не люблю мокрый воздух. Вроде и дышишь и пьешь.

Снова заныла лапа, не от дыма, конечно, а сама по себе, и все это вместе: мокрый снег и сырой дым, боль в лапе — раздразнило меня.

Не ожидал я этого дыма. Человек с яблоком в кармане редко раскладывал костер — и то на опушке или у реки, а в глубине-то леса кому нужен огонь? Наверно, этот огонь против меня.

А я не боюсь огня. Конечно, неприятно, если тебе в морду сунут горящую головешку. Но попробуй-ка сунь. Это еще надо успеть сунуть мне в морду горящую головешку.

В несколько прыжков приблизился я к костру да зацепился случайно за скрипящую осину. Давно уже упала она и держалась на ветках сосны. Под ветром они раскачивались вдвоем — сосна и осина — мертвая и живая, терлись боками,— и нудный такой, тоскливый звук раздавался в лесу.

Мне этот звук приятен. Я бы давно вывернул и сосну и осину, если б мне не нравился звук. И лапа ноет, и осина скрипит — это как-то связано.

Я зацепился — и заскрипела осина. Раньше я не думал, что можно так дернуть ствол — и осина заскрипит. Я думал, это может только ветер.

Я попробовал еще раз, дернул — и она заскрипела.

Зря я так скрипел — ясно ведь, что ветра нет, и все-таки я еще поскрипел немного.

Потом осторожно пошел к огню.

Огонь был слабый, а дым огромный. Иногда за дымом даже не мелькало пламени.

Человек с яблоком в кармане стоял, прижавшись спиной к елке. Он достал из кармана яблоко и жевал его. Ружье стояло у елки стволами вверх.

Сейчас ни ружья схватить, ни головешки сунуть он не успеет.

Спрятались под черные рубахи.

А медведь нашел их, взял да и съел.

Скрллл... осина скрипит. Это не липовая нога, это осина, гнилая дуплистая осина, которая упала, но не достигла земли, зависла в сосновых ветках. Я видел ее раньше и слыхал, как скрипит она под ветром.

Только сейчас-то к чему осине скрипеть? Ветра-то нет. Неужто Сухолапый?

Скирлы, скирлы на липовой ноге, и главное — черные рубахи, под которыми надо прятаться. Да ведь не спрячешься от ужаса под черную рубаху.

Костер разгорался туго, но жар его охватил мое лицо, пар пошел от мокрой телогрейки.

Я отставил в сторону ружье и стал доедать яблоко. Из головы никак не выходила осина, скрипящая без ветра. Что-то еще в этой осине было, кроме скрипа, а что, я не мог понять или вспомнить.

Боже мой, да ведь я давно знаю эту осину. Где же я заблудился? От осины с полкилометра до опаленных бугров, а там рядом и кишемская тропа.

Я даже засмеялся. Заблудился. Где я заблудился? Осина-то вот она. Пошел обратно по своим следам! Это, конечно, зима такая — тупая голова.

Если б я не поворотил с гривки назад — и не увидел бы следов Сухолапого.

Постой, как же так? Как Сухолапый догадался, что я блуждаю? Как он знал, что я пойду обратно по своему следу? Нет, он не знал, он никак не знал, что я поверну назад. А может, он вовсе и не преследовал меня, а, напротив, от меня убегал?

Я его стронул, поднял, и он пошел туда, откуда я пришел. Там было тише, спокойней.

Шагов через двести он снова случайно попал на мой старый след, и в этот момент я уже шел обратно. Не шел — бежал!

Он услышал, как хрустят сучья у меня под ногами, и сам побежал от меня. Неужели он побежал от меня?

В овраг он скатился на полном ходу — иначе не было бы таких глубоких борозд. Зачем ему спешить? С тремя лапами овраги надо пересекать осторожно. Убегал!

Хорошо, что я положил костер, теперь-то Сухолапый понял, что я успокоился. Сейчас он, наверно, спокойно возвращается на гривку, туда, поближе к берлоге.

Костер? А зачем мне костер? Мне он теперь не нужен.

Я быстро разбросал дымящиеся ветки, затоптал, завалил снегом головешки.

Закинув за плечо ружье, отошел от костра.

Сейчас уж ни ружья схватить, ни головешки сунуть он не успеет.

Он стоял по-прежнему у елки и протягивал к костру то одну руку, то другую. Вдруг он засмеялся и замахал руками. Схватил горящую ветку и отбросил в сторону, потом другую схватил ветку, сунул в снег. Пар и дым смешались, запахло мокрой гарью. Ногами разбрасывал он костер.

Схватив ружье, он отошел от костра. Он шел быстро, спокойно и уверенно и шел прямо на меня. Я бы мог отойти в сторону, успел бы, но я не отошел.

Я встал на задние лапы, выпрямился.

Он увидел меня и должен был сейчас стрелять.

А яблоко-то свое он все-таки успел сгрызть. Глупо это — таскать целый день яблоко в кармане и ни разу не откусить.

Закинув за плечо ружье, я отошел от костра.

Я шел прямо к скрипящей осине, но не дошел до нее, как увидел Сухолапого. Кажется, я заметил его первым.

Нет, не багровой в сумерках была его голова. Мне она показалась темно-зеленой, а глаза неожиданно светлые. Желтенькие, что ли?

Сухолапый вздрогнул и поднялся на дыбы.

Я тут же оборотился к нему спиной и пошел к скрипящей осине. Было всего несколько шагов. Раз, два, три, четыре... я дошагал до осины. Я не знал, остановиться мне или нет.

Я остановился. Тронул осину рукой. Нет, не скрипит. Привалился к ней плечом, и слабо, слабо скрипнула где-то наверху ее макушка.

От осины я пошел дальше к опаленным буграм. Я не оглядывался. Сумерки все тянулись, когда я оказался на кишемской тропе, и только когда вышел из леса, в поле настигла меня ночь.

Я уже перешел поле, когда услыхал далекий и лесной осиновый скрип.

Глупо это — таскать целый день яблоко в кармане и ни разу не откусить.

Нодар ДУМБАДЗЕ

ЧУДО-ПОЕЗД

ОТРЫВОК ИЗ ПОЭМЫ

В этот парк
Зимой и летом
Очереди
За билетом,
По железным рельсам тут
Чудо-поезда бегут.
По дороге этой
Детской
Ходит поезд
Пионерский.
Тот, кто хочет
Прокатиться,
Пусть скорей
В вагон садится.
А дежурный
Очень строг,
Отправляет
Поезд в срок.
В красной шапке,
В черной форме
Гордо ходит
По платформе.
«Эй! — кричит он,
— Все в порядке?
Путь проверили,
Ребятки?
Ваш билет?
И ваш билет?
А у вас
Билета нет?
Выходите
Из вагона.
Касса слева
От перрона!»
Паровоз
Пыхтит,
Ревет,
Поезд
Тронется вот-вот.
Объявляют:
«Торопитесь!
Поскорей
В вагон садитесь!
Поезд
С первого пути
Скоро
Должен отойти!»
Пассажиры
Мчат вприпрыжку,
А за ними
Куклы,
Книжки,
Сумки
И портфели
Едва в вагон успели.
Кричат
С перрона
Мамы:
«Пришлите телеграммы!
Когда вас ждать назад?»
А папы
Говорят:
«Смотрите
Не деритесь,
В пути
Не простудитесь
И не купайтесь в море
По три часа подряд!»
Цветы,
Улыбки,
Гуденье паровоза.
И вот уж
Паровоз
По парку
Нас повез.
Мечтаем мы,
Что вскоре
Откроется нам море,
И будем мы
Купаться
И на волнах
Кататься,
Но...
Разве?
Неужели?
Мы только в поезд сели,
А нам уж говорят:
«Поехали назад!»

Перевел с грузинского
Владимир РАВИЧ.

Рисунок А. и О. ДУГИНЫХ.

Борис ТЕБИЕВ

Управляющий казенной палатой

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭТЮД

Рисунки А. МЕЛИК-САРКИСЯНА.

Начальник III отделения собственной его императорского величества канцелярии граф Шувалов торжествовал. Наконец-то статский советник Салтыков, известный в литературных кругах как писатель-сатирик Щедрин, у него в руках. Пусть попробует теперь отвертеться. Совсем стыд потерял!

Всякий раз, когда графу приходилось слышать или произносить имя Салтыкова-Щедрина, маленькие медвежьи глазки графа начинали злорадно поблескивать. Граф был злопамятным человеком и усердным службистом. Личность писателя интересовала его уже давно. Обличительный тон сочинений Салтыкова-Щедрина, его неодобрительное отношение к постановлениям верховной власти настораживали шефа жандармов.

Ровно год назад, в бытность Салтыкова управляющим казенной палатой в Пензе, от верного человека, жандармского полковника Глобы, Шувалову было доставлено секретное донесение. В нем отмечались неблагопристойные речи Салтыкова по поводу высочайшего повеления произвести в потомственное дворянство мещанина Комиссарова, отвротившего от государя императора преступную руку террориста Каракозова. Да и вообще Глоба характеризовал Салтыкова как человека «весьма неблагонадежного образа мыслей и вредного в политическом отношении нравственного направления», стремящегося при каждом удобном случае затронуть дворянское самолюбие, привить окружающим мысли, «ослаблявшие верноподданические чувства».

Ознакомившись с донесением своего агента, Шувалов поставил на бумаге резолюцию: «Иметь эту личность в виду». Фактически это означало установить за Салтыковым-Щедриным негласный полицейский надзор, следить за каждым его шагом. Правда, тогда Салтыков, рассуждал граф, слишком легко отделался. Его лишь незначительно понизили в должности, перевели из Пензы в Тулу — из палаты второго разряда в палату третьего разряда. Да за такое поведение, за такие крамольные речи следовало бы в каземат или, того пуще, в Сибирь, на каторгу упрятать! Пусть скажет спасибо своему покровителю, министру финансов Рейтерну. Говорят, они с Салтыковым чуть ли ни приятели, знают

друг друга еще по лицею. А то бы ему несдобровать. В три шеи надо гнать таких господ-писак с государственных постов.

Но, видно, не переменился этот Салтыков, нет. Вновь взялся за старое. На сей раз в Туле. Надо же было позволить себе такую наглость: явившись в первый день на службу в казенную палату, приказал швейцару убрать из присутственного места «Зерцало» с указами самого Петра Великого, призванное напоминать всем и каждому об ответственности пред священными законами Российской империи. Так невесть до чего докатиться можно. Дай Салтыкову волю, он, пожалуй, и высочайший портрет государя императора Александра Николаевича прикажет вынести вон. Крамольник! Бунтовщик!

А эти его выпады против уважаемого всеми человека, тульского губернатора Шидловского?! Пасквиль на него пресквернейший сочинил и без зазрения совести рассказывает его в дворянском клубе. Будто бы у губернатора была фаршированная голова, а предводитель дворянства, впавший в гастрономическую тоску, съел ее. И пришлось тогда сооружать губернатору новую голову, с каким-то там музыкальным инструментом, органом вроде, вместо мозгов, способным произносить всего лишь одну-две фразы. Мистика, несуразица, но не без злого умысла сочинена. А кто дал Салтыкову право выгонять из казенной палаты чиновников канцелярии губернатора, повышать голос в разговорах с самим Шидловским, совать нос в дела полиции? Правдоискатель! Кого защищает? Крестьян, кустарей, чиновников, мелких торговцев, а именитых граждан обижает. Везде ему казнокрады мерещатся, служебные злоупотребления.

Нет, всем этим безобразиям пора положить конец!..

Через несколько дней управляющий Тульской казенной палатой статский советник Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин предстал перед не на шутку рассерженным графом Шуваловым.

— Извольте, милостивый государь, объяснить свое поведение! Оно недостойно звания чиновника Российской империи, звания российского дворянина.— Графу стоило немалых усилий сдержать себя. Ему хотелось кричать, топать ногами, бить кулаком по столу.— Вы вносите смуту в чиновничью среду, проповедуете неуважение к верховной власти. Ваше вольнодумство, ваш нигилизм переходят всякие границы. Ваши литературные пасквили на господина Шидловского омерзительны. Как вы смеете, кто дал вам право так вести себя?..

В порыве гнева Шувалов не предложил Салтыкову-Щедрину кресло. Михаил Евграфович слушал тираду шефа жандармов, стоя против большого, покрытого дорогим зеленым сукном письменного стола, за которым восседал граф, и с большим вниманием разглядывал тонкой ювелирной работы золоченый письменный прибор, украшенный двуглавым орлом Российской империи. Как вести себя с главным жандармом страны, он решил загодя, еще в дороге: все отрицать, вины своей не признавать ни в чем, попытаться убедить графа, что донесения его агентов и жалобы Шидловского не имеют под собой реальной почвы.

— Ваше сиятельство,— голос Салтыкова-Щедрина звучал ровно, лицо, обрамленное густой, окладистой «крестьянской» бородой, сохраняло невозмутимое выражение,— я ни в чем не чувствую своей вины. Очевидно, кому-то понадобилось оклеветать меня в ваших глазах и в глазах государя императора. На свете столько недобрых людей, просто диву даешься. Я же искренне радею о благе Отечества нашего, подлецов на чистую воду вывожу. Как же не нажить при этом врагов, сами посудите?..

— Ваньку валять изволите, господин Салтыков? Невинной жертвой ложных наветов себя представить? Зря стараетесь. Ваш образ мыслей мне хорошо известен, крамолой от него попахивает. Герцена, Чернышевского-каторжника почитаете за кумиров. О каком радении, о каком благе Отечества речи заводите?

— Об истинном радении, ваше сиятельство. А Герцена и Чернышевского почитаю как литераторов. Что же в этом противозаконного?..

Разговор с Салтыковым становился утомительным. Спорить с этим человеком все равно, что воду в ступе толочь, думал граф. Умен и осторожен весьма, а посему — особенно опасен. Шувалов решил твердо: просить царя об отстранении сочинителя от государственной службы.

Возможно, так оно и случилось бы. Осуществить намерения Шувалова помешало новое поручительство за Салтыкова-Щедрина его непосредственного начальника министра финансов Рейтерна. Своего лицейского приятеля Рейтерн характеризовал как человека весьма полезного, знающего финансовое дело в совершенстве, сумевшего всего за несколько месяцев службы в Туле навести в казенной палате образцовый порядок.

— Как же можно, ваше величество,— говорил царю Рейтерн,— отстранять Салтыкова от службы? Почти миллион рублей доставил он в государственную казну. Все недоимки с купеческого сословия, которые за многие годы набрались, взыскать сумел.

Внушительная цифра произвела на Александра II впечатление. Статский советник Салтыков был оставлен на государственной службе.

...Под колесами дилижанса сочно хлюпала грязь. Ночью прошел дождь, полетнему теплый, обильный, и земля, не так давно освободившаяся от снега, вновь пропиталась живительной влагой. За тусклым оконцем мелькали верстовые столбы, проплывали убогие деревеньки с крытыми прогнившей пепельно-серого цвета соломой крышами, поля, украшенные то здесь, то там зелеными коврами озими, леса и перелески, готовые вот-вот надеть зеленый наряд.

Весна всегда была для Салтыкова-Щедрина временем душевного подъема, вселяла уверенность, дарила радость жизни, радость творчества. Эта весна, весна 1867 года, пока несла ему одни лишь огорчения.

Из Петербурга в Тулу, к месту службы, Михаил Евграфович возвращался в подавленном настроении. Хотя его разговор с графом Шуваловым и остался без последствий, он вместе с тем не сулил и ничего утешительного. Честолюбивый и злопамятный, граф не упустит возможности свести с ним счеты.

Впрочем, будь что будет! Разве мог он, Салтыков-

Щедрин, стать другим и действовать иначе? Разве может он хоть на йоту поступиться своими жизненными принципами и идеалами в угоду служебному благополучию, мирной и спокойной жизни вблизи тупоумного бюрократа Шидловского, невежды и ретрограда, не сказавшего за всю свою жизнь ни одного либерального слова?

Нет, пусть уж лучше его четвертуют, а бренное тело отдадут на съедение собакам, но покуда бьется сердце и дышит грудь, покуда держит перо рука, он будет вести борьбу с этими шидловскими, александровскими и прочими провинциальными помпадурами, да и с их высокопоставленными покровителями вроде придворного держиморды Шувалова. Как горько и как обидно, что именно такие люди вершат судьбы его родины, многострадальной России!

Дорога пошла в гору.

— Скоро ли Тула? — громко спросил возницу, приоткрыв дверь дилижанса, кто-то из пассажиров.

— Да вот она самая и есть, Тула-то,— прохрипел в ответ простуженным голосом возница,здоровенный мужик в поношенном армяке и драной шапке-ушанке.— Щас вон только на горку подымемся и вниз, там и Тула...

Салтыков посмотрел в окно. Да, кажется, уже подъезжаем, подумал он. Вот и неуклюжие тумбы Московской заставы показались и покосившиеся домишки рабочей окраины, за которыми виднеются золоченые купола городских церквей и колоколен, дымящиеся трубы императорского оружейного завода. Вот оно, рабочее, казюцкое [1] Заречье во всей своей неприглядной растеряевской красе. Вот шагают по улице, меся грязь, «обглоданные» беспросветной нуждой мастеровые, прачки, ребятишки в рваных зипунах. Как, однако, верно все подметил Глеб Иванович Успенский, как мастерски передал дух этого города. Его повесть «Нравы Растеряевой улицы», пожалуй, лучшее, что было напечатано в журнале «Современник» за последнее время.

Михаил Евграфович вдруг отчетливо осознал, что за недолгие месяцы службы в Туле он по-настоящему сроднился с этим городом, полюбил его простодушных жителей — отменных, известных на всю Россию, да куда там, на всю Европу, мастеров, почувствовал, что не зря надел чиновничий мундир. Пусть друзья и теперь обвиняют его в «службизме», как обвиняли восемь-девять лет назад, во время его вице-губернаторства в Рязани. Ведь кто-то должен служить, нельзя отдавать провинцию на откуп и грабеж этим мерзавцам-губернаторам...

Утром следующего дня, как обычно, ровно к десяти часам, управляющий Салтыков явился в казенную палату, в свой просторный кабинет. Заслушал доклады столоначальников. Сделал необходимые распоряжения. Углубился в работу. Все потекло по-старому, будто и не было вовсе неприятного вызова в столицу, разговора с графом Шуваловым.

Статский советник Салтыков со свойственными ему настойчивостью и прямотой продолжал борьбу с мошенниками и казнокрадами, отстаивал законные права беднейшего населения губернии.

...В один из майских дней шум в прихожей казенной палаты заставил Михаила Евграфовича оторваться от бумаг. Он встал из-за стола и вышел из кабинета. Картина, которую он увидел, на миг озадачила управляющего. В прихожей толпились бедно одетые крестьяне. По запыленной одежде было нетрудно догадаться, что пришли они издалека. Усатый швейцар, старик могучего телосложения, еле сдерживал их натиск, грозился вызвать полицию и всех упрятать в каталажку.

— А нам, мил человек, теперича все равно, что в каталажку, что в омут головой. Детишки с голоду пухнут, сами еле ноги волочим. Так что не стращай ты нас. Одна надежда на Михаила Евграфовича, господина Салтыкова...

— В чем дело, судари мои? — подал голос Салтыков-Щедрин и добавил, обращаясь к швейцару:— Пропусти, братец, их, видно, дело у них серьезное, коль всем миром в страдную пору в город нагрянули.

— Сурьезное, сурьезное дело,— заголосили крестьяне, догадавшись, что вышедший из дверей кабинета человек и есть главный здесь начальник и, как свидетельствует народная молва, наипервейший во всей губернии за народ заступник.

— Ну, рассказывайте, кто такие, из каких краев, с чем пожаловали?..— Михаил Евграфович провел ходоков к себе, усадил в кабинете.

От такого обхождения крестьяне с непривычки онемели.

— Не робейте,— подбодрил их Салтыков-Щедрин,— рассказывайте как на духу.

— Из Богородицкого уезда мы, сельца Бельково жители,— начал самый бойкий из гостей.— Землепашцы, временнообязанные, то бишь крестьяне...

— Совсем замордовал уездный казначей, спасу никакого нет,— подхватил мужичок с жидкой седенькой бородкой; которого ходоки, видимо, почитали за старшего.— Три шкуры с нас дерет. Под помещиком жили — так и то такого озорства не видывали, а нонче последнюю скотинку со дворов уводят за недоимки. Хлебушка не только на пропитание, но и на посев не оставили. Куда от такой жизни деваться?

— Ты, Петрович, господину управляющему бумагу, бумагу покажи,— раздалос сразу несколько голосов.— Казначей говорит, что все по закону, по справедливости. Только от такой справедливости мы уж давно спину через пузо чешем, а скоро вообще ноги протянем...

Бумага оказалась квитанцией, выписанной Богородицким уездным казначейством на имя старосты села Бельково Алексея Кириллова. Зоркий глаз управляющего мгновенно отметил: казначей беззастенчиво обсчитал бельковских крестьян-плательщиков.

— Дело для меня ясное,— сказал Михаил Евграфович, еще раз внимательно перечитав бумагу.— Ступайте себе, мужички, до села, а документик этот прелюбопытнейший оставите мне. Даю слово помочь вашей беде...

Казначей в уезде — лицо с большими полномочиями. Попадись на это место шельма — в два счета неграмотных крестьян одурачит да еще законом прикроется. А закон-то царский, что дышло: куда

[1] Казюками в Туле называли рабочих казенного оружейного завода.

повернул, туда и вышло. Так-то вот народная мудрость о нем гласит.

Всякий раз, сталкиваясь с подлостью и обманом, Салтыков-Щедрин загорался, словно обида касалась не кого-то, а лично его самого. Глубокое и искреннее чувство сопереживания чужой боли пришло к нему еще в годы детства и юности. Он не раз был свидетелем того, с какой жестокостью и цинизмом расправлялись с крестьянами помещики-крепостники. Печально знаменитая помещица Салтычиха была, увы, дальней родственницей его отца. Вот почему, вступив на литературное поприще, он стал подписывать свои сочинения другой фамилией — Щедрин, как бы отмежевываясь от тех, других Салтыковых, от всех крепостников, людей, искренне ему ненавистных, борьбе с которыми он посвятил свою жизнь и свое творчество. Состоя на государственной службе исключительно из чувства долга перед народом, он старался в меру сил своих и возможностей отдавать всем униженным и оскорбленным д о л г всего дворянского сословия, строившего веками свое благополучие на костях и крови трудового народа.

Как и всегда в подобных случаях, по жалобе крестьян села Бельково управляющий казенной палатой Салтыков начинает тщательное расследование. Застигнутый врасплох казначей пытается уйти от ответственности, свалить вину на писца, который, переписывая квитанцию, якобы допустил ошибку, значительно увеличив сумму податей. Но все доводы и оправдания ворюги-казначея шиты белыми нитками. Наказание, вынесенное Салтыковым виновному, многим кажется слишком суровым: казначею предложено уйти в отставку. Но управляющий казенной палатой тверд в своем решении. В поступке чиновника из Богородицка он узрел то, чего не замечали или не хотели замечать другие,— стремление наживаться за счет наглого обмана и без того уже обманутого и разоренного реформой 1861 года крестьянства. Такое, по убеждению Салтыкова-Щедрина, следовало пресекать в корне.

А через несколько дней управляющий казенной палатой вершил суд над купцом Корнеевым из уездного городка Одоева, уличенным акцизным надзором в махинациях с табаком. Как ни юлил, как ни изворачивался этот, выражаясь языком щедринской сатиры, «новый хозяин жизни», Салтыков был непреклонен. Купцу пришлось уплатить в государственную казну значительную сумму, штраф за незаконную торговлю.

И так было с каждым, кто переступал грань закона, кого точил червь наживы.

Зато люди бедные и честные всегда могли рассчитывать на горячее участие и поддержку сурового и неприступного на вид управляющего казенной палатой. С благодарностью отзывались о Салтыкове крестьяне, кустари, мелкие торговцы, освобожденные им от необоснованных поборов бюрократов-чиновников и богатеев.

Встречая Михаила Евграфовича на тульских улицах, они останавливались, снимали шапки, кланялись в пояс, выражая тем самым свою признательность «доброму и справедливому барину».

Салтыков-Щедрин хмурил брови и басом гудел:

— Ну полно, полно вам... Что я, Иисус Христос или святая икона? По справедливости жизнь надо строить, по справедливости...

По вечерам, когда над Тулой сгущались прозрачные сумерки, в уютном двухэтажном доме на набережной неторопливой Упы близ Николо-Зарецкой церкви происходили удивительные превращения. Управляющий казенной палатой статский советник Салтыков становился литератором Щедриным.

В настольных канделябрах ярко горели свечи, озаряя теплым красноватым пламенем поверхность письменного стола. Быстро бежало по шероховатой бумаге, поскрипывало перо. В эти магические часы под сводами дома витали картины и образы будущих произведений. Временами сатирик мысленно разговаривал со своими героями, смеялся над их тупоумием и зазнайством, чванливым самодовольством. Он смотрел на них то глазами писателя, то глазами читателя, то глазами врачевателя и судьи...

Планы, составленные на нынешний вечер, переменились неожиданным образом. Возвращаясь домой со службы, Михаил Евграфович встретил на улице интереснейшего человека. Человек этот так отменно балагурил, так сочно ругался с краснолицым скупердяем-лавочником, пытавшимся всучить покупателям залежалый товар, что вызывал невольное восхищение. Тульские мастеровые — народ смышленый и на язык острый. За словом в карман тут не лезут. Отчещут и отбреют всякого, кто попадется под горячую руку. Этот же мужичок, видать, такими фольклорными россыпями владеет, что позавидовать можно. Желая познакомиться с уличным балагуром, Михаил Евграфович запросто, невзирая на разницу в общественном положении, пригласил этого человека в гости на вечерний чай и теперь с нетерпением ждал его прихода.

В кабинет тихо вошла горничная.

— Михаил Евграфович, там в прихожей вас мастеровой какой-то спрашивает. Говорит, что на чай зван. Пустить прикажете?..

— Зовите, зовите его, Дашенька, скорее,— оживился Михаил Евграфович.— Он-то мне и нужен!

Михаил Евграфович пригладил по привычке бороду и вышел навстречу гостю в просторную залу, служившую столовой. На большом столе уже стоял, пыхтя, пузатый томпаковый самовар — местный уроженец, гордость русского быта. Сытно пахло свежими калачами и тульскими пряниками.

В комнату, немного смущаясь, вошел невысокий, коренастый мужчина лет тридцати, в синей косоворотке и яловых сапогах.

— Проходи, не робей,— подбодрил гостя Михаил Евграфович.— Сюда вот за стол усаживайся, да поудобнее. Ну вот, молодчина. А теперь давай знакомиться. Меня ты, наверное, знаешь. В казенной палате служу. Михаилом Евграфовичем Салтыковым зовусь. А тебя как звать-величать?

— Иван я, Семена Самопальникова сын,— негромко, с достоинством произнес гость.

— Самопальников, говоришь? Славная у тебя фамилия. Видать, самых чистых тульских кровей, потомственный оружейник?

— Так оно и есть. И отец мой, и дед, и прадед — все по оружейному делу. Да и я, помню, как родился, так за молот ухватился...

Слово за слово завязался разговор. Михаил Евграфович умел расположить к себе всякого, кто был ему интересен, к кому питал симпатии. Иван Самопальников рассказал своему новому знакомо-

му о своей жизни, а Михаил Евграфович признался, что он не только чиновник и не столько чиновник, сколько писатель, что сильно интересуется народной жизнью, что жизнь эту желал бы видеть лучше, чем она есть.

— Это хорошо, что вы писатель. Ремесло стоящее. Книги я уважаю,— признался Иван.— Учиться, правда, особо не пришлось. Нужда семейство заела. Да и то, слава богу, две зимы в школу бегал. Читать и писать выучился. К книжкам пристрастие имею. Раньше все оракулы да сонники читал да про Бову Королевича. Теперь другие книжки люблю, которые про нашу народную жизнь рассказывают.

— Сам-то, поди, тоже много интересного знаешь? Шутки, прибаутки всякие. Охочь я их слушать. Словесность-то нашу ведь народ творит, а писатели записывают по большей части только.

— Да, народец у нас юморной, можно сказать. С веселым словцом и жить веселей и работа любая спорится. Побасенок да прибауток немало по Оружейной слободе гуляет...

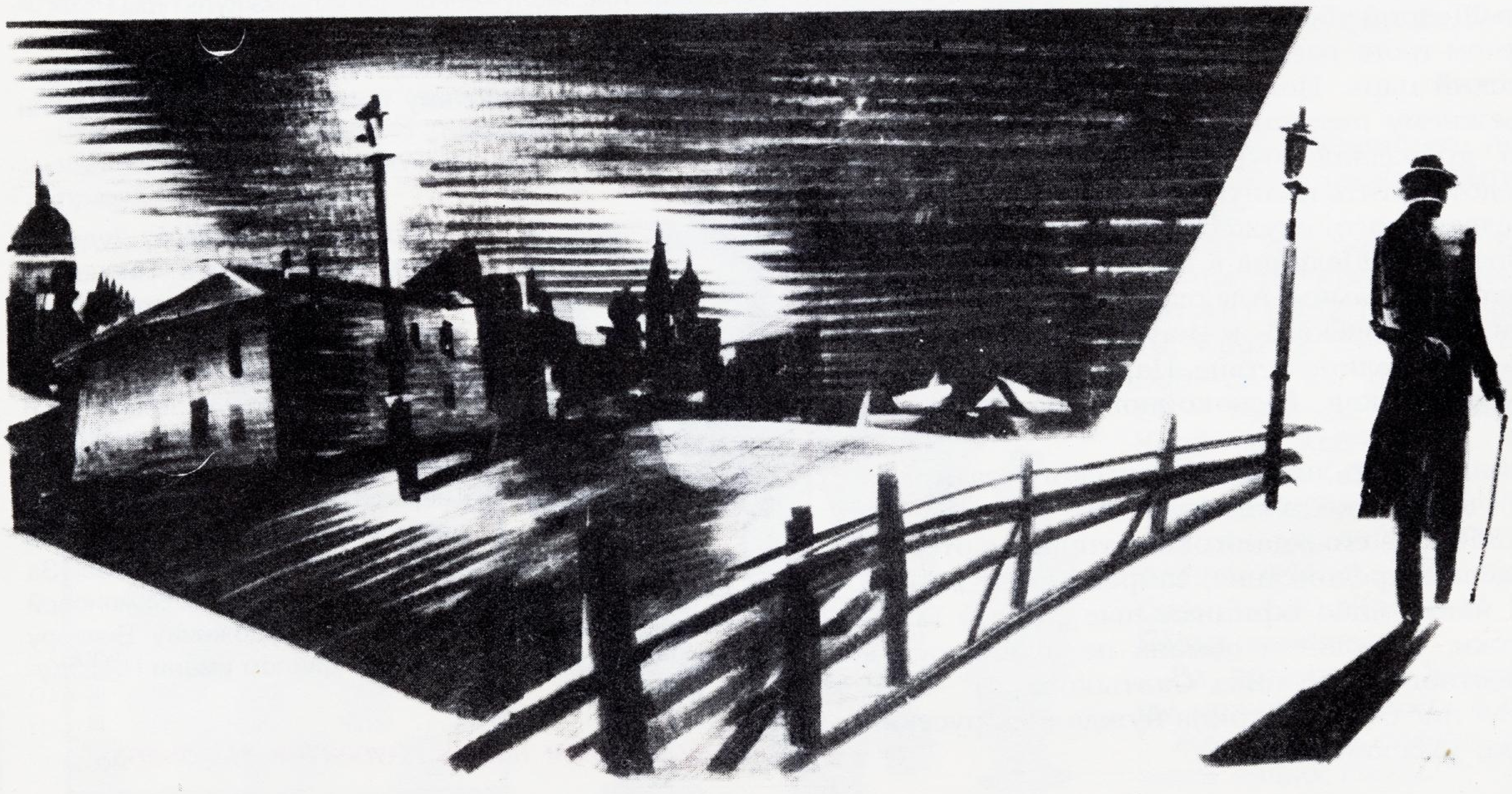
Чаепитие затянулось за полночь. А гость все рассказывал и рассказывал Щедрину разные истории, которые с местным народом случались. Сыпались они из уст Ивана Самопальникова как из рога изобилия. И трудно было понять, где тут правда, а где вымысел. Перемыв кости зареченским и чулковским, слободским и рогожинским, жителям прочих тульских пригородов, рассказчик принялся за уездных.

— Нет мужиков по всей губернии Тульской бестолковее крапивенцев. Прослышали они как-то, что с Соловы-реки едет к ним воевода. Нарядились миряне в праздничные кафтаны и сели по лавкам, ждут. А чтобы знать, когда встречать воеводу, послали десятского на колокольню воеводу караулить и наказ ему дали такой: как будет подъезжать воевода, звони во все колокола. Сидит десятский на колокольне, вдаль всматривается. Вдруг завидел: пыль клубится — да, недолго думая, ударил в колокола. Услыхали миряне звон и вышли на дорогу с хлебом-солью. Глядят, а никакого воеводы и в помине нет. Только рак по дороге ползет и пыль поднимает. Ему-то и ударили крапивенцы челом.

— Ха, ха, ха,— заливисто смеялся Михаил Евграфович.— Вот да крапивенцы, вот да чудаки. Рака с колокольным звоном встречали, а воеводы и не видали!

— А про ефремовских мужиков,— неторопливо продолжал рассказчик,— такую байку сказывают. Пошли как-то раз мужики из Ефремовского уезда с обозами в Москву. Всю съестную провизию в лычные плетеные кошели положили. Проголодались в дороге да все запасы и съели. А до Москвы еще топать и топать. Вскоре опять есть захотели. Под ложечкой сосет. Что делать? Никак нельзя мужикам без каши. Крупу кое-как нашли. Но в чем варить, вот загвоздка. Где горшок взять? Собрались мужики в кружок и стали думать-гадать. Тут одна умная голова и говорит: «Будем, ребята, варить кашу в кошеле, не пропадать же с голоду». Налили мужики в кошель воды, бросили туда крупу. Посмотрели: крупа цела, а воды нет. Снова воды налили. И снова ее нет. Раз десять повторили, пока из сил не выбились. Тут и вторая умная голова нашлась. «А що, ребята,— говорит,— неволить себя! Будем варить кашу без воды». И этого послушались. Разложили костер, развели огонь, повесили над ним кошель, а сами спать легли. Соснули по-русски. Проснулись, про кашу вспомнили. Пришли к костру, а там ни кошеля нет, ни каши: все дотла сгорело. Вот какие они, ефремовцы...

Распрощавшись с гостем, как с давним и добрым знакомцем, Михаил Евграфович поспешил записать все самое интересное из его рассказов. Местный фольклор пришелся как нельзя кстати. В сознании писателя уже зрел замысел новой книги, книги о городе Глупове, получившей впоследствии название «История одного города». В эту книгу великий сатирик хотел собрать всю горечь и боль родной земли. Он задался целью в остросатирической, сказочной манере показать и забитость, бесправие, покорность народа, и ничтожество его правителей. Книга должна была заставить читате-



ля всей душой восстать против глуповства, против царящих в стране порядков. Описывая приключения, которые происходили с глуповцами и их предками-головотяпами, сатирик упомянет в своей книге и о том, как встречали они с колокольным звоном рака, и о том, как варили в кошеле кашу и как сажали на цепь блоху.

Сказка, фантастика переплетались в книге с реальной российской действительностью. Глуповских градоначальников Щедрин наделял чертами конкретных исторических лиц. В число именитых и почетных граждан Глупова великолепно вписывался и тульский губернатор Шидловский. Он продолжал травлю Салтыкова-Щедрина, атакуя Петербург доносами о неправомочных действиях и «недостойном» поведении управляющего казенной палатой.

Конфликт между губернатором и управляющим обострялся с каждым днем. На стороне Шидловского была сила полицейско-бюрократического государства. На стороне Салтыкова-Щедрина — правда. И сила, как это уже не раз бывало на Руси, брала верх над правдой. Реальное, живое глуповство каждодневно давало о себе знать. Оно умело постоять за себя. Оно привыкло чинить суд и расправу над неугодными и всяким, кто посягал на его, глуповские, устои. Управляющий казенной палатой статский советник Салтыков и писатель-сатирик Щедрин были именно такими людьми. Их опасность для глуповства была велика и очевидна.

18 сентября 1867 года на имя управляющего Тульской казенной палатой Салтыкова пришла телеграмма из Петербурга. В ней содержалось «тактичное» предложение оставить Тулу и выбрать для дальнейшего продолжения службы другой губернский город и другую казенную палату.

Уезжать из Тулы Михаилу Евграфовичу не хотелось. Более того, это означало бы добровольную сдачу позиций, победу глуповства. Салтыков-Щедрин шлет в столицу ответную депешу с просьбой не принимать решения о переводе в другую губернию до прибытия его в Петербург и тотчас же отправляется в дорогу.

Но глуповство не знало географических границ. Салтыков-Щедрин убеждается в этом. В Петербурге на золоченом троне восседал самый главный глуповец — русский царь. Поддержка министра Рейтерна, по-прежнему питавшего к своему лицейскому приятелю дружеские чувства, смогла лишь на время предотвратить полную отставку, но была не в силах предотвратить служебное перемещение. Перевод Салтыкова-Щедрина в другую губернию был санкционирован самим Александром II.

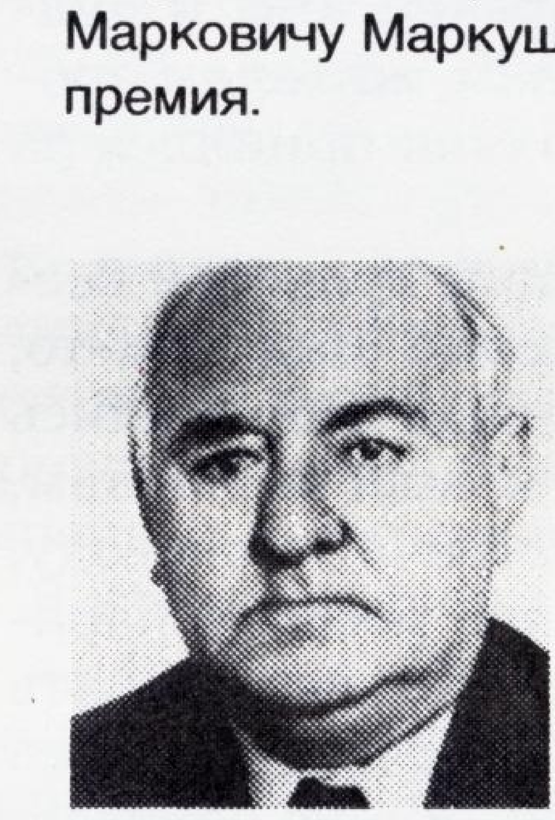
Жалобы Шидловского и наушничество графа Шувалова возымели действие. Царь повелел: «Салтыкова убрать, как беспокойного человека, из Тулы».

Дальнейший путь великого русского сатирика проходил через уже знакомую ему Рязань, где 14 июня 1868 года его ждали окончательная отставка и негласное предписание, запрещавшее впредь занимать какие-либо официальные посты. Государство лжи, насилия и обмана не нуждалось в услугах честного чиновника Салтыкова.

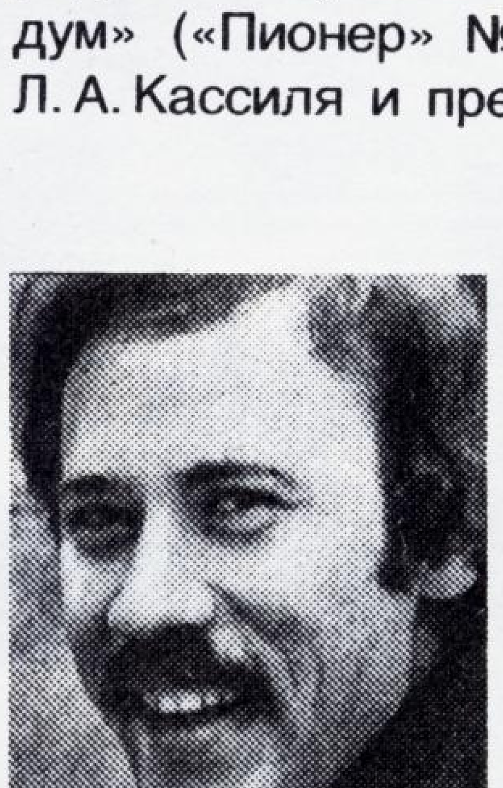
В услугах писателя Щедрина нуждались русская литература, русский народ.

Лауреаты «Пионера» за 1984 год

Что больше всего любит в жизни Анатолий Маркуша? Небо? Самолеты? Книги? Небо он любил с детства, оно манило не только синевой, оно было местом, где летали самолеты. И самолеты он любил с детства. Его мечта сбылась, он стал летчиком. Боевым летчиком. На его счету немало вылетов с военных аэродромов и в солнечный день, и в ненастную погоду. Об этом говорят его боевые награды. И книги он любил тоже с детских лет. Вначале читать. Потом писать. Сегодня на писательской полке Маркуши сто изданий его книг. О чем они? Конечно, о небе, о самолетах, о боевых друзьях-товарищах, о самом главном в жизни: о том, что надо быть честным, добрым, верным долгу. За роман «Большие неприятности» («Пионер» №№ 1—4) писателю Анатолию Марковичу Маркуше присуждены диплом А. П. Гайдара и премия.



В Малом Черкасском переулке стоит обычный и все же необычный дом № 1, который известен во всем мире. На этом доме — скромная вывеска со словами: «Издательство «Детская литература». В этот дом вот уже более сорока четырех лет каждый день приходит человек, через руки которого прошли тысячи рукописей. Он был знаком с Аркадием Гайдаром. Он встречался с Самуилом Маршаком. Вместе с Александром Твардовским готовил для ребят поэму «Василий Теркин», а с Александром Фадеевым — «Молодую гвардию». Нет такого детского писателя в нашей стране, который бы не знал старейшего редактора детского издательства, заслуженного работника культуры РСФСР Бориса Исааковича Камира. Более полувека он состоит в рядах Коммунистической партии. За статью «Властитель дум» («Пионер» № 2) ему присуждены диплом имени Л. А. Кассиля и премия.



Художника Виктора Дудкина всегда рады видеть в «Пионере». Вот уже десять лет приходит он к нам и каждый раз приносит с собой оригинальные рисунки к повестям и рассказам, к стихам и поэмам. Его жизнь связана с пионерией. Он работал в Доме пионеров в Баку, в пионерских лагерях и всюду рисовал, потому что не может представить своей жизни без рисунков. За оформление документальной повести Л. С. Симоновой «Стрела» («Пионер» №№ 10—12) художнику Виктору Петровичу Дудкину присуждены диплом имени Н. Н. Жукова и премия.

Поздравляем новых лауреатов «Пионера»!

Пионерская шахматная школа

Вот какую позицию прислал нам **Андрей Миронов** из поселка Белоярский Тюменской области.

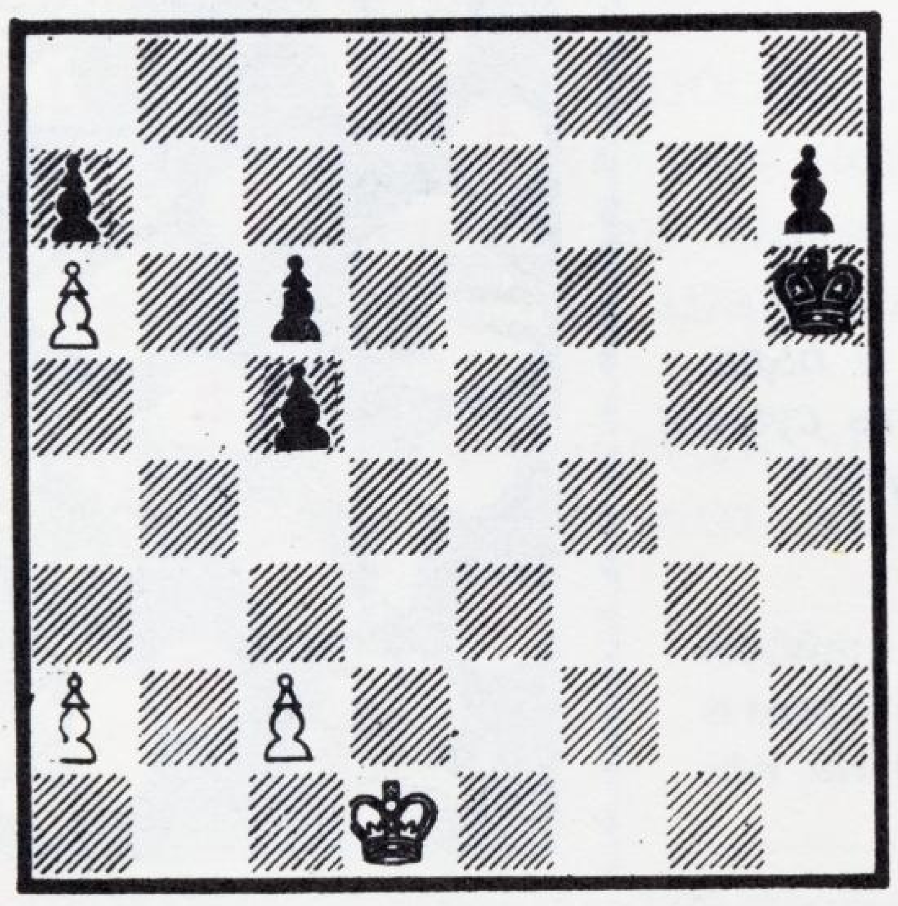
(Диаграмма № 1)

Положение белых кажется критическим, но они ловко избегают опасности и спасаются, организуя пат. Вот как развиваются события: 1. c2—c4! Kph6—g5 2. Kpd1—c2 h7—h5 3. Kpc2—b3 h5—h4 4. Kpb3—a4 h4—h3 5. Kpa4—a5 h3—h2 6. a2—a4 h2—h1Ф. Пат. Ничья.

Не меняет дела и продолжение 2... Kpf5 с переводом короля на d4. Белые все равно устремляются королем на a5 и затем ходом a2—a4 захлопывают крышку своего убежища.

В этой позиции использована старая тема игры на пат, который нередко выручает шахматиста, попавшего в беду. В задания нашей школы мы включаем два примера такой игры.

Диаграмма № 1



(Диаграмма № 2)

Ход черных. У белых лишняя пешка, как вести защиту черным, чтобы добиться ничейного результата. Составьте план их действий, покажите, как он может быть осуществлен. Правильное решение принесет вам 3 очка.

А 5 очков в нашем конкурсе получат те из вас, кто правильно разберется в следующем интересном окончании, имеющем немало различных вариантов. При своем ходе белые добиваются ничьей. Каким образом?

(Диаграмма № 3)

Судейская коллегия школы готовит подведение итогов по заочному соревнованию. Не задерживайте ответы. У вас есть месяц для того, чтобы найти верные пути к цели и отправить нам письма с разборчиво написанными решениями и вашим точным адресом.

И, наконец, утешительное задание для тех из вас, кто споткнулся на каком-либо из примеров, приведенных в пионерской школе.

(Диаграмма № 4)

К этому положению пришла партия между **Сережей Шипуновым** и **Данилой Гутовым.** Партия была сыграна в пионерском чемпионате Новосибирска.

Мы приведем ходы, сделанные соперниками. Ваша задача составить к ним примечания, определить, правильно ли играли ребята, прокомментировать партию:

Итак: 13... Kg4:h2 14. Kpg1:h2 h5—h4 15. Kph2—g2 h4:g3 16. Ле1—h1 g3:f2 17. Kc2—e3 f7—f5 18. Kpg2:f2 f5—f4 19. Ke3—d5 Cd6—c5+ 20. d2—d4 Cc5:d4+ 21. Kpf2—g2 f4—f3+ 22. Kpg2—g3 Kc6—e5 23. Kd5—e3 Ke5—d3 24. Kc3:e4 Фd7—c7+ 25. Kpg3:f3 Фc7—f4+ 26. Kpf3—e2 Kd3:c1+ 27. Фd1:c1 Лh8:h1 28. Фc1:h1 Фf4:e3+ 29. Kpe2—d1 Cd4:b2+ 30. Kpd1—c2 Cb2:a1. Белые сдались.

За правильные комментарии вы можете получить 4 очка.

Желаем вам, ребята, успеха и ждем ваших писем.

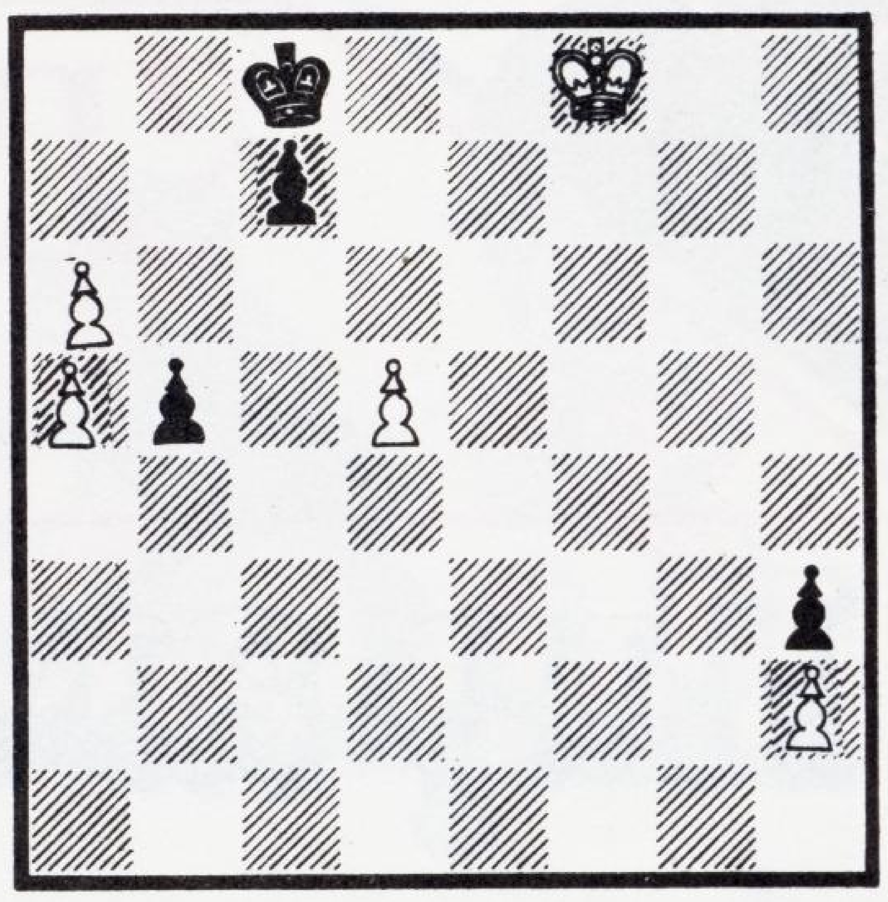


Диаграмма № 2

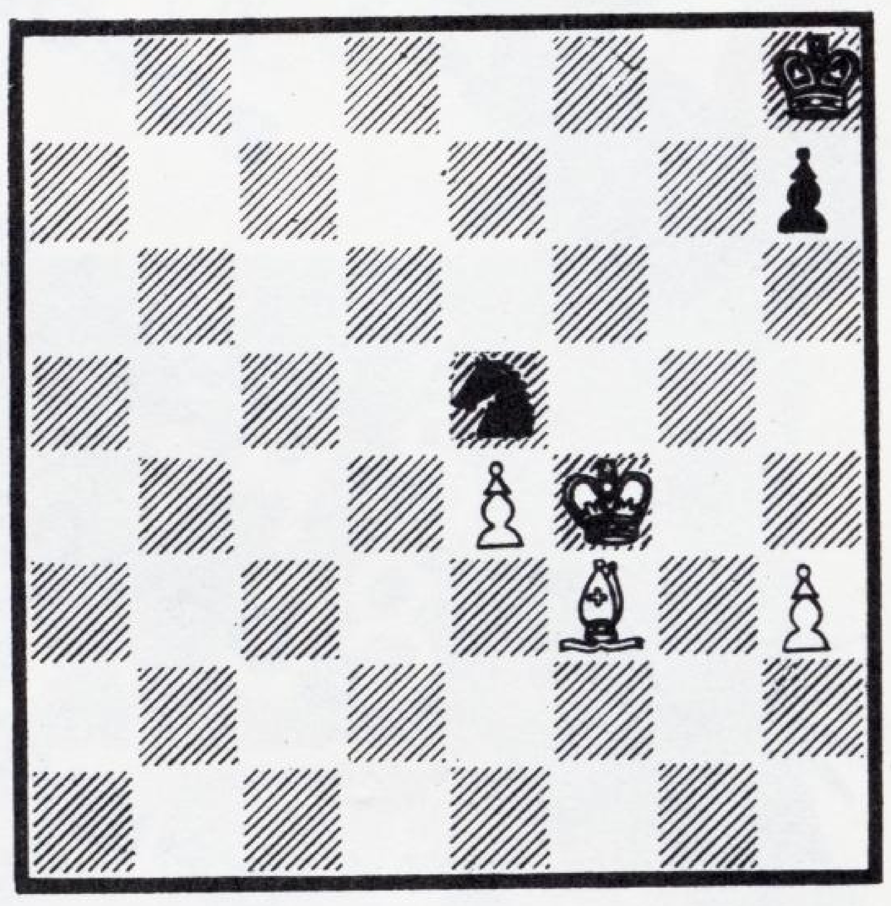


Диаграмма № 3

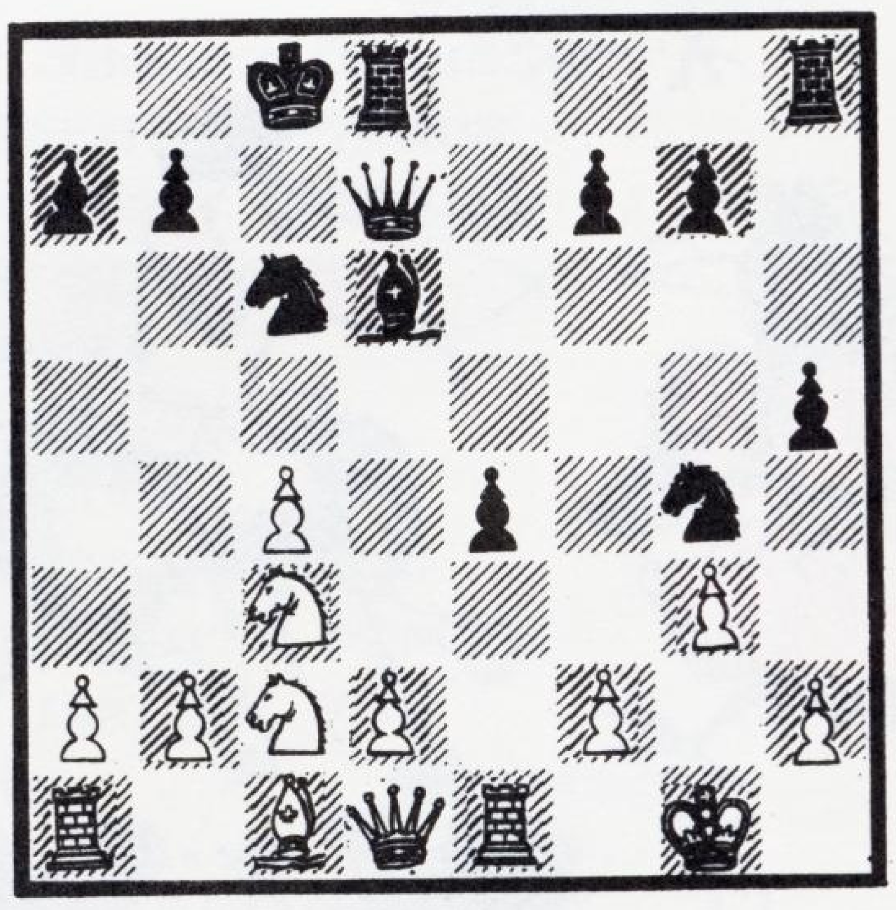


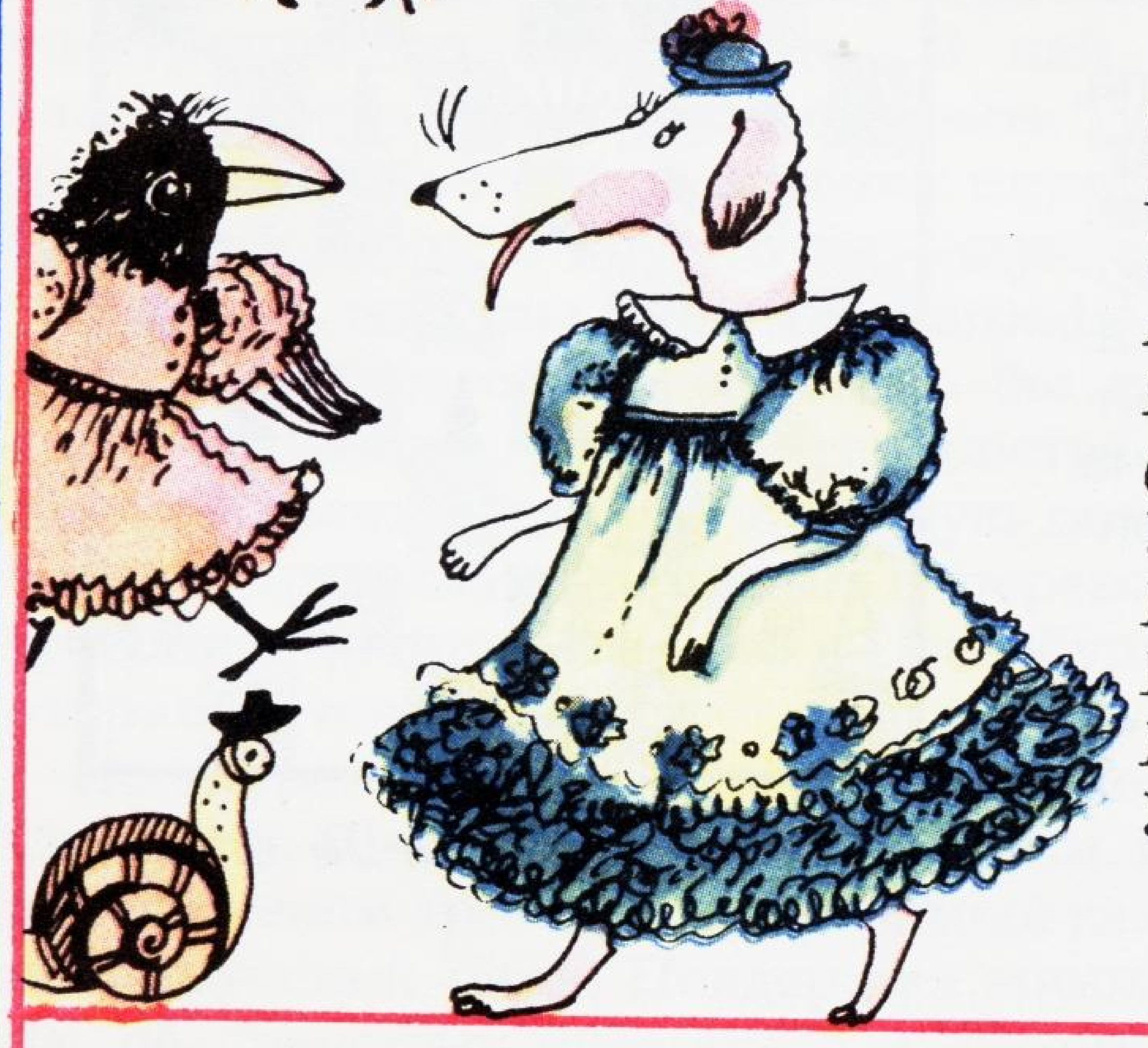
Диаграмма № 4

УМА ПАЛАТА

Рисунки А. Вовиковой.

Пирамида у ёлки

Игры деда Буквоеда



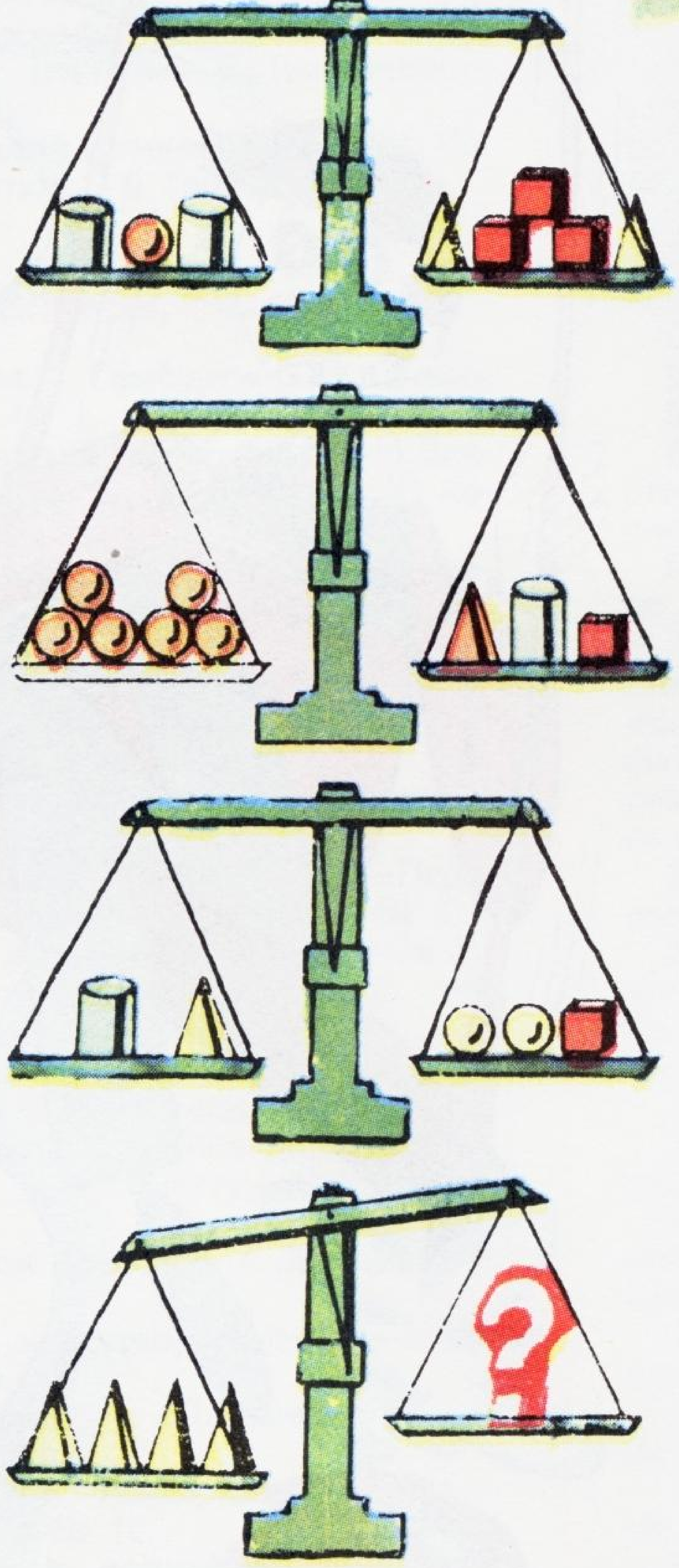
Однажды, Новый год встречая,
Ворона, соболь и борзая,
Улитка, лошадь и сорока,
А также коршун и корова
Решили — что же здесь такого!
(Хотя немного странно с виду) —
У елки сделать пирамиду!
Прошу тебя, чтоб ты сказал:
Кто, где, на ком и как стоял?
К отгадке приведет корова —
Уже на месте это слово!

Игры Луны и Пинцета

шайбу!

Давайте сегодня сыграем в хоккей,
Но мы обойдемся без клюшек и льда.
Три шайбы... на марку забросить сумей!
Всмотрись и подумай: какую куда?

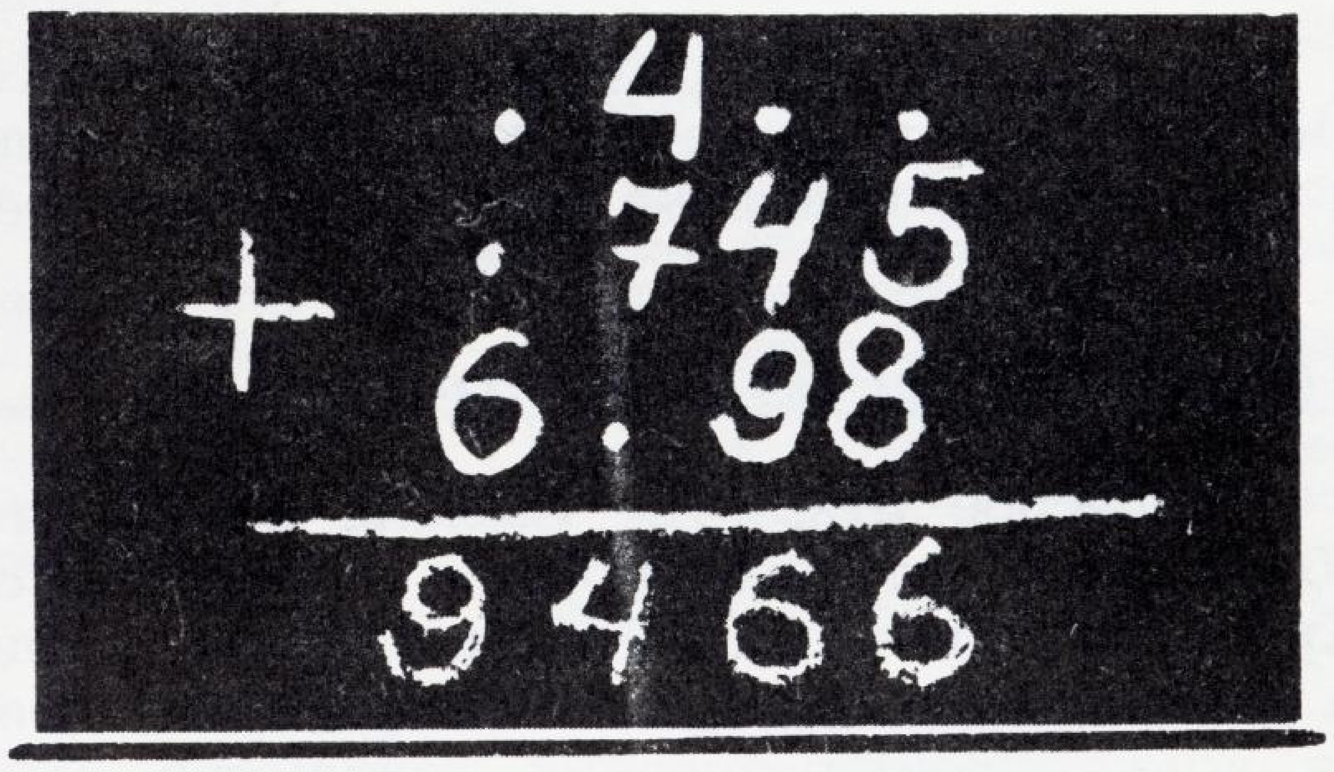
Примечание: заброшенной шайбой считается кружок, рисунок на котором в точности совпадает с рисунком на какой-нибудь части марки.



Сегодня мы по просьбе вашей
Займемся сложными вещами:
Четыре конуса на чаше,
Уравновесьте их шарами!

Решенье свое доведи до конца,
В награду получишь колпак мудреца!

К доске!



Все домой! Звонок раздался!
На доске пример остался.
Залетели в класс синицы
И склевали единицы.
Залетели сойки
И склевали двойки.
Залетели воробьи,
И не стало цифры три.
Сообщить прошу в ответе,
Где стояли цифры эти?

Живживка

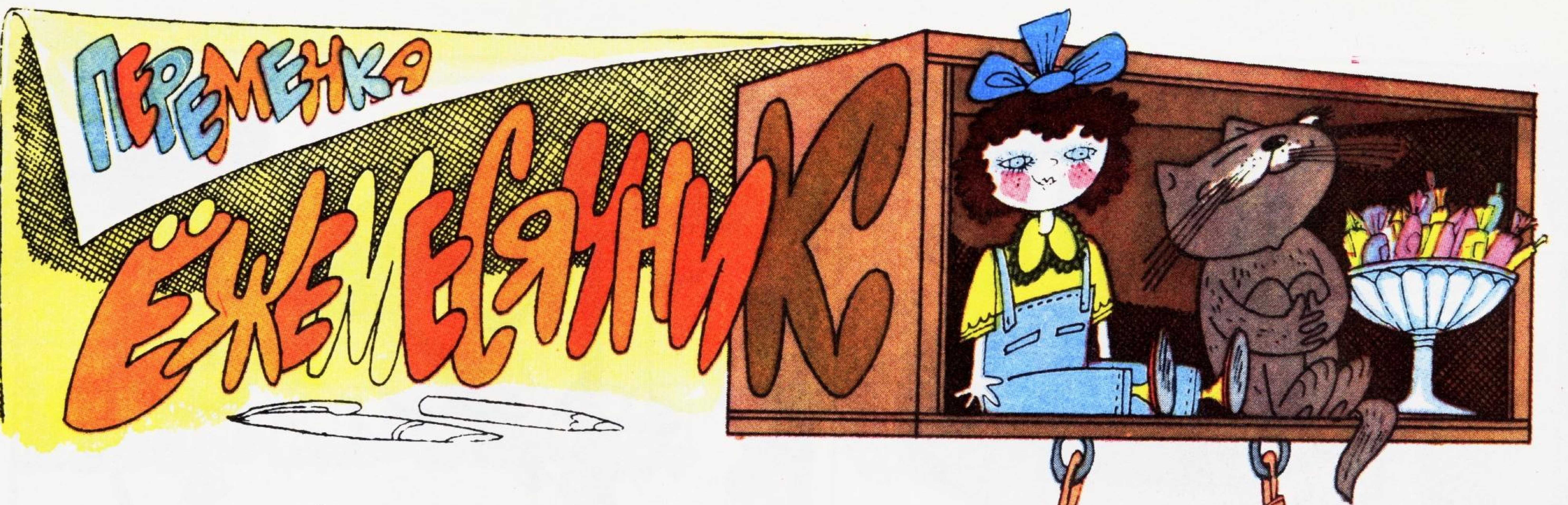
ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ ИЗ № 11

Игры Деда Буквоеда

Ква-ква-ква! Квадрат, аквариум, букварь, простокваша, шквал, клюква.

Игры Лупы и Пинцета

Вопрос жирафа. Страны — Аргентина, Канада, Уганда. Уганда — африканская страна, у нее больше прав стоять на марке, где изображен представитель африканской фауны.



Мы снова встречаемся с создателем «Ежемесячника» Б. ГАНИНЫМ. Надеемся, что скоро в «Ежемесячнике» появятся новые авторы — взрослые и дети.

Успехи воспитания

Долго дрессировал свою собаку Плюсика семиклассник Иван Мешков. В результате она теперь умеет решать уравнения. Но, к сожалению, никак не удается научить ее сообщать ответ.

Новости языковедения

Интересное открытие сделала Маша Егорова. Она вдруг обнаружила, что все хорошее начинается с буквы «к»: Катя Крошкина, кино, конфеты, каникулы, куклы, кошка, качели. А вот буква «д» отличается в обратную сторону: Даша Данилова, драка, двойка, дневник, дежурство, домашнее задание.

Очевидное — и вероятное

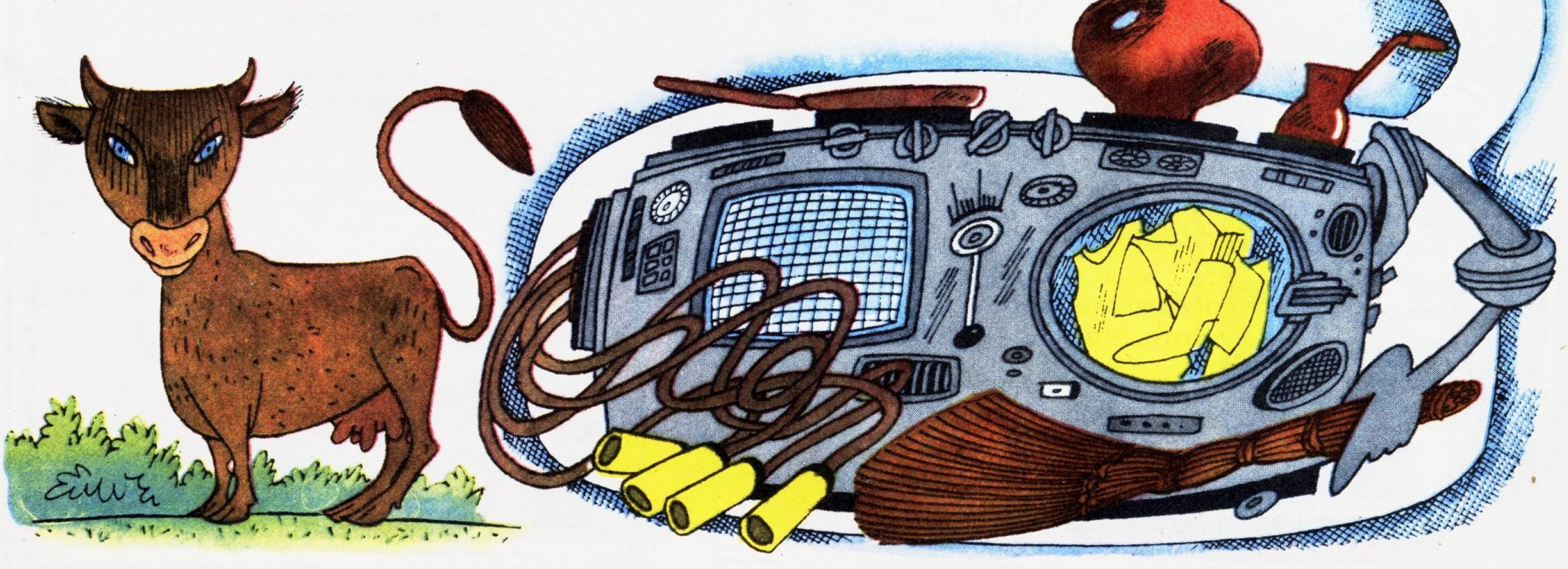
Удивительную рассеянность проявили ученики Уховской школы. В сданном ими металлоломе были обнаружены поэма Пушкина «Медный всадник» и книга Серафимовича «Железный поток».

Спортивная афиша

С личным рекордом пришел в школу Саша Трунов: опоздание превысило 26 минут. Однако рекорд не был засчитан из-за сильного встречного ветра.

Из жизни изобретателей

Помощь родителям по хозяйству — главная забота Толи Репкина. Ежедневно в течение двух часов он обдумывает проект доильно-варильно-стирально-подметального комбайна.



Рисунки Е. ШАБЕЛЬНИКА.

Содержание журнала «Пионер» за 1984 год

Константин Устинович Черненко. Биографическая справка — № 3.

Информационное сообщение о Пленуме Центрального Комитета Коммунистической партии СССР — № 3.

ПОВЕСТИ

Большие неприятности. Роман.— А. Маркуша.— №№ 1—4.

Заблудившийся робот. Фантастическая повесть.— Ю. Коринец.— №№ 4—7.

Пятое окно от угла. Главы из повести.— В. Морозова.— № 5.

«В полдневный жар...» — Л. Обухова.— №№ 6—9.

Песочные часы. — Е. Пинаев. — №№ 8—9.

Стрела. Документальная повесть.— Л. Симонова.— №№ 10—12.

Пожарный кран № 1. — Н. Соломко.— №№ 10, 11.

Как пили кофе во время войны. Отрывок из повести.— О. Тихомиров.— № 11.

Управляющий казенной палатой. Исторический этюд.— Б. Тебиев.— № 12.

РАССКАЗЫ, СКАЗКИ

Тэдди из Гамбурга.— Ю. Качаев, Э. Шарапов.— № 1.

Бегучая сказка. Сунс-Фунс.— И. Зиедонис. Перевел с латышского Ю. Коваль.— № 1.

Сидит кошка на окошке. Фантастический рассказ.— Э. Фэнсетт. Перевел с английского А. Шаров.— № 2.

Альтаир.— А. Глебов.— № 2.

Звезда.— Ю. Каменецкий.— № 3.

Янка.— С. Георгиев.— № 3.

Сказание о Евпатии Коловрате.— С. Голицын.— № 3.

Сказки Чабуа Амирэджиби.— Пересказали Ю. Анохин, Г. Снегирев.— № 4.

Вечерние игры.— В. Крапивин.— № 5.

Ты никогда не мечтал о собаке? — С. Марков.— № 5.

Сказки М. Арджилли. Перевела с итальянского Е. Дмитриева.— № 6.

Рассказ мула.— Ф. Искандер.— № 6.

Костер на плоту.— С. Романовский.— № 7.

Светящиеся буквы.— А. Дорофеев.— № 8.

Чундрики и водопроводчик.— А. Соболев.— № 9.

Муки любви. — Ю. Каменецкий. — № 10.

Карлушка и Аскыркан. Сказка.— Н. Карпекина.— № 10.

Светлячок и солнышко. Сказка.— Е. Щербатюк.— № 11.

Сиротская зима.— Ю. Коваль.— № 12.

СТИХИ

Я рисую на снегу.— В. Степанов.— № 1.

Шестой урок. Гимнастика. Мы красим парты.— М. Вейцман.— № 1.

Мне не забыть...— А. Сурова.— № 2.

Тайфун. Гончар.— Н. Юркова.— № 2.

Новый район. Первый поезд.— Т. Котенева.— № 2.

Нельзя и можно.— С. Погореловский.— № 2.

По веснушки.— И. Гамазкова.— № 3.

Весенняя страда.— В. Кремнев.— № 3.

Дети и звери. Музыка машин. Огни. Волны. Синицы.— В. Берестов.— № 3.

Бабушка и внук. Легенда.— Д. Кугультинов. Перевел с калмыцкого К. Алтайский.— № 4.

Звездный путь.— К. Саранчин.— № 4.

Ожидание.— И. Мазнин.— № 4.

Весна. Чу-кил-лик. Чум. Апрель.— О. Аксенова. Перевел с долганского Л. Яхнин.— № 4.

Что лучше? Тепло. Черемуха. Зорька. Лошадь в кузницу пришла. Награда.— В. Лисичкин.— № 4.

Письмо на броне.— В. Аушев.— № 5.

Весенний ветер. Чистое золото. Как из мухи сделали слона.— А. Босев. Перевели В. Викторов, С. Михалков.— № 5.

Дети всей земли. Отрывки из поэмы.— Р. Фархади.— № 6.

На Командорах. На острове топорков. На Куршской косе. Черные лебеди.— П. Барто.— № 6.

Гамма. Морская белка.— М. Карем. Перевел с французского В. Берестов.— № 6.

Я иду к ребятам. На покосе. Сто пятьдесят рубах и блузок... Июль. Девочке в альбом. Сердолик. Облака. Аметист. Находка.— Е. Благинина.— № 7.

Велосипед. Мотороллер. Поезд. Автомобиль.— М. Валек. Перевел со словацкого Ю. Кушак.— № 7.

Гость.— И. Гамазкова.— № 7.

Ежик.— А. Сымонович.— № 7.

Бабочка.— Н. Алтухов.— № 7.

Бумажный змей и я. Свисток.— А. Костецкий. Перевел с украинского А. Стариков.— № 8.

Голуби.— В. Подгорец; **Божья коровка.**— И. Иванович-Змай; **Падает лист.**— М. Стефанович; **Концерт.** — С. Яневски; **Хорошо...**— Л. Ршумович; **Болезни.**— Б. Павлович; **Пальцы.**— Г. Поповски; **Солнце на плече.**— С. Косовел. Перевел с сербскохорватского, македонского и словенского Л. Яхнин.— № 8.

Дедушка. Лето нараспашку. Конец августа.— С. Махотин.— № 8.

В родной моей сторонушке. Именинник. На покосе. Я иду зеленым лугом. На речке детства. На заимке. Осень. Грач. Славица.— Т. Белозеров.— № 9.

Девушка-песня.— В. Викторов.— № 9.

Драмкружок. Выборы.— Д. Телевицкая.— № 9.

Гениальность. Докладчик. Мечтатель. С тобой мы дружили... Шел в школу...— В. Берестов.— № 10.

Тула — город мастеров.— В. Степанов.— № 10.

Картина. Облака.— Е. Григорьева. — № 10.

«Нулевой километр».— Т. Котенева.— № 11.

Счастье в личной жизни. О думах. Моя тропинка.— Л. Фадеева.— № 11.

Чудо-поезд.— Н. Думбадзе. Перевел с грузинского В. Равич.— № 12.

Старый моряк. Сэр Брайан Ботани. Мы с Пухом.— А. Милн. Перевела с английского М. Бородицкая.— № 12.

Лыжник.— Е. Благинина.— № 12.

«КОРАБЛИК».— №№ 1—12.

ПЕСНИ

Учителя, вы в нашем детстве остаетесь.— Музыка Ю. Чичкова. Стихи М. Пляцковского.— № 1.

Все, что сердцу дорого...— Музыка Ю. Чичкова. Стихи М. Пляцковского.— № 6.

Ребята нашего двора.— Музыка Т. Хренникова. Стихи Я. Холецкого.— № 7.

Пионерская «Бригантина».— Музыка Н. Пескова. Стихи В. Чижова.— № 8.

Песня о Николае Островском.— Музыка Л. Печникова. Стихи Я. Шведова.— № 9.

ПИОНЕРСКАЯ И ШКОЛЬНАЯ ЖИЗНЬ

ВСЕСОЮЗНЫЙ МАРШ ПИОНЕРСКИХ ОТРЯДОВ «ПИОНЕРЫ ВСЕЙ СТРАНЫ ДЕЛУ ЛЕНИНА ВЕРНЫ»

Главное в человеке — честность.— В. Чернышев; **Поход учит мужеству.**— Д. Шпаро; **Подходите к выборам ответственно!** — Л. Яхнин. Литературная запись А. Мясниковой, Т. Шароновой.— № 1.

В гости к Гайдару.— В. Береза.— № 2.

Выступление Ю. А. Гагарина на вручении Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина первого ордена Ленина 18 мая 1962 года в Кремлевском Дворце съездов.— № 3.

Чему научит школа.— В. Пушкарев. Записал Б. Минаев.— № 4.

Репортаж с улицы Юных ленинцев.— И. Андрианова, Г. Потаповская, Т. Шаронова.— № 5.

Мы одной крови!— Н. Соломко.— № 7.

МАЛАЯ ПИОНЕРСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

Пионерский актив.— № 1.

Фестиваль.— № 2.

Пионерский эшелон. Делегат.— № 3.

Пионерский парад.— № 5.

Тимуровский слет.— № 7.

Операция «Зернышко».— № 8.

Юные пожарные.— № 9.

Комсомольский значок. — Л. Разгон.— № 10.

Пионерская путевка.— № 11.

Юные книголюбы.— № 12.

ОТРЯД ГОВОРИТ С ОТРЯДОМ

Неповторимая судьба.— Н. Довгалюк, С. Плясецкая; **Красный галстук в нашей семье.**— Л. Волкова; **Забыть нельзя.**— С. Чумак; **Самое прекрасное время.**— Р. Смирнова.— № 1.

Учение — это жизнь.— № 2.

Что нужно сделать, чтобы каждому жилось в отряде хорошо, а отряд стал дружным? Подумай и ты вместе с нами.— № 3.

Быть гражданином Советской страны; Дело, которым можно гордиться; Поступок; Как нам быть? Всесоюзный пионерский сбор-поиск «Верность красному галстуку».— № 4.

Отряды берут высоты. Дело, которым можно гордиться. Поход бережливых. Всесоюзный пионерский сбор-поиск «Верность красному галстуку»; Как нам быть?— № 5.

Кто в лагере хозяин? Октябрятским звездочкам — 60! Разговор со взрослыми.— № 7.

Отряд в поиске.— И. Кругова; **Дело, которым можно гордиться; Всесоюзный пионерский сбор-поиск «Верность красному галстуку».**— Е. Уткина; **Как нам быть?** — № 8.

Учение — это жизнь; Разговор со взрослыми.— № 9.

Учителя и ученики; Адрес заботы: дом, улица, двор; Судьба семьи в судьбе страны.— М. Захарова.— № 10.

Всесоюзный сбор-поиск «Верность

красному галстуку»; Быть гражданином Советской страны; Учителя и ученики.— № 11.
Поход бережливых.— Т. Сологуб; **Дело, которым можно гордиться.**— Т. Щербань; **Быть гражданином Советской страны; Имя отряда — честь отряда.**— Л. Кузьменко; **Страничка для размышлений.**— № 12.

ТЫ И РЕФОРМА

Живая вода родного слова.— С. Баруздин. Записал А. Воробьев.— № 9.
Главное — захотеть!— Ю. Чичков. Записала Т. Шаронова.— № 9.
Секрет старой фотографии.— Н. Меркулова. Записал А. Воробьев.— № 9.
Сделай себя умным.— Л. Подкорытова, М. Матвеева.— №№ 10—12.

ДИСКУССИОННЫЙ ПИОНЕРСКИЙ КЛУБ «ЗА И ПРОТИВ»

Хрупкие вещи.— И. Христовая.— № 8.
Еще раз о школьной форме.— Юнкоры пресс-центра «Каравелла».— № 9.
Поднимайте добро в атаку!— А. Маркуша.— № 12.

САМОСТОЯТЕЛЬНОЕ РЕШЕНИЕ

Мой первый друг — мой друг бесценный.— А. Перфильева.— № 1.
Командиры впереди! — Г. Потаповская.— № 2.
Тихая Люда.— И. Андрианова.— № 3.
Армия... без командиров.— А. Мясникова.— № 6.

ВСЕСОЮЗНЫЙ ШТАБ ТИМУРА

«Моя Родина — СССР». Задание штаба.— № 3.
Тимуровская операция «Сад мира» продолжается.— №№ 5, 8.
Навстречу III Всесоюзному слету тимуровцев.— № 6.
Нести радость людям.— М. Матвеева.— № 6.
Память детства.— Л. Симонова.— № 7.
И загорится звезда Тимура. Телеграф.— № 7.
Приказ Всесоюзного штаба Тимура.— № 7.
Обращение участников III Всесоюзного слета тимуровцев к тимуровским командам, ко всем тимуровцам страны.— № 9.
Гордимся нашей сменой.— В. Дуванов.— № 9.
Доброе слово.— А. Сиденко.— № 9.
Слет... Слет... Слет...— № 11.
БОЕВОЙ ЛИСТОК.— №№ 3, 4.

ШКОЛА УМЕЛЫХ ХОЗЯЕВ

Богатых урожаев!— Итоги конкурса на лучший пришкольный участок.— № 7.
Надежные внуки. — А. Санжаровский.— № 8.
Лесная девочка.— С. Богатырева.— № 8.

СПОРТ

Вучко ждет гостей.— А. Полехин.— № 2.
Путешествие в Спортландию. Право быть вратарем.— В. Чанов. Записал В. Березовский; **Заколдованный вратарь.**— Л. Нефедова; **Секреты «сухого листа».**— № 4.
Стремительный разбег. — В. Ганчук.— № 10.
В СТРАНЕ ШАХА — ВЛАДЫКИ ЧЕРНЫХ И БЕЛЫХ ПОЛЕЙ.— Ведет М. Юдович. №№ 1—12.

МОЙ КОНЕК

Вход только ребятам.— А. Архарова, Л. Макарова.— № 2.
Ловись, рыбка, большая и маленькая.— А. Саломатов.— № 6.
Серебряные крылья. — Т. Шаронова.— № 7.
Не скрылось бы солнце.— Ю. Аракчеев.— № 8.
И не снилось старинным поклонникам.— М. Шпагин.— № 11.
САМИ О СЕБЕ.— №№ 1, 2, 3.

ЖИЗНЬ СТРАНЫ СОВЕТОВ

День на заставе.— Л. Обухова.— № 2.
«Открылась бездна, звезд полна...» — В. Губарев.— № 4.
Легендарный дрейф. — А. Некрасов.— № 4.
Плывут по морю... поезда.— А. Архарова, Л. Макарова.— № 8.
Время ждет смелых. — В. Киселев.— № 9.

НА РУБЕЖАХ ПЯТИЛЕТКИ

На железной земле.— Г. Кублицкий.— № 1.
БАМ обживается.— № 3.
...Плюс электрификация.— П. С. Непорожний.— № 4.
Круг жизни.— Ю. Крутогоров.— № 7.

ЛЕТОПИСЬ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

Схватка.— О. Смирнов.— № 2.
«У каждого была своя война...» — А. Левина.— № 6.

ГОРОДА-ГЕРОИ

Ведет Е. Селезнева.

Волгоград.— № 5.
Севастополь.— № 6.
Ленинград.— № 7.
Киев.— № 8.
Керчь.— № 9.
Тула.— № 10.
Новороссийск.— № 11.

НА НАУЧНОЙ ВОЛНЕ

Ведет В. Никитина.

Загадка оловянной чумы.— В. Иноходцев; **Космический эксперимент.**— А. Семенов; **И мелькают города и страны...**— А. Иорданский.— № 1.
Приручение травки.— А. Дмитриев; **Где вы, антимиры?**— А. Семенов; **Родня «Капитана Флинта».**— В. Романов; **Весы эпохи мушкетеров.**— П. Савко; **Злая тетка Энтропия.**— В. Иноходцев.— № 5.
Сигнал предупреждает: авария.— А. Семенов; **Сколько атомов в кастрюле?** — В. Романов; **Долгожители.**— А. Дмитриев; **Вихрь собирает автомобили.** — Л. Копин; **Гори, гори ясно...**— В. Батраков.— № 7.
Логово «черной смерти».— П. Савко; **Странствие восьми племен.**— М. М.; **Кусочек неба из колодца.**— А. Дмитриев.— № 8.
Планета на рентгене.— А. Семенов; **О пользе мухоморов.**— Н. Лустов; **Грозные явления природы.**— А. Дмитриев; **Микронная точность в полной темноте.— П. Савко; Летательный аппарат аборигенов.**— Г. Степанов.— № 11.

ТЕБЕ, БУДУЩИЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ

Сэр Питер Скотт и его лебединое озеро.— Н. Надеждина.— № 4.
Наш единственный, неповторимый Байкал.— В. Маркин.— № 9.

ПРО ПТИЦ И ЗВЕРЕЙ

Ведет А. Плешаков.

Рысьи тайны.— В. Стоянов; **Город под снегом; Как помочь синицам.**— К. Благосклонов; **Незнакомка с Окинавы.**— И. Вечная; **Конкурс наблюдательных.**— № 2.
У джейрана — новоселье. — В. Стоянов; **О царевне-лягушке и ее сестрах.**— № 5.
Звери улетают на юг; И себе, и лесу; Восемь тысяч тайников; Итоги конкурса наблюдательных.— № 11.
Коньки-горбунки.— Г. Потаповская.— № 12.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ЖИЗНЬ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПРЕСС-ЦЕНТР «ПИОНЕРА». — Ведет П. Григорьев.— №№ 1, 7, 10.
Остров, обласканный солнцем.— В. Рыбин.— № 3.
Будни Афганистана. — Ю. Черепанов.— № 4.
Люди отстоят чистое небо.— В. Соболев, В. Левин, Н. Агаянц.— № 5.
Дети обвиняют империализм.— Г. Черный.— № 6.
На сцене и за кулисами.— М. Матвеева.— № 8.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПИОНЕРСКИЙ КЛУБ «ТОВАРИЩ»

Пионерский марш мира.— Письма участников антивоенных митингов; **Для афганских детей.**— Е. Киселев; **Мальчики из Бухенвальда.**— Б. Филатов; **Мост через реку Умбилус.**— А. Сахаров.— № 2.
Маленький страж Орлицкого края.— В. Рыбин; **Голоса друзей. Рапортуют кидовцы. Юные пожарные.**— № 4.
Салют, мир!— Обращение советских пионеров и пионеров-тельмановцев к пионерам социалистических стран в связи с 40-летием Победы над фашизмом во второй мировой войне.— № 6.
Мы — продолжатели дела Кабрала.— В. Рыбин; **От фестиваля к фестивалю; Верные помощники милиции.**— Подготовил В. Конданов.— № 9.

ГЕРБЫ И ФЛАГИ

Ведет И. Курков.

Народная Республика Болгария.— № 1.
Венгерская Народная Республика.— № 2.
Германская Демократическая Республика.— № 3.
Чехословацкая Социалистическая Республика.— № 4.
Социалистическая Республика Вьетнам.— № 5.

В МИР ПРЕКРАСНОГО

Будут образованы, очеловечены, счастливы. К 150-летию В. Г. Перова.— В. Порудоминский.— № 1.
Клякса с далекой планеты.— В. Северьянова; **Художник по имени Школа.**— И. Уварова.— № 10.
Жил игрушечник Бартрам. — Н. Давыдова.— № 12.
Главный учитель музыки. К 80-летию Д. Кабалевского.— В. Викторов.— № 12.

РАССКАЗЫ О ПИСАТЕЛЯХ

Пропавшее письмо. К 80-летию А. Гайдара.— Л. Симонова.— № 1.
Властитель дум. О В. Маяковском.— Б. Камир.— № 2.
Волшебное слово писателя. К 90-летию В. Бианки.— Ю. Дмитриев.— № 2.
«Тихий пламень чувства». Об А. Одоевском.— А. Максимов.— № 3.
А птица-тройка летит, или какую погоду любил Гоголь? К 175-летию со дня рождения Н. В. Гоголя.— Б. Минаев.— № 4.
На постоянное жительство. К 70-летию Ю. Сотника.— Е. Великанова.— № 6.
Мы подружились с Электроником. К 50-летию Е. Велтистова.— Письма читателей.— № 7.
Если хочется стать лучше. К 60-летию А. Алексина.— А. Лиханов.— № 8.
Все вперед, все в даль! К 100-летию А. Я. Бруштейн.— Л. Разгон.— № 8.
Навечно в строю. К 80-летию Н. Островского.— № 9.
Личность Тынянова.— В. Каверин.— № 10.
Свой человек в Школьной Вселенной. К 60-летию М. Коршунова.— В. Разумневич.— № 12.

ЧТО НАМ ЧИТАТЬ?

Древнее здание «Слова».— А. Архангельский.—№ 1.

Час в читальном зале.— А. Друянова.—№№ 2, 5.

Мир, открытый добрым сердцам. О книге Т. Белозерова «Подснежники».— Т. Алатырцева.—№ 3.

В волшебный мир меня позвал. О книге С. Аксакова «Детские годы Багрова-внука».— Н. Давыдова; **Все — даже свою жизнь.** О книге «Все — даже свою жизнь».— Е. Ефросинина.—№ 5.

Детство в цирке. Об «Избранных произведениях» Н. Дуровой. — И. Стрелкова.—№ 11.

Нет горя чужого... О книге Н. Соломко «Если бы я был учителем...»— М. Москвина.—№ 12.

ЗОЛОТАЯ ПОЛКА

Мой любимый край. О книге «Сказ о земле Коми».— В. Кузнецова; **Мне нравится Наташа Ростова.**— С. Филиппова; **С книгой интереснее жить.**— Т. Ярукова.—№ 3.

ВИКТОРИНЫ, КОНКУРСЫ, ЗАДАНИЯ

Варя примеряет наряды. Итоги конкурса.—№ 4.

Итоги викторины для юных историков Великой Отечественной войны.—№ 5.

Свистать всех наверх!— Итоги морской викторины.—№ 6.

Навстречу фестивалю. Викторина.—№ 7.

ЛЕТОПИСЬ «ПИОНЕРА»

«ПИОНЕРУ» — 60 ЛЕТ

Продолжая традиции.— М. Прилежаева.—№ 3.

Срочная пионерская словесность.— З. Воскресенская.—№ 3.

Тот, кто впереди.— В. Крапивин.—№ 3.

Удалой отряд.— Ю. Яковлев.—№ 3.

Лауреаты «Пионера» в 1984 году.—№ 12.

ЮМОР

«ПЕРЕМЕНКА»
Ведет В. Аленин.

Невыдуманные диалоги.—№№ 1—12.

Интервью с В. Винокуром.— Р. Дубовицкая.—№2.

Уроки Алексея Васильевича.— Г. Горин.—№ 3.

«Подсмотрелинки».—№ 5.

Встреча с В. А. Кусовым.—№ 6.

Встреча с Н. В. Литвиновым.—№ 7.

Встреча с Т. и С. Никитиными.— Записала М. Потоцкая.—№ 8.

Интервью с В. Я. Шаинским.— Записала М. Потоцкая.—№ 10.

УМА ПАЛАТА.— Ведет Е. Разговорова.—№№ 1—12.

В оформлении журнала участвовали художники:

А. Аземша, Д. Барабаш, А. Борисов, А. Вовикова, А. Гришин, Н. Доброхотова, В. Донсков, О. и А. Дугины, В. Дудкин, Л. Зеневич, Ю. Карпова, Д. Крылов, В. Мочалов, Л. Насыров, М. Петров, П. Пророков, В. Федоров, Л. Хачатрян, Ю. Черепанов, Е. Шабельник.

Фотокорреспонденты:

В. Арсирий, Д. Бальтерманц, А. Бойцов, А. Бочинин, М. Вылегжанин, И. Гаврилов, И. Гневашев, В. Гусев, Н. Дельвин, Б. Задвиль, В. Крупский, Л. Лазарев, М. Матус, В. Машатин, В. Носов, Г. Розов, В. Смирнов, И. Снегирев.

Анкета «Пионера»-84

Почтальон только что принес тебе 12-й, последний в этом году, номер журнала «Пионер». 1984 год — год особый в истории нашего журнала, год юбилейный. «Пионеру» исполнилось 60 лет. За большую работу по коммунистическому воспитанию подрастающего поколения «Пионер» был награжден памятным Красным Знаменем Центрального Комитета ВЛКСМ.

Наша давняя традиция — дружить с вами, юными читателями, советоваться, как лучше, интереснее делать журнал. И поэтому мы предлагаем всем, кто дружит с «Пионером», кто читает его, ответить на наши вопросы. Первый вопрос не совсем обычный. Те, кто точно и полно ответят на этот вопрос, будут награждены грамотами журнала.

1. Каких литературных героев нарисовал художник Дмитрий Барабаш на обложке этого номера журнала? Назови авторов книг, героев которых ты узнал. Кто из них больше всего тебе нравится и почему?

2. О чем бы ты хотел прочитать в журнале «Пионер» в будущем году?

3. Хотел бы ты пригласить в свою школу или в пионерскую дружину корреспондента «Пионера» и почему?

4. Назови повесть, рассказ, стихотворение, песню, которые больше всего тебе понравились в «Пионере».

5. Какую тему ты хотел бы предложить для рубрики «Отряд говорит с отрядом»?

6. О чем бы ты хотел поспорить в дискуссионном клубе «За и против».

Мы просим тебя написать о том, в каком классе ты учишься, давно ли читаешь «Пионер», читаешь ли ты его один или вместе с друзьями, родителями, и когда ты получаешь очередной номер: в начале месяца, в середине или в конце. Заранее благодарим всех наших читателей — и детей, и взрослых — за участие в традиционной анкете.

Место для ответа на анкету.

СОДЕРЖАНИЕ

«Кораблик»

Жил игрушечник Бартрам.— Н. Давыдова

Отряд говорит с отрядом 4

Поднимайте добро в атаку! — А. Маркуша 6

Малая пионерская энциклопедия 9

Стрела.— Документальная повесть Л. Симоновой. Окончание 10

Свой человек в Школьной Вселенной.— В. Разумневич 28

Нет горя чужого...— М. Москвина 29

Старый моряк. Сэр Брайан Ботани. Мы с Пухом.— Стихи А. Милна. Перевела М. Бородицкая 30

Главный учитель музыки.— В. Викторов. Рисунки А. Борисова 32

Ты и реформа

Сделай себя умным.— Л. Подкорытова, М. Матвеева 34

Переменка 39, 60

Сиротская зима.— Рассказ Ю. Коваля 42

Чудо-поезд.— Отрывок из поэмы Н. Думбадзе. Перевел В. Равич 49

Управляющий казенной палатой.— Исторический этюд Б. Тебиева 50

Лауреаты «Пионера» за 1984 год 56

В стране шаха — владыки черных и белых полей.— Рисунок Н. Доброхотовой 57

Ума палата.— Ведет Е. Разговорова 58

Содержание журнала «Пионер» за 1984 год 61

Анкета «Пионера»-84 63

Коньки-горбунки.— Г. Потаповская III обл.

Лыжник.—Стихотворение Е. Благининой. Рисунок Ю. Карповой IV обл.

На обложке:

«Пионеру» — 60! — Рисунок Д. Барабаша.

Главный редактор С. А. ФУРИН.

РЕДКОЛЛЕГИЯ: Т. А. ГАЙДАР, А. В. ДРУЯНОВА (редактор отдела внутренней жизни страны), **В. К. ЖЕЛЕЗНИКОВ, В. И. ИВАНОВ, В. П. КРАПИВИН, А. И. ЛЯШЕНКО, М. В. МАТВЕЕВА** (редактор отдела коммунистического воспитания), **С. В. МИХАЛКОВ, А. С. НЕКРАСОВ, М. П. ПРИЛЕЖАЕВА, В. Л. РАЗУМНЕВИЧ, О. М. САВВАТЕЕВА, Е. В. СЕЛЕЗНЕВА** (ответственный секретарь), **Л. С. СИМОНОВА** (зам. главного редактора), **И. Н. ХРИСТОВАЯ** (редактор отдела литературы и искусства), **Ю. М. ЧИЧКОВ, Ю. Ф. ЯРМЫШ.**

Редактор отдела оформления **А. М. ГРИШИН.**
Технический редактор **Е. Г. ЕВДОКИМОВА.**
Макет **В. П. ДУДКИНА.**

© Издательство «Правда», «Пионер», 1984.

Адрес для писем: **101459, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.**
Телефон 212-14-17.

Сдано в набор 02.10.84.
Подписано к печати 18.10.84. А 12867.
Формат 84×60 $^{1}/_{8}$.
Офсетная печать.
Усл. печ. л. 7,46. Учетно-изд. л. 9,85.
Усл. кр.-отт. 31,17. Тираж 1670000 экз.
Изд. № 2758. Заказ № 3629.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
125865, Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24.

Г. ПОТАПОВСКАЯ

КОНЬКИ-ГОРБУНКИ

Есть в Московском зоопарке животные, которые в нем не просто живут, а работают. По-настоящему работают. Это пони, маленькие лошади. Четыре часа в день каждая из них катает по кругу ребят. Четыре часа длится рабочий день лошадки. Кто сосчитает, сколько километров пробегают пони за день? И трудно решить, кто приносит детям больше радости — морж, который показал на мгновение блестящую усатую морду, сипло вздохнул и снова ушел в глубину, или настоящая лошадь, пусть небольшая. Кстати, очень хорошо, что небольшая. До морды шотландского пони достает даже четырехлетний посетитель зоопарка. А гладить этих коньков можно без опаски: они никогда не причинят вреда.

Есть что-то древнее в их облике — в крупных мордах, в густых хвостах и гривах до тяжелых копыт, в коротких кряжистых ногах. Они похожи и на степных монгольских лошадок, и на коньков-горбунков. Конюх Андрей Белкин сказал о своих подопечных так:

— Я считаю, что пони гораздо умнее больших лошадей. А уж добрее наверняка. Они характером мягче и человеку доверяют больше. Может, темперамента и прыткости у них поменьше, зато никогда не кусаются. Они не такие зазнайки, и их внимание не нужно завоевывать: первые с людьми начинают общаться. Вот пойдемте к ним, сами увидите.

И точно, как только мы вошли в загон, нас обступили мохнатые лошадки.

— Они просят чего-нибудь?

— Да нет, что вы! — отвечает Андрей.— Подошли поздороваться.

Впереди всех стоял совсем маленький серый пони с длинной седой челкой. Я провела рукой по бархатной морде.

— Как его зовут?

— Это Дунай, он у нас самый маленький. Ростом, конечно. А вообще он опытный, шесть лет на кругу работает. Спокойный конек, умный. Детей на нем верхом фотографируют. Посадят на него ребенка — стоит, не шелохнется, и придерживать его не надо: понимает ответственность. Ну, дети его и забаловали, конечно. Сколько ни просим: не кормите, ему вредно,— все равно конфеты суют исподтишка. А Дунька и рад. Стал в сумки мамам залезать, прямо безобразие. А вон, видите, рыжая пони с черными ногами? Майка, ей двадцать два года, она у нас ветеран. Двадцать лет ребят катает. Иных молодых кучеров учит работать — ровно бежит, не быстрее, не медленнее, чем нужно, останавливается плавно. Одним словом, профессионал.

К Дунаю подошел и положил ему на спину тяжелую морду что-то слишком крупный для пони темно-коричневый конек.

— А это кто?

— Макет. Майкин сын. Почти вдвое больше матери вымахал. Из всех самый добрый. Вперед никогда не полезет, клянчить ничего не станет. Скромный парень. Дунай — его большой друг. Когда не работают, так вместе по загону и ходят. Играют, бегают друг за другом. Я их и на круг стараюсь вдвоем выводить, а то скучают поодиночке.

— Опять ты о своих коньках сказки рассказываешь! — смеется подошедшая зоотехник Люда Соколова.— Ну разве их можно сравнивать с настоящими лошадьми? Пони — игрушка, забава. Для настоящего дела они не годятся.

— Да они самое серьезное дело в зоопарке делают! — обижается Андрей.— Когда морозы стоят, они все равно с утра до темна без выходных трудятся. Как только не простужаются! Это что же, не настоящая работа?

— Верно,— соглашается Люда,— нечего зря говорить, наши пони — безотказные работяги. Мы в школьные каникулы их в тройки запрягали, с бубенцами. Макет коренником ходил. Такие на тройки очереди стояли! Пони свой овес не даром едят. Но я все равно обычных лошадей больше люблю.

— Ладно, о вкусах не спорят,— примирительно говорит Андрей.— Ты занимайся большими лошадьми, а я с пони возиться буду.

На том мы и расстались. Я уходила из зоопарка, и мой путь лежал мимо круга, по которому дисциплинированной рысцой бегали пони. Дул ветер, косо сыпалась мелкая снежная крупа. Пар валил от заиндевелых морд коньков-горбунков. Снег набился им в челки, в густые гривы. Раздавались детские голоса. Стойко державшаяся на разыгравшейся вьюге маленькая очередь возле замерзшей билетерши. Ребята терпеливо ждали, чтобы, быть может, впервые в жизни по-настоящему покататься на настоящей, пусть маленькой, лошади.

Рисунок А. БОРИСОВА.

Елена **БЛАГИНИНА**

Лыжник

Голубые тени
На снегу.
Я по ним возьму
Да побегу.
Мимо старых ветел
За избой,
Через наш березничек
Рябой,
Мимо фермы, где мычат
Бычки.
Мимо ГЭС, по берегу
Реки,
Через поле и
Наискосок,
Прямо в наш молоденький
Лесок.
Там я погуляю,
Поброжу,
Все ли сосны целы,
Погляжу.
Нет ли искалеченных,
Больных?..
Это мы ведь посадили
Их.
Мы — ребята нашего
Села.
Вот и песня вышла
Весела!

ISSN 0130—8009
Цена 30 коп. Индекс 70694.